

Дмитрий Фегосев

18+

Мрачная ночь

Дмитрий Александрович Федосеев

Мрачная ночь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64422011

SelfPub; 2021

Аннотация

Хотите узнать, что будет завтра? Далёкая зимняя ночь 2008-ого года сохранила для вас некоторые подсказки. Но хватит ли вам смелости, чтобы пережить её до конца, узнав все тайны прошлого и будущего? Сможете ли вы не поддаться звериному ужасу, пропитывающему страницы этой истории и закончить начатое? За холодными стенами гигантского, всеми забытого здания скрываются лишь безысходность и отчаяние. Пролитая кровь невинных, безумие и явления, остающиеся за гранью человеческого разума, откроют вам путь в измерение бесконечных страданий и вездесущей тьмы, где, возможно, вы найдёте ответы. Только тогда вы уже не захотите их знать. ... Некоторые тайны лучше оставить нераскрытыми...

Содержание

Пролог	5
Глава 1. День первый	12
Глава 2. День второй	24
Глава 3. День третий	77
Глава 4. День четвёртый	109
Эпилог	187

Дмитрий Федосеев

Мрачная ночь

*У всех есть свои тараканы в голове.
Просто у настоящих психов они иногда
выбираются наружу и кусают своих
хозяев... или других людей.*

Пролог

Они убили её. Убили, погрузив перед смертью в океаны боли и страданий, разрезая её юное тело на лоскуты и уродуя тёплую, ещё живую плоть. Её крики крепко впечатались в моё сознание, неся страшную весть, которая снова и снова крутилась у меня в голове: «она мертва, её больше нет».

Когда чудовищный ритуал был окончен, они открыли дверь, впуская в полусумрачную комнату, ставшую мне тюрьмой, тусклый свет, и пронесли тело мимо меня, давая возможность в последний раз взглянуть на свою сестрёнку. Но... было бы лучше, если бы я не смотрел. Мёртвая четырнадцатилетняя девушка, которая лежала на древних носилках, была настолько обезображена, что не вызывала во мне никаких тёплых чувств, только ужас и отвращение.

Живот сестры был изуродован огромным вертикальным разрезом, из которого виднелись внутренние органы и вываливались кишки, одна из которых тянулась по полу, оставляя кроваво-слизистый след. Её нос, как веки и губы были грубо отрезаны, а оставшиеся на голове волосы – оплавлены. Глаз у тела также не было, и глазницы сверкали жуткими провалами. Вдобавок ко всему, всё тело было испещрено небольшими тонкими ранками, кровь из которых залила всё тело.

Ошалело подняв свои обезумевшие от увиденного глаза, я встретился взглядом с одним из чудовищ, проделавших

это... Она злобно улыбнулась мне, словно говоря: «Вот и всё. Скоро придёт и твоя очередь.»

Когда тело почти вынесли из комнаты, кишечник, ползущий за девушкой по грязному полу, зацепился за торчащий из старого паркета гвоздик. Кишки быстро размотались до упора, окончательно вывалившись из нутра наружу. После чего часть, зацепившаяся за металлическое препятствие, всё-таки порвалась, выпуская зловонную коричневую массу. Заметив это, женщина приказала мужчине, который ей помогал тащить тело, остановиться. Положив носилки на пол, они, словно старое вонючее тряпье, брезгливо и неаккуратно побросали кишки прямо на тело девушки. Тут я не выдержал и упал на колени, высвобождая остатки отвратного ужина и захлёбываясь слезами.

Когда я пришёл в себя, то обнаружил, что за небольшим окном подвала, в котором меня держали, становилось светлее – близился рассвет. Справедливо полагая, что мучители поднялись наверх, дабы отдохнуть, я понял, что пора действовать. Жаль только, что план побега не пришёл в мою голову раньше, когда сестрёнка ещё была жива.

Проковырившись минут пятнадцать, я вытащил из старой стены осыпающийся кусочек кирпича, который заметил с самого момента заточения. Держа его в руке, которая была прикована наручником к вертикальной довольно тонкой металлической трубе, я медленно полез по ней вверх. Кое-как добравшись до самого потолка, я, глубоко дыша и изрядно

вспотев, замахнулся кирпичом, и что было мочи стукнул по проржавелому участку, обмотав его тряпкой для звукоизоляции.

– Хрясь! – звук удара глухо отразился от стен, больно врежаясь в перепонки.

– Хрясь! – труба, наконец, лопнула.

Быстро вернувшись на пол, я кое-как вставил ещё более осыпавшийся кирпич в кладку, смёл руками образовавшийся мусор в угол и лёг на пол, притворившись спящим.

Но мучители так и не спустились, чтобы проверить меня. То ли они были уверены, что я не смогу сбежать, то ли они так ничего толком и не расслышали. А я, немного отдышавшись, снова влез по трубе и, приложив ещё массу усилий, наконец, оказался свободен.

А ведь сначала всё было не так уж и плохо. Когда они забрали нас с сестрой из детского дома, мы не находили себе места от счастья. Наконец, у нас появились родители, которые, как нам тогда казалось, нас любили. Они купили нам кучу всяких интересных вещей, одели и обули. Мама Таня... вернее, женщина каждый день пекла нам какой-нибудь новый пирог, один вкуснее другого. Её муж каждый вечер рассказывал нам интересные истории, которые, как он утверждал, когда-то в далёкой молодости случились с ним. Мы стали ходить в обычную школу, как и все нормальные дети. Всё было идеально.

Мир рухнул, когда однажды ночью мне приснился сон,

что мои новые родители, заткнув, мне рот, чтобы я не шумел, вкололи мне какое-то лекарство. А утром мы с сестрёнкой проснулись в подвале, прикованные к старым трубам наручниками, и я понял, что это был не сон. Нас накачали и связали. А потом женщина сказала, что что всё, что было до этого – всего лишь шоу, дабы убедить органы опеки в том, что у нас всегда всё было идеально. Её речь прервал звук мотора. Я наивно понадеялся, что это приехали к нам на помощь, но, конечно, ошибся. Это был какой-то старик, с которым долго разговаривали бывшие приёмные родители. Всю беседу мне расслышать не удалось, но до меня долетели обрывки, в которых говорилось о каком-то ритуале, о том, что он займёт около четырёх дней и о том, что старик осыплет своих работников золотом, если всё пройдёт гладко.

Вечером того же дня, покормив нас какими-то помоями, бывшие приёмные родители неожиданно отстегнули сестру и увели наверх. Тут то и начался ад. Сестренка, моя кровиночка, кричала, звала меня на помощь, а я ничего не мог поделать, раз за разом дёргая наручник и заливаясь слезами...

Выйдя из подвала, я направился в ванную, ступая как можно тише – рисковать было нельзя. Ввалившись в комнату, я открыл шкафчик с медикаментами, но, покопавшись, не нашёл того, что искал. В аптечке были только вата, бинты, перекись водорода и таблетки от кашля. Немного подумав, я обмотал руку с наручниками бинтами, чтобы они не звенели и не нарушали тишины. Расстроившись из-за того,

что не нашёл необходимого препарата, которым нас с сестрой усыпляли, я задумался над тем, где же он лежит и едва не пропустил тайник.

Прямо под шкафчиком с медикаментами одна из плиток неплотно прилежала к стене, слегка выдаваясь вперёд. Подковырнув её ногтем, я с удовлетворением отметил, что там находилась парочка небольших коробочек с ампулами и шприцы. Название препарата оказалось довольно сложным: «Раствор кетамина гидрохлорида», и ни о чём мне не говорило, однако я не сомневался, что в этих маленьких стеклянных ячейках хранится сильное снотворное. Расколов ампулы и набрав в шприцы необходимые дозы наркотика, я направился наверх, к своим бывшим приёмным родителям.

На тумбочке около женщины лежала она. Небольшая чёрная книга, одно только присутствие которой заставляло трепетать. Я знал, что это она на самом деле виновата во всём, но прежде, чем я ей займусь, нужно было разобраться с убийцами.

А они мирно спали, даже не подозревая, что их смерть уже близко. Благодаря перетопленному котлу они спали без одеяла, поэтому, я отметил, что сделать им уколы будет даже проще, чем я думал.

Меня пронял озноб, а тело покрылось потом. Мне до рези в животе захотелось убежать как можно дальше отсюда и забыть весь этот ужас, произошедший сегодня. И только тупая злоба, и жажда мести толкали меня вперёд, заставляя

действовать немедленно.

Сначала я вытянул ключ из замка, потом подошёл к окну, закрыл его на все щеколды и воткнул в проём металлическую ручку мужчины, чтобы раму было открыть сложнее. После чего тихонько подошёл к спящей парочке и резким движением одновременно воткнул два шприца, быстро введя лекарство.

Тут же проснувшиеся мучители вскрикнули, сонно оглянувшись на меня и, не скрывая удивления, на шприцы в моих руках. Пара резко поднялась с кровати и кинулись на меня, но я оказался проворнее: одним прыжком выскочил из спальни и, вставив ключ в замок, запер их в комнате.

– Открой дверь, маленький говнюк! – убийцы принялись стучать по дверям, но они оказались довольно прочными. Поняв это, один из них, судя по шуму, подбежал к окну и отчаянно начал его дёргать, пытаясь открыть. Однако это выходило у него плохо – оконная рама явно застряла. Вскоре послышался звон разбитого стекла, а потом шум упавших на пол тел. Анестетик, наконец, подействовал.

Для уверенности я подождал ещё несколько минут, затем быстро открыл дверь и зашёл в комнату. У разбитого окна, как я и предполагал лежала женщина, а мужчина, развалив руки в стороны валялся у двери.

Спешно думая, чем бы связать ублютков, я бегло осмотрел комнату. Четыре пары наручников я нашел лежащими прямо на прикроватной тумбочке. Там же оказался и ключ.

Быстренько отстегнув от себя стальные тиски, я кое-как подтащил мужчину к обогревательной батарее и приковал его руки. Потом ещё, немного подумав, на всякий случай пристегнул и его ноги. Рядом, таким же образом, я скрутил и женщину. Потом не спеша, сходил на кухню и взял самый большой нож, который смог найти, после чего вернулся к бывшим мучителям, которые, сами того не желая, превратились в мучеников.

Очнувшись они почти одновременно.

– Ах ты ж маленький гадёныш! – прохрипела женщина, – Ну-ка отстегни нас! Иначе нам придётся тебя хорошенько выпороть!

Но потом она заметила в моих руках огромный нож, и, наконец, злость в её глазах сменилась ужасом, которым я стал наслаждаться, словно вампир кровью жертвы.

– Что ты... собираешься делать? – заикаясь неуверенно прошептал мужчина.

– То, что вы сделали с моей сестрёнкой, – медленно ответил я, смакуя каждое слово. И направился к ним...

Глава 1. День первый

24 января 2008г.

Тяжёлые свинцовые тучи, огромным непроницаемым одеялом укрывшие Богом забытую станицу, словно застыли на месте, заполняя всё ночное небо от горизонта до горизонта. Пропитанные влагой и слипшиеся снежинки щедро усыпали окружавшие горсть ветхих домиков поля, кое-где покрывшуюся льдом извилистую речку, немногочисленные темные улочки, изредка освещённые тусклыми фонарями, которые только подчеркивали сгустившуюся темень, нежели боролись с ней, и, конечно, стоявшее на отшибе громадное здание, которое в былые времена вселяло надежду на светлое будущее и, в каком-то смысле, гордость за Отечество, а теперь обветшалое и полуразваленное доживало свои последние дни.

Едва рассеивающий черный туман своими грязными фарами, совдеповский автобус, наконец перевалил через старый мост и оказался на широкой заасфальтированной улице на краю степного села, которая раньше была частью трассы, идущую на административный центр соседнего района, а теперь так же покинутая людьми и увядающая с каждым днём, как и вся станица. Несмотря на то, что перед громадиной мрачного здания виднелась затянута зарослями автобусная остановка, пассажирский автомобиль не стал подъезжать к

ней, а свернул на одну из самых освещённых улиц населённого пункта. Меся тяжёлыми колёсами кашицу из осадков и постанывая на кочках, он добрался до обшарпанной школы и, наконец, заскрипев тормозами, остановился. Хмурый, за всю поездку не проронивший ни слова, далеко не молодой мужчина, сидящий за рулем потрёпанного жизнью автобуса, молча открыл дверь и, проводив меня волчьим взглядом, распахнул рот, очевидно, намереваясь что-то сказать. Я, заметив это, остановилось на последней ступеньке транспорта и развернулась к старику. Встретившись со мной взглядом, он, как мне показалось, смутился и, переведя глаза на лобовое стекло, тихо прохрипел:

– Мороз крепчает... Будьте осторожнее.

Мне показалось, что вторую фразу он говорит явно не о погоде и скользкой дороге. Он имел ввиду что-то другое, что вселяет страх не только в его душу, но и пугает всю округу. Впрочем, время для расспросов, как и для раздумий было не подходящее, и я, поблагодарив пожилого мужчину за заботу и за дорогу, спрыгнула на тротуар.

Заскрипев механизмами, дверь автобуса захлопнулась, и тот, заурчав словно уставший древний зверь, который хочет, чтобы его, наконец, оставили в покое, медленно поплёлся по тихим улочкам. Через несколько мгновений, когда автомобиль свернул за угол, он и издаваемые им звуки словно оказались поглощены мглой. Тишина снова опустилась на станицу.

Я сделала глубокий вдох холодного и чудесно пахнущего воздуха. В городах о таком приходится только мечтать.

Подняв голову к небу, я отметила, что, хотя тучи и не разошлись, но мокрый снег всё же перестал валить, как сумасшедший. Застегнув куртку и поправив рюкзак за спиной, сделала первый шаг и поняла, что старик оказался прав. Не в том смысле, что мне следует быть осторожнее – об этом судить ещё рано, а в том, что мороз и впрямь крепчает. Каша из воды и снега довольно быстро превращалась в лёд и хрустела под ногами.

Неторопливо идя по улочкам и осматриваясь, я вспоминала своё недолгое, резко оборвавшийся детство. Двигаясь на запад – в противоположную сторону мрачному монументу, я всё больше уходила в прошлое и свои мечты о том, так всё могло сложиться. Пока, наконец, я, продрогшая до костей, не уперлась в гнилой деревянный забор. Немного постояв перед ним, пытаясь собраться с силами, я протянула руку к калитке, которую трясло, как конечность у эпилептика во время приступа, и дело было не в холоде. Вернее, не только в нём. Нервно сглотнув, толкнула калитку, которая, однако, не поддавалась. Пытаясь понять причину, я осмотрела побитую погодой и временем инженерную конструкцию в поисках замка и проволоки, с помощью которой в деревне часто прикрывали калитки, но, недолго думая, пришла к выводу, что дело в замёрзшей каше из снега и воды. Пришлось перелезть через чахлые и скрипящие доски забора.

Оказавшись по ту сторону, я огляделась: небольшая стеклянная теплица, которая покосилась в сторону забора, клумба, занимавшая больше половины двора, на которой раньше росли всевозможные цветы – мамина гордость, теперь лежала под снегом вперемешку с бурьяном, и, наконец, старый, потемневший от времени дом. Я подошла к крыльцу, не зная зачем заглядывая в окна, и доставая по пути древнюю связку ключей. Распахнув скрипучую дверь, я не стала заставлять себя ждать и, миновав крохотные сени, сразу направилась в гостиную.

В ноздри ударил холодный, пахнувший пылью и затхлостью воздух. Абсолютно непроницаемая тишина сразу стала давить на нервы. А окутавший меня мрак вынудил меня достать из кармана мобильник, который, к слову, говорил об отсутствии сети, и включить слабенький интегрированный фонарик.

Как бы это не было глупо, но с того момента, как я увидела калитку своего дома, в котором провела своё счастливое детство, мне казалось, что я вернулась в прошлое. Или надеялась на это. Что стоит мне войти в дом, как мне навстречу выбежит мама в фартуке, только что готовившая всякие вкусности к моему приходу и, словно случайно – в своём стиле, выйдет из комнаты сестрёнка, которая скажет что-то вроде: «Почему так долго? Заблудилась?». А её глаза, улыбаясь, будут вторить маме: «Ну наконец-то ты пришла, дорогая. Не замёрзла?».

Однако, включившийся фонарик бездушно разрушил эту иллюзию. Своим холодным белым светом он озарил совершенно незнакомую мне комнату. Тринадцать долгих лет и случившаяся трагедия словно стерли память о родном гнёздышке и все счастливые воспоминания, которые его касались.

Немного постояв, приходя в себя, я поняла, что окончательно замерзла. Щёлкнув пару раз подвернувшимся под руку выключателем, осознала, что нужно искать электроцит или хотя бы свечи для начала. Пройдя на кухню, я обнаружила твердотопливный котёл, на котором красовалась выдавшая виды керосиновая лампа. Поболтав ею в воздухе, я уловила плеск остатков топлива и, закинув телефон обратно в карман, зажгла спичку, а затем и керосинку.

Ни угля, ни дров в комнате не оказалось, поэтому мне пришлось посильнее закутаться и выйти через заднюю дверь. В этой части двора всё оказалось заросшим кустами неизвестного происхождения, но мне всё же удалось пробиться к поросшему мхом полусгнившему бывшему сеннику, в котором и обнаружились трухлявые дрова. Дальше по тропинке виднелся кирпичный сарайчик, и, возможно, в нём можно было найти уголь или хотя бы дрова лучшего качества, но я настолько устала и замерзла, что просто отобрала охапку дощечек, которые могли гореть и, взяв в другую руку керосинку, вернулась в холодный, тёмный и оттого такой мрачный дом.

Растопить тоже удалось не сразу. Бумага, как и деревянные загорелись неплохо, но дым почему-то не утягивало в трубу, и он через все щели просачивался в комнату. Уже через пару минут вся кухня было загазована как, в газвагене или, проще говоря, «душегубке» гитлеровцев. Кашляя, я открыла дверь на улицу. Но, когда я пришла к мнению, что, похоже, засорилась труба и мне придётся тушить пламя, дым перестал валить. Его клубы становились всё меньше и прозрачнее, пока, наконец, не исчезли вовсе. Облегчённо вздохнув, я допроветривала помещение и хотела сесть греться, но вспомнила, что нужно ещё включить насос.

Проклятый электрощит оказался на улице, с обратной стороны сеней. Щелкнув предохранителями, я решила заодно включить и воду и поплелась к яме, у которой виднелась водопроводная колонка. Откинув шифер, для чего пришлось приложить немало усилий из-за примерзшего льда и снега, я спустилась и повернула необходимый вентиль, который на удивление открылся довольно легко. Видимо его поменяли по настоянию моей тёти, которая несколько раз приезжала сюда для поддержания порядка. Сначала она пыталась продать дом, но, как это ни удивительно, из-за дурной славы окрестностей никто не клюнул даже за смешную цену участка. Конечно, она не предполагала, что после случившегося я вернусь сюда. Тогда и я тоже не склонялась к такому развитию событий. И лишь моё подсознание, раз за разом пичкающее меня проклятыми сновидениями, всегда

знало истину.

Когда я принялась вылезать из ямы, тишину разрушил громкий звук удара. Да так неожиданно, что я едва не полетела обратно, но удержавшись, всё же больно ударилась коленкой о камень.

Второй удар застал мой слух, когда я задвинула тяжеленный шифер обратно. Поняв, откуда доносится звук, догадалась, что кому-то не помешала бы помощь. И, чертыхнувшись, голодная, холодная и уставшая пошла к соседям.

Молодая девушка, чуть старше меня, с силой дергала ручку двери, пытаясь при этом повернуть ключ в замочной скважине. Вот она подняла ногу в тяжёлом ботинке и снова вмазала ею по двери, озарив улицу громким «бах!».

– Добрый вечер, помощь нужна? – не люблю трепаться ни о чём, да и время не подходящее, поэтому сразу перешла к делу.

Брюнетка, явно не ожидавшая чего-либо появления, вздрогнула и резко обернулась. Установившиеся на меня глаза расширились, а сама девушка от страха прижалась спиной к двери.

– Не привыкли ещё к привидениям? – усмехнулась я, – Не тревожьтесь, я не одна из них. Пока ещё.

– Ты кто? – едва шевеля губами, произнесла брюнетка.

– Очевидно, твоя новая соседка, – иногда подумав, добавила, – На некоторое время.

Девушка сглотнула и, приходя в себя, рассмеялась:

– Чёрт, ну ты меня и напугала! Проходи, не стой на улице.

Кое-как приотворив ветхую калитку, я вошла во двор. Взглянула на дверь, ведущую в дом. Впрочем, это было лишним, и без того понятно, что из-за отсутствия навеса перед входом, под дверь набился снег, который позже примерз.

– Тут не обойтись без ломиков и топора, – сказала я, быстро оценив ситуацию.

– В сарае должны быть. Проклятье... – девушка закатила глаза, – ключи от него лежат на окне в доме.

– Мда... Пойдём, посмотрим, что у меня имеется.

Мы молча вернулись ко мне домой, где я захватила старую связку ключей. Быстро подобрав ключ, я отворила металлические ворота полусарая-полугаража, из которого пахло остатками ГСМ, знакомой пылью и ещё немного плесенью. На удивление, я сразу наткнулась на выключатель и, что ещё более невероятно, лампочка зажглась, озарив небольшое, заваленное всяким хламом, помещение.

– Ты купила этот дом или..? – неожиданно спросила брюнетка.

– А какая разница? – вопросом на вопрос ответила я, – Ты лучше посмотри какая красота тут стоит.

– Какой-то старинный мопед, – пожалала плечами девушка, – Вряд ли он ещё способен ездить. Теперь это всего лишь куча металлолома.

– К твоему сведению, это немецкий BMW R12. Коллекционный раритет. Даже если он не ездит, то всё равно стоит

немало, – что-то я не помню его здесь. Впрочем, тринадцать лет прошло, мало ли чего я не помню.

– Ты не отвечаешь, потому что что-то скрываешь?

– Или, потому что это не имеет значения, – парировала я и, погладив пыльную сидуху мотоцикла, прошептала, –
Надо будет тобой заняться.

– Или, потому что как раз имеет.

– Нашла, – я указала на стоящие в углу рядом с громоздкой бензопилой «Дружба» инструменты.

– Имеет значение, и ты стыдишься этого. Или просто осторожничаешь.

– Если человек скрытный, это не значит, что он маньяк, – с улыбкой ответила я, вручая соседке ломик, – По крайней мере, не всегда.

Закрыв ворота, мы снова пришли к замерзшему сугробу. Впрочем, долбить его пришлось недолго – не успел так сильно заледенеть. Куда неприятнее оказалось то, что вода успела просочиться между дверью и косяком и застыть. Достать туда ни топором, ни ломиком не представлялось возможным.

– Нужно кипятком полить. Не сидеть же ковырять лёд всю ночь ножичком.

Мне лишь осталось согласиться и пригласить девушку к себе, пока вода не закипит.

В доме уже было потеплее. Котел, в который я закидывала дрова только, когда пошла включать свет, едва не погас,

и я уж было решила, что придется начинать всё заново. Однако, моя новая знакомая с помощью пары листиков бумаги и тонких веточек умело спасла положение, и вскоре огонь вспылал с новой силой. Поставив на электроплитку чайничек, я, наконец, уселась рядом с котлом у батареи и принялась греться.

– И что же привело такую молодую перспективную девушку в такую глушь? – брюнетка села рядом на стульчик, продолжая свой допрос.

– Ты не подумала, что у людей могут быть секреты, о которых не рассказывают первым встречным? И, к тому же, а что в такой глуши делаешь ты?

– У меня особого выбора нет. После смерти моих родителей едва хватило денег, чтобы отучиться. Сейчас, чтобы не платить хотя бы за комнату, живу и работаю здесь.

Я почувствовала укол совести:

– Прости, я не хотела.

– Да, ничего.

Мы немного помолчали, думая о своём.

– Ты к нам надолго? – всё же не выдержала любопытная девушка.

– Пока не знаю, – честно ответила я.

– А я с детства живу здесь. Скучновато, конечно, народ то почти весь разъехался. В основном старики остались, которым уже помирать скоро, да люди, которым больше податься некуда. Без копейки в кармане. И те, кто может, собирает на

новый дом, дабы подальше отсюда. Одна семья вот, батя с сыном, людей да продукты катают. Кроме них то никто сюда не ездит, бояться.

– Это тот старик, что на автобусе ездит? Станный он какой-то.

– Да это старший. А сын его на Газели в наш единственный магазин продукты, да вещи всякие хозяйственные возит. У них тут что-то вроде монополии. А странные тут почти все, – она немного помолчала, а я быстренько сделала нам по огромной кружке чая и снова поставила воду греться, – Вспомнила, кстати, он когда-то давно историю рассказывал. Уж не знаю, правда или нет. Может он приснул немного за рулём, кто его сейчас разберет? Так вот. Помнится, пятница тринадцатое было. На дворе осень стояла. Ехал он как-то обычным рейсом. Старик, в основном всегда на дороге смотрит, хоть и знает её как свои пять пальцев. Он всегда был очень осторожен, говорил, что раз посадил кого-то к себе в автобус, значит, взял ответственность, дабы довести человека целости и сохранности. Тут отвлекло его что-то, словно нечистый своей темной рукой голову повернул. Он смотрит, а возле остановки автобусной женщина ходит. Так странно, словно ногами не шевелит, а двигается быстро. Да ещё раздетая, в одном сарафане, хотя тогда уже морозы, пусть и небольшие, но начались. Плюс ветер степной. Не жарко, в общем, было. Старик на неё засмотрелся, а когда перевел взгляд на дорогу, она оказалась прямо перед ним в

свете фар. Да только лучи просвечивали её насквозь. Дед дал по тормозам, а когда вышел посмотреть, трясаясь от страха, вместе с несколькими зеваками из автобуса, то увидел на дороге незакрытый люк. И если бы он не затормозил, мог и в аварию попасть. Словно призрак его предупредил. Ну, так или иначе, а к той остановке, перед совдеповским гигантом он больше не подъезжает. Крюк в несколько километров делает, лишь бы быть подальше.

Когда девушка закончила, историю чайник снова вскипел, и мы поплелись к соседке домой. Аккуратно полив дверь, подождали пока лёд растает и немного постучали по ней. И деревянная конструкция призванная не пускать незваных гостей и холод, наконец, открылась.

– Придется немного подождать пока вода подмёрзнет, иначе, завтра я могу отсюда не выйти, – с улыбкой сказала девушка и, повернувшись ко мне, добавила, – Спасибо тебе за помощь. Меня, кстати, Дарьей зовут.

– Анна.

– Анна? – она сильно удивилась, – Так вот почему твоё лицо кажется мне знакомым! Ты меня разве не помнишь? Хотя, ты тогда же такая маленькая была... Тринадцать лет назад...

Глава 2. День второй

25 января 2008г.

Жёстко вырвав моё сознание из объятий Морфея, зазвенел будильник. За ночь старенький котел прогорел, и теперь в доме было прохладно. Потянувшись и сладко зевнув, я закуталась поглубже в приятные объятия одеяла, которое никоим образом не хотело меня отпускать. Но, увы, пора вставать, и я, нехотя собрав волю в кулак, словно перед прыжком в ледяную воду, резко откинула одеяло.

Поежившись от холода, я кое-как добралась до кухни, где рядом с задним ходом висел пыльный тулупчик. Но я, не побрезговав, с удовольствием накинула тёплую советскую куртку, дабы не превратиться в сосульку, пока буду готовить себе завтрак.

В магазин я заскочить не успела, поэтому пришлось доставать свои походные резервы. Быстро разогрев на сковороде консервированную гречку с мясом, я призадумалась, где бы мне сварить кофе – увы, турки на кухне не было. Но и без напитка остаться не хотелось – следовало прекратить действие снотворного, которое ещё текло по моим венам, иначе я могла заснуть прямо на новом рабочем месте.

Выручила старая добрая русская смекалочка. Подобрав самую маленькую эмалированную кастрюльку, я победно вскипятила воду. Сняв с огня, закрутила её, и в образовав-

шуюся воронку высыпала молотый кофе. После чего, немного потомив на медленном огне напиток, снова убрала с плиты с появлением благородной пенки. Аромат, конечно, был немного слабее, но, в целом, кофе оказался неплох.

Перед приёмом пищи, я по привычке включила телевизор. Впрочем, ничего интересного так и не нашла. Кто-то кого-то убил, его арестовали. Кто-то что-то украл, но он обещал поделиться. Налоги на что-то опять увеличатся. Где-то пропала семейная пара, у которой недавно забрали ребенка органы опеки. Пффф... Ребёнка забрали, вот они и свалили куда-нибудь отдохнуть от всех этих убийств и налогов. В общем, скука одна.

Позавтракав, я наконец оделась и, покидав кое-какие вещички в небольшой рюкзачок, чем-то напоминавший школьный ранец (не люблю, знаете ли, все эти неудобные дамские сумочки, которые постоянно приходится таскать в отваливающих потом руках) выдвинулась в путь.

Улица встретила меня новой порцией снега. На застывшее болото, которое сегодня больше напоминало каток, сыпались мелкие, кружившиеся на легком ветерке в снежинки. Из-за этого и без того скользкий гололёд становился крайне труднопроходимым, и приходилось прикладывать недюжинные усилия, чтобы сдвинуться с места хотя бы на метр и тут же не приземлиться на задницу.

Впрочем, в наших краях такая погода не была чем-то из ряда вон выходящим. Поэтому привыкать не приходилось.

Было неприятно только то, что по пути к моему новому месту работы, не удалось рассмотреть тихую станицу в свете дня. Все шесть чувств были прикованы к нелегкому пути между ледяных сугробов.

Всё же шмякнувшись под конец разочек на пятую точку, я довольно быстро добралась до полуразваленного здания. Я остановилась около автобусной остановки – метрах в ста от входа на территорию больницы, и с каким-то смешанными чувствами воззрелась на её неприветливые корпуса.

Архипелаг зданий был окружён полусухими тополями – столь популярными в советские времена неприхотливыми деревьями. Высоченный забор со временем в некоторых местах покосился, но всё же исправно нёс свою службу. Окна и двери на многих корпусах были заколочены досками, а некоторые оставались разбитыми. Старый КПП, который использовался ещё при строительстве лечебных сооружений остался без крыши и половины задней стены. Впрочем, «новый» контрольно-пропускной пункт, ведущий как раз к трассе и остановке тоже выглядел весьма плачевно. На его прохудившуюся шиферную крышу было накидано немало кирпичей, которые прижимали не желавшие оставаться и давно отработавшие свой срок листы. Не внушал доверия и основной корпус – самое крупное здание комплекса. Большинство окон восточного крыла тоже были заколочены чёрными, как большинство страниц моей жизни, досками. Западное крыло и вовсе стояло всё в пропитавшейся насквозь копоти от старо-

го пожара. Лишь центральная часть когда-то могучего здания сохранила более или менее пригодный для деятельности человека вид. Да, фасадная штукатурка то здесь, то там обвалилась. И оконные рамы были старенькими и, наверняка, своими гнилыми щелями пропускали холодный воздух. Но, в отличие от своих соседей, от неё не веяло такой же безжизненной безысходностью.

Постояв ещё немного, я шагнула навстречу бесконечному ужасу и отчаянию. Но тогда я не могла этого знать...

* * *

Кабинет главврача оказался довольно уютным и обжитым. Было видно невооружённым глазом, что его хозяин проводил здесь немало времени. Потолок и стены были свежепобеленными, как, впрочем, и в коридоре больницы, а в паркете имелись побитые изъёмы, из чего следовало сделать вывод, что доктор не злоупотреблял своим положением и уделял своему кабинету столько же времени, сколько и всей больнице.

Только оконная рама была более тщательно замазана специальным составом, который не пропускал влагу и холодный воздух. Оно и понятно: довольно не просто сосредоточиться на работе, когда тебе в спину дует ледяной ветерок, пробирающий до костей.

На этом сходство с лечебным зданием заканчивалось. На подоконнике по-домашнему стояли в небольших горшочках

какие-то цветы. На стенах, слева и справа висели интересные репродукции масляных картин, на большинстве из которых были изображены прекрасные пейзажи. Рядом со входом стоял потёртый, но довольно мягкий диван, а в другом углу, рядом со стеклянным шкафчиком, в котором хранились всякие медикаменты, приютилось небольшое кресло. В центре же комнаты величественно возвышался массивный, украшенный разнообразными узорами стол. В тон ему рядом стоял такой же тёмно-коричневый ни то стул, ни то кресло.

Обе вещи, как и стоявшая на столе зелёная лампа, явно являлись антиквариатом, и, если их немного привести в порядок, можно было продать за неплохую сумму. Поэтому они не вписывались в общее довольно-таки простенькое убранство комнатки и заставляли задуматься.

От мыслей меня отвлек другой интересный факт: на столе в рамках стояли фотографии с датами съёмки. На одном фото от 01.01.1988 была счастливая пара с бенгальскими огоньками, встречающая Новый год. На фоне елки у девушки виднелся беременный животик, за который поддерживал свою половинку мужчина в очках, очевидно сам главврач. На втором фото от 29.01.1988 был новорождённый ребёнок, с миленьким личиком, который удобно устроился на чьих-то заботливых руках. Понять мальчик это или девочка было непросто. Третье фото было от 01.09.1993. На нём первоклассница, о чём свидетельствовал соответствующий картонный значок, расположившийся слева на груди счастливой

девочки, как и её родители, стоявшие позади, улыбалась так широко, насколько это возможно. От этого снимка прямо веяло любовью и заботой.

Однако, фотографии поновее отсутствовали, как я не старалась найти их своими разными глазами. Следовательно, оставалось два возможных развития событий: либо это счастливая семья вдруг распалась, не сумев жить друг с другом, во что верилось слабо, либо...

– Они погибли, – тихий и спокойный мужской голос прозвучал для меня, как гром среди ясного неба, и я едва не выронила фото в рамке.

– Простите, мне не следовало так много любопытствовать, – я аккуратно опустила столь дорогую для главврача вещь на прежнее место.

– В любопытстве нет ничего зазорного. Главное с ним не перебарщивать. В конце концов, у каждого человека есть свои секреты, которых он не хочет открывать никому.

Я лишь кивнула.

Стоявший напротив меня человек имел короткую стрижку со знатной проплешиной, что говорило о его немалом возрасте. Одет он был очень аккуратно: в белую наглаженную рубашку и черные классические брюки. Сверху, как и полагается, был накинут буквально только что накрахмаленный медицинский халат. Едва удерживаясь, на кончике носа у мужчины в возрасте висели поношенные очки. Вид доктора говорил о основных чертах его характера: обязательно-

сти, пунктуальности и осторожности. Такой человек сначала семь, а то и все четырнадцать раз отмерит и лишь потом отрежет.

Неторопливым и каким-то благородным жестом он пригласил меня присесть на диван, напротив его стола. Сам же прошёл к небольшой тумбочке, стоявшей у окна, и, плавным движением открыв крышку электрического чайника, поинтересовался:

– Не желаете ли чашечку чая или, может, кофе?

Я, пытаясь не обидеть старика и соответствовать ему в поведении и воспитании, чинно опустилась на диван и, сославшись на то, что только с утра выпила чудесного напитка, вежливо отказалась.

– Итак, – старик опустил пакетик ароматного чая в свою кружку и начал медленно заливать его кипятком, – Анна, – он ещё немного помедлил, словно что-то вспоминая или взвешивая свои следующие слова, – Вы хотите у нас работать?

– Да.

Он глубоко вздохнул:

– Не хочу показаться бестактным, но зачем? Ведь, насколько я понял, у вас есть и другое место жительства, а, следовательно, и выбор. Есть же и другие медицинские учреждения, которые много лучше, чем в этой... станции.

Тут я не нашлась, что ответить. Я то и сама не совсем понимала, зачем сюда приехала и уж тем более, зачем пошла

устраиваться на работу в учреждение, инцидент в котором разрушил всю мою жизнь. Лишь какое-то смешанное чувство интуиции и надежды толкало меня вперед. Будто это могло помочь мне забыть случившееся и, наконец, отпустить тех, кто преследует меня во снах уже долгих тринадцать лет.

Пока я копалась в себе, старик доделал, наконец, свой дивно пахнущий чай и, усевшись в своё кресло, сделал пару маленьких глотков. Он практически не обратил внимание на то, что я ему не ответила, потому что сам заметно волновался:

– Честно сказать... – тихо начал он, – Я думал, что ты погибла. В ту ночь... Как и твоя семья.

Мне стало, мягко говоря, некомфортно. Глаза щипало, сердце стало биться чаще, а вместо желудка образовался какой-то вакуум. Но я держала себя в руках.

– Как видите, нет. Едва ли призрак пришёл бы искать работу.

Но старик мою колкость пропустил мимо ушей. Его глаза стали какими-то стеклянными, а голос ещё тише. У меня возникло неловкое чувство, будто он говорит не со мной, а с кем-то ещё. С кем-то, кто был ему безмерно дорог и кого давным-давно нет в живых.

– Мне так их жаль... Очень-очень жаль, – словно молитву зашептал мужчина, взяв мои руки в свои. Мне стало совсем не по себе. Резко высвободившись, я вытерла выступившие слёзы, и сдержанно сказала:

– Давайте лучше перейдем к делу.

Старик, опомнившись, украдкой смахнул слезу и, прочистив горло, ответил:

– Простите, я не хотел расстраивать вас.

Я кивнула. Мужчина ещё раз кашлянул, сделал большой глоток чая и начал:

– Людей у нас маловато, поэтому сёстры и братья работают по графику три-один: три рабочих дня, один выходной. Зарплата тоже не очень высокая, думаю, вы уже знаете.

Я снова кивнула.

– Пациентов у нас всё меньше и меньше. Которых навещали, уже давно перевели в соседнюю районную больницу, а у кого друзья побогаче – в краевую. Тут остались только сироты, если так можно выразиться. Люди, которые никому не нужны. Да и то не на долго. Никакого секрета не раскрою, если скажу вам, что нашу больницу в скором времени планируют прикрыть. Неблагоприятный район, как вы знаете, затрудняет прибытие новых кадров. Да и у государства, как обычно, вечно ни на что нет денег.

Я задумчиво кивнула.

– Жаль, конечно, что такой медицинский гигант окажется брошенным. Раньше, в пик величия, если можно так выразиться, в больнице помещалось около полторы тысячи пациентов. Громадное число, если подумать. И это был не предел. А сейчас почти все корпуса оказались разрушенными и заброшенными, как и оба крыла главного здания. И пациентов

всего тридцать два человека.

Я пожала плечами, не зная, что сказать. А увлеченный старик продолжил:

– Но больше всего жалко людей. Тех, которые живут и работают здесь. Которым больше некуда податься. Я то что, пенсия есть, как-нибудь проживу. А вот они... На что им жить? Как я уже говорил, ни для кого не секрет, что нас закрывают. Но я никому не сказал, как скоро это произойдет. Еще месяц. Максимум два... Поэтому спрошу тебя еще раз: ты точно хочешь здесь работать?

Я в который раз кивнула. Мужчина улыбнулся:

– А ты, я погляжу, не из разговорчивых. Впрочем, одному Богу известно, через что тебе пришлось пройти... Если нужно, ты можешь в любую минуту поговорить со мной или попросить помощи. Я буду только рад.

– Спасибо, – я была рада, что он не стал особо задавать лишних вопросов.

– Ну что ж, пойдемте. Устрою вам, так сказать, небольшую экскурсию и...

Его речь прервал трезвон старенького стационарного телефона.

– Прошу прощения, одну минутку, – сказал мне старик и взял трубку.

В это время в кабинет тусклыми лучами заглянуло солнце. Я подошла к окну и убедилась, что снег, пускай и мелкий перестал идти, а небо немного очистилось и сквозь поредев-

шие облака выглядывало светило, заливая станицу. Отражаясь от льда и снега, фотоны усиливали своё воздействие, и смотреть на эту картину становилась физически больно. Но я успела заметить, и оценить своеобразную и неповторимую красоту полузаброшенной степной деревушки.

– К сожалению, мне нужно отъехать, – перебил мои мысли главврач, каким-то отрешенным голосом, – Я вызвал сестру, она вам всё здесь покажет.

С этими словами он взял своё пальто и довольно проворно для своих лет выскочил наружу, одеваясь на ходу.

Минуты через две в дверях появилась, на моё удивление, знакомая брюнетка. Впрочем, удивление было обоюдным. С другой стороны, если подумать, то это станет очевидным. Разнообразием рабочих мест чахнувшая станица явно не славится.

– Ну что ж, пойдём, новая работница «умственного труда».

Она быстро провела меня к персоналке, которая, как и кабинет главврача находилась на третьем этаже. Как и всё здание, эта комната была ветхой и приводилась хоть в какой-то порядок лишь руками работников больницы. Древняя штукатурка за долгое время потрескалась, и эти расщелины просто замазали раствором как смогли, а сверху побелили. Паркетный пол, очевидно, совершенно пришедший в упадок, здесь заменили на доски, которые проигрывали в прочности и ряде других характеристик, но легче монтировались. Та-

кой простенький ремонт из категории «Сделай сам».

Тут же стоял внушительный стол, несколько скрипучих стульев, висело, небольшое зеркальце и вдоль стены стояли побитые временем металлические в шкафчики.

– Вот этот будет твоим, – девушка ткнула на неплохо сохранившийся экземпляр. Затем вытащила из отдельно стоящего единственного деревянного шкафа комплект немного потертой, но чистой медицинской одежды и протянула её мне:

– Одевайся.

Я взяла белье в руки, но с места не шелохнулась, уставившись на девушку. Та улыбнулась:

– Стесняешься, что ли?

Вместо длинных объяснений я просто коротко ответила:

– Да.

Когда она вышла я, повесила свое пальто в шкаф и стянула с себя футболку. От самого низа живота то левой ключицы тянулась борозда уродливого шрама. Да, светить своим нижним бельём пускай и перед девушкой было не очень приятно, но этого рубца я стеснялась в десятки раз сильнее. И, опять же, все эти её вопросы, которыми она, конечно, тут же меня завалит. Непонятно только, почему брюнетка ещё у меня про глаза не поинтересовалась. Наверное, из-за её любопытства главврач так дорожит своими тайнами.

Одевшись, я вышла в коридор, в котором меня ждала девушка. Не теряя времени, она принялась рассказывать о мо-

ём новом месте работы:

– На первом этаже у нас размещен женский «корпус». Десять женщин распределены по пяти палатам, – мы как раз спустились на первый этаж для ознакомления воочию, – две комнаты по пять, две – по четыре. И ещё карцер, – она указала на небольшую камеру с распахнутой дверью, словно зовущей в увлекательное путешествие. Внутри она была обита перештопанными матрасами.

– А где ещё одна? – спросила я.

– Что? – прервала ход рассказа уполномоченная девушка.

– Ты сказала, девушек девятнадцать. Но две палаты по пять человек и две – по четыре – это восемнадцать.

– А-а-а... – девушка прошла к концу коридора, – Это что-то вроде долговременного изолятора, – она указала на тяжелую деревянную дверь с маленьким окошком для подачи воды и еды. Внутри комнаты было темно.

– Мы зовём её Инид, – тихо прошептала Дарья.

– Она немка? Или англичанка? – удивилась я.

– Нет. Возможно. Мы точно не знаем. Но наружность европеоидная.

– Тогда почему Инид?

– Она ничего не говорит. С момента её поступления. Но иногда что-то рисует. На паре таких живописей было нацарапано слово «Инид». Во всяком случае, мне так рассказали. Я работаю здесь уже несколько лет, но она оказалась тут задолго до меня.

– И что, никто её не искал?

– Может и искали, но, как видишь, не нашли. Мы даже не знаем русская ли она вообще. Только примерный возраст – сейчас ей около двадцати.

Я заглянула в окошко и увидела в углу фигуру обхватившей себя за ноги девушки. Её тёмные, как ночь волосы опали вперёд и скрывали её от глаз почти полностью. Но всё же я сумела заметить, что её кожа неестественно бледного цвета. Девушку явно давно не выпускали из камеры.

– Какой ужас...

– Да уж... Тебе нужно будет следить, чтобы эта дверь оставалась закрытой, приносить и уносить поднос. Всем остальным занимается лично главврач.

– Что она сделала? – такой режим не будут устраивать просто так.

– Когда она прибыла, как мне рассказывали, все решили, что это девочка – типичный кататоник. Но потом, каким-то совершенно непостижимым образом проскочила ночью в кабинет главврача и устроила там жуткую сцену. К счастью, он тогда остался на ночь – вышел ненадолго покурить. Когда поднимался обратно, услышал грохот. Позвал медбрата и сестру, пытались её схватить. Пока её скрутили, она умудрилась брату заехать в шею скальпелем. Едва выжил, чертяка.

– Да уж...

Даша кивнула:

– После этого он полечился и сменил профессию. Что

не мудрено, я бы тоже обделалась, прошу прощения за мой французский. Кстати, Инид, иногда по ночам может быть... Не обращай на это внимания.

– Выть? Как волк?

– Нет, – она скривилась, – Я даже не знаю с чем сравнить эти звуки. Но почему-то мне всегда казалось, что именно так воют призраки.

– Ты меня разыгрываешь, – я не склонна была верить во всякие глупости, – Не подходящее время для страшилок.

– Думай, что хочешь, Анна. Но мне незачем тебе лгать.

Мы немного постояли, думая каждый о своём.

– Ладно, на чём мы остановились? Ах да. Так вот: тётя Глаша – наша повариха готовит вон там, в каморке в начале коридора. Мы же должны выставить тарелки на стол здесь, – она указала на холл, часть коридора, преобразованный под столовую и комнату отдыха одновременно, – и такой же сверху, на втором этаже. Носим еду наверх с помощью ТВН-ов. У тёти Глаши спросишь, она покажет.

Девушка развернулась к выходу и указала мне на висящий на стене лист бумаги:

– Это распорядок дня. Советую не просто изучить, но выучить. Так будет много проще.

Я в сотый раз за сегодня кивнула. Мы поднялись на второй этаж.

– Раньше здесь баня стояла отдельным корпусом. Но на тридцать два человека топить ещё одну котельную – неслы-

ханная роскошь. Потому на втором этаже, вот здесь, в начале коридора, нам сделали отдельную душевую. Во вторник моются женщины, в среду – мужчины. Стараемся вводить ещё и в пятницу и субботу, но не всегда получается. Надо же ещё бельё менять... В общем, здесь так же карцер, четыре палаты по три человека...

Её слова отошли на задний план. Сейчас, видимо, было время прогулки и медбрат, открыв все палаты, выводил людей, которые не хотели, либо не могли выйти сами. В частности, сейчас на инвалидном кресле мне навстречу катил мужчина преклонных лет, чьё лицо заставило меня покрыться холодным потом.

В голове невольно прокрутились несколько молниеносных воспоминаний, отчего во рту у меня пересохло. Сейчас этот мужчина пускал слюнки на казённую рубашку и никак не вязался с тем монстром из моих снов. Как сказала бы Даша, типичный кататоник. Но...

– Эй! С тобой всё в порядке?

Девушка потрясла рукой, за которую я, как оказалось, невольно ухватилась, нет, вцепилась.

– Ой, прости... – я смутилась, – Я не хотела.

– Со мной всё нормально, – она завела пораненную моими ногтями руку за спину, – С тобой-то что?

Я сглотнула. Не было никакого желания говорить о том, что произошло. Каждая мысль, проникающая в чертоги памяти, приносила невыносимую боль. Хотелось убежать, за-

крыться, напиться и проплакаться. Но, вместо этого я, зарывая свои эмоции поглубже, хриплым голосом ответила:

– Это он... Он убил мою сестру...

* * *

– Не расскажешь, что случилось? – в который раз вопрошала Дарья, не находя себе места у стола дежурного, – Это после той ночи твои глаза стали такими?

– Не сейчас, – я делала вид, что изучаю какие-то бумажки, с умным видом бегая взглядом по строкам, но совсем не вникая в суть. Я просто пыталась успокоиться и прийти в себя.

– Тогда, может, расскажешь про мотоциклы? – неожиданно сменила тему девушка.

– Мотоциклы? – такого поворота событий я не ожидала.

– Да. Я заметила, что ты весьма скрытная особа и не очень любишь говорить о себе. Но твои глаза загорелись, когда мы обнаружили тот старый мопед в твоём гараже.

– Это тяжёлый немецкий мотоцикл, а не мопед, – запротестовала я и поняла, что она всё-таки меня поймала. Вздохнув, я поделилась:

– Через несколько лет после той ночи, я нашла старенький, но всё же поновее R12 тётушкин мотоцикл. На нем она по молодости добиралась на работу, пока тот не сломался. Потом она купила себе машину. А двухколесный железный конь остался в гараже ждать свою нелёгкую участь. Он чем-

то напоминал мне тогдашнюю меня. Одинокий и ждущий смерти... – я криво улыбнулась, – Пока я его чинила, я забывала... Это были те немногие моменты, когда я не думала о своей утрате...

Я замолчала, украдкой смахнув слезинку.

– Спасибо, что поделилась, – моя новая подруга обняла меня и прижалась в знак поддержки.

– Спасибо, что выслушала, – мне действительно стало совсем чуть-чуть, буквально на граммулечку легче. Впервые за долгие годы.

Наш откровенный разговор беспощадно прервала холодная трель звонка. Похлопав меня по спине, Даша взяла трубку стационарного телефона:

– Алло?

Я пару раз глубоко вздохнула, успокаиваясь. Выпила водички, которая стояла в столе. И вновь затолкнула подальше рвущиеся наружу воспоминания.

Выслушав собеседника, брюнетка ответила «Хорошо» и, наконец, повесила трубку, повернувшись ко мне:

– Работа зовет.

Как оказалось звонил сам Петр Михайлович – главврач нашей больницы. Он распорядился, чтобы мы в срочном порядке подготовили изолятор на втором этаже. Очевидно, к нам везли нового пациента. Но что за монстр этот мужчина, раз для него сразу готовилась долгосрочная одиночка, оставалось только догадываться.

Перетягав по меньшей мере полсотни пыльных коробок с бумагами в неотапливаемое восточное крыло, мы быстренько помыли пол и застелили чистым бельем скрипучую ржавую кровать.

Но все же отдохнуть нам не дали. Пока мы возились с коробками, пациенты пообедали, и нам нужно было разнести таблетки и проследить, чтобы их приняли. Дарья сказала, что это отличный повод познакомиться с некоторыми пациентами поближе.

– Ты им понравишься, – заверила она. И дальше, улыбувшись, – А, может, и тебе кто приглянется.

– Да ну тебя, – но шутка настроение подняла.

Большинство пациентов, лежавших в этой больнице, с виду были вполне нормальными. И первое впечатление от встреч, чаще всего, говорило, что передо мной люди, которые попали сюда по ошибке. Где-то в глубине души я даже немного разочаровалась. Как и большинство людей, смотрящих американские фильмы, я представляла психбольницу серыми лабиринтами грязных палат, в которых, живя за гранью разума, существуют опаснейшие особи, пытающиеся вырваться наружу и навредить всему человечеству. Хотя многочисленные занятия, которых я, конечно, немало пропустила говорили об обратном.

В целом, чтобы без подсказок понять диагноз того или иного пациента, с ним нужно было провести приличное количество времени и как следует поговорить. Но, так как у

нас ещё были дела, на проверку моих знаний его не было. И, в основном, Даша, которую, как я догадалась, здесь любили и уважали почти все, просто представляла нас друг другу, следила за тем, как я представляю лекарственные средства, где нужно поправляя меня, и сообщала мне диагноз. Большой интерес, кроме, конечно, загадочной Инид, во всяком случае для меня, представили трое пациентов: Игорь, Анастасия и Майя.

В школе Игорь был типичным отличником. Дома – хорошим сыном. Закончив учебное заведение с отличием, парень собирался поступать в какое-то элитное учебное заведение в центре края. Но, не став неожиданностью, пришла повестка. Родители хотели его «отмазать» – как это, маменькин сыночек да среди плохих дядек, которые всё время ругаются да заставляют работать. Нет, не то, чтобы я была яркой защитницей нашей где-то разваленной и скатившейся армии. Она и в советские времена не была идеальной, хотя там, по большей части, действительно готовили солдат, делали из подростков мужчин, все время организовывали всякие учения. И, может, тогда в некоторых смыслах и было служить тяжелее – надо учиться, запоминать, практиковаться, но много интересней. Сейчас же, пускай дедовщину и ликвидировали, сделали из срочников какой-то странный груз, который нужно было просто подоставать, чтобы у них не было сил создавать проблем для высших чинов. На подготовку, интерес и привлечение людей на военную службу всем стало наплевать.

Впрочем, я уверена, что и в СА – советскую армию эта мать своего сына не пустила бы. Причиной тому неправильное изнеженное отношение при воспитании и, как следствие, развитие комплексов. Но, так или иначе, отбиться от долга Отечеству у них не получилось, как я поняла, из-за того, что они поссорились с какой-то шишкой, и мальчика быстренько посадили в поезд до Волгограда – города-героя. Служил, правда, парень не долго. Из-за такого резкого изменения образа жизни, пищи, окружения, и других факторов, вызывающих сдвиги в психике и у нормальных людей, крыша у мальчика поехала знатно. Наверняка его шизофрения развивалась довольно плавно, хотя вряд ли это слово можно употребить в таком контексте. Однако, точно известно, что галлюцинации, после которых он оказался здесь были не первыми. Говорить мне о том, что с ним случилось парень постеснялся. Но, немного позже, когда мы с Дарьей вышли из палаты, девушка все же утолила мою жажду любопытства.

Тогда в очередной раз провинившегося, свежееиспеченного солдата отправили, как девушка сказала, в «долину белых лебедей», то бишь мыть унитазы. Перед этим на него, как полагается, знатно наорали, осыпая всевозможными нецензурными эпитетами и неприятными сравнениями. Это-то и стало последней каплей. Парень был настолько морально измотан, что просто сел на пол в туалете, обнял себя руками и принялся плакать.

– Не бойся, – тихо прошептали рядом.

– Кто здесь? – солдатик поднял красные глаза.

– Пора дать им отпор, – сказала девушка.

От восхищения ею у парня отвисла челюсть. Милое идеально сложное личико с огромными серыми глазами. Маленький приподнятый носик. Короткая стрижка пепельно-белых густых волос. Такая же прекрасная фигура. На гражданке парнишка то и с обычными девчонками не разговаривал – стеснялся, а тут такая... Но, что самое удивительное, за спиной у девушки были крылья. Солдатик потряс головой, но ангел, конечно, никуда не делся.

– Нельзя обижать тех, кто не похож на тебя, – её голос лился из уст словно песня.

– Кто ты? – выдавил-таки из себя парень.

– Я – твой ангел-хранитель. И мне надоело, что над тобой всё время издеваются.

– Прости, – просипел солдатик, вновь начав лить слёзы.

– Ты-то тут при чём, мой хороший? – она участливо присела рядом, – Это всё эти злодеи, что заставляют тебя и таких же людей, как ты, стесняться самого себя. Нужно показать им, что они не с теми связались. Что даже на самую крупную рыбу найдется рыбка покрупнее.

С этими словами она резко встала и зашла в одну из кабинок.

– Куда ты? – не понял её поведения парень.

– Встань! – приказала она резким тоном, и солдатик помимо его воли поднялся, зачем-то захватив с собой с пола

швабру.

Дверь резко распахнулась.

– Не филонь, – улыбаясь, сказал дежурный по роте и, быстренько сделав свои дела, добавил, – Чтобы до сдачи дежурства тут всё сияло.

После чего, не дожидаясь ответа, удалился.

– Вот видишь, – за спиной снова появилась девушка, – Им всем на тебя плевать. Нужно их за это наказать. Направить огонь возмездия в их чёрные от ненависти и безразличия души. Очистить мир от скверны.

– Что мне нужно делать? – словно в тумане ответил парень.

– Ты это и сам знаешь, – улыбнулся ангел.

Надев так удачно подвернувшийся освещенные светом и словом Господа латы, солдатик схватил странного вида булаву из ножен со святой водой и пошёл навстречу своей судьбе...

В это самое неподходящее время, как обычно водится, казарму решил посетить с проверкой сам комбат. Желая немного растрясти свой немалый жирок после сытного обеда, он решил прогуляться по своим владениям.

– Смирно! – пролетело по всей казарме. И в этот же момент, когда все застыли, в приветствии старшего по званию, резко распахнулась дверь в туалет.

Парень ахнул от пришедшего к нему в данный момент прозрения. Всю казарму заполняли ужасные чудовища, толь-

ко прячущиеся под людскими масками. Теперь же, когда пелена обмана спала с его глаз, он лицезрел истинные сущности тварей. С уродливых ртов капала слюна, а заплывшие глаза, люто смотрящие на него, сочились гноем. И запах. Этот омерзительный запах. Как же он раньше не замечал? От зла воняло, жутким образом несло дерьмом.

–Золдат! – проревел самый ужасный и большой монстр, стоящий от него в нескольких метрах. У парня затряслись коленки только от его отвратительного вида. Но, взяв-таки себя в руки, он поднял оружие и с криком с разбега засветил ёршиком по лицу комбата.

Тут я не выдержала и расхохоталась.

– В твоей истории есть хоть доля правды?

– В чём интерес рассказывать правду, если она банальна и скучна? Моя то история куда лучше.

– Но не для комбата. Так что же всё-таки случилось?

Девушка вздохнула, сдаваясь:

– Его списали по статье тоски по дому. Сдвиги в голове у него и впрямь имеются, но не такие уж и весёлые.

Анастасия лежала в психиатрии уже около двух лет. И за это время она с врачами проделала действительно огромную работу по оздоровлению, и вскоре её собирались, наконец, выписывать.

Она также была единственная, кто, хоть и с некоторым неудобством и грустью, но рассказала, что с ней случилось сама. В тот счастливый для всего человечества день, трид-

цать первого декабря женщина не смогла закончить свои дела на работе быстро. Ей всё чаще грозили увольнением, а коллеги превратились в хищных пираний, когда слышали, что в следующем году одного из них сократят. Каждый пытался лучше соперников, пардон, отлизать задницу начальству и, параллельно этому, повесить якорь на шею своему ближнему. В экономике страны было всё не очень хорошо, и если бы она потеряла работу, то едва ли смогла бы найти новую. Во всяком случае, сразу. А с их ипотекой и без её работы, они с семьёй жили бы впроголодь.

Все-таки, кое-как освободившись к десяти часам, она прибежала домой. Муж снова начал закатывать ей концерт, что она гуляет там со своими хахалями. Упрекал ее в отсутствии любви к дочке. Сам-то он нигде не работал из-за того, что когда-то на стройке ему упавшей многотонной плитой расплющило левую руку, которую впоследствии ампутировали. Мужчина получал копеечную денежную компенсацию от государства, которую ни на что толком не хватало. Обычно, Анастасия его понимала, поддерживала и успокаивала, говорила, что работает по столько ради них с дочкой. Но в этот раз она жутко устала на работе, а нужно было еще приготовить хоть что-то на праздничный стол. Тут еще прибежала дочка, которая случайно порвала свою любимую мягкую игрушку и настойчиво просила, будучи вся в слезах, ее зашить. Пока женщина пыталась мягко спровадить её, сгорели котлеты из последнего фарша. Зашел муж, буркнувший, что

Настя и готовить разучилась, пока свои шашни водила.

Тут она не выдержала и в ярости накричала на них. Дочка заплакала еще сильнее и убежала, а муж виновато потупил голову, понимая, что виноват. Разрыдавшись, женщина ушла в спальню. Достала проклятую пачку сигарет, которую она изредка курила в тайне от семьи. Засмолив, Анастасия легла в постель и даже не заметила, как уснула.

Разбудил её муж, который сидел до этого на кухне, напротив спальни, и первый заметил пожар. Он вывел наглотавшуюся дыма и уже туго соображающую женщину из комнаты и начал звать свою дочь, сделав при этом одну ошибку – оставил дверь в горящую спальню открытой.

Огонь быстро побежал по, как оказалось, отлично горящему ковру, который покрывал почти весь пол дома. И пока родители нашли дочь, пламя перекрыло выход из здания.

Благо это была не квартира на семнадцатом этаже, а частный одноэтажный дом. Правда, как вы знаете, с плюсами часто приходят и минусы. А последний заключался в том, что к дому так и не подвели газопровод. Как это ни странно, но в державе, в которой такие громадные запасы нефти и газа, далеко не у всех семей, которые составляют будущее Отчизны и её экономически костяк, были деньги провести себе такое нехитрое, но жизненно необходимое горючее – настолько всё это дорого стоило. Поэтому питание неприхотливой и малопотребляющей газовой плиты осуществлялось через баллоны, которые приходилось затаскивать непосредствен-

но на кухню. Вывести шланг на улицу её муж так и не успел.

Первым делом мужчина вытолкал в окно всё ещё пьяную от угарного газа женщину. Она кое-как встала на ноги и, повернувшись, протянула руки, дабы муж передал ей дочку. Но, как только тот к ней наклонился и взял её под подмышки своей правой рукой, раздался оглушающий взрыв.

В себя Анастасия пришла в скорой. Физически, но не морально. Потому что там женщина узнала, что её дочь и муж погибли. Она осталась одна. Настя не помнит, как пролежав около недели в больнице, выписалась. Не помнит, как к ней приходил психолог и настоятельно рекомендовал ей лечь в психиатрический госпиталь. Не помнит, как она хорошо играла и просила отпустить её домой к маме, а потом, если ей станет хуже, сама ляжет в психушку. Не помнит и того, что как только она вышла из больницы, набрала полную ванну и лишила себя жизни простым старым лезвием для станка, закатившимся в угол да там и забытым её отцом, оставив на последок надпись на плитке кровью «Во всём виновата я».

Но, всё же не уследившие за ней родители вовремя поняли свою ошибку и, вызвав скорую, перевязали её бледные запястья. Снова придя в себя, женщина сильно расстроилась, что выжила. Что ей не удалось увидеть своих близких. Что так и не смогла попросить у них прощения.

Когда раны зажили, Анастасию против воли и привезли сюда. А не перевели её в районную больницу только потому, что родители у неё уже очень старенькие и не могли так да-

леко ездить, чтобы посещать несчастную дочь.

Я, внимательно выслушав её историю, выразила свои соболезнования по поводу утраты, похвалила, что она отлично держится и пожелала ей поскорее выписаться из этого Богом забытого места.

Мае было около двадцати лет. Она была сиротой. Её личико и фигура были просто отпадными. Девушка больше походила на модель, чем на пациента такого заведения. Впрочем, о чём это я, красивые что, не болеют?

Рассказывать свою историю мне Мая не стала, а я не захотела её упрасивать. Что-то было в ней такое, что говорило о том, что она здесь совсем недавно. И с чувствами ещё не справилась. Поэтому, чтобы не напрягать рыженькую девушку, мы весело с ней поболтали о всяких мелочах.

Я вспомнила, что до сих пор держала в руке стаканчик с её таблетками и, встав, подошла к ней. Очевидно, слишком резко. Мая прижалась спиной к стене, подтянула к себе ноги и, выкатив от испуга глаза, крикнула:

– Не подходите!

Я сглотнула, догадавшись причину её пребывания здесь. Красота девушки, по сути, оказалась её источником. Потому что ее изнасиловали.

Я аккуратно и медленно поставила таблетки на тумбочку и сделала шаг назад.

– Прости, я не знала. Но... Его посадили?

На глазах красотки выступили слёзы. Но всё же она нашла

в себе силы и кивнула:

– Их... Да, посадили.

– Прости меня за моё излишнее любопытство.

Мы ещё немного посидели, успокоили её и, ещё раз извинившись, вышли в коридор, оставив девушку в покое и дав ей лёгкое седативное.

– Ты в курсе? Что с ней было? – любопытство всё-таки не давало мне покоя.

– Всё то тебе нужно знать, – передразнила меня подруга, но, посмотрев на меня сжалилась, – Парень Майи, тоже из детдомовских, пригласил на вечеринку своих друзей. Они принесли целую тонну алкоголя, хорошенько набрались, но девушка пить отказалась. Мужчины, которые были уже просто в соплях, начали к ней приставать, приговаривая, мол, мы делились с тобой выпивкой и закуской, теперь твоя очередь не жадничать. Она почти смогла сбежать от них, но девушку остановил её парень, который типа боялся потерять своих «друзей», не хотел их, так сказать, обижать. Что будет с Майей он, конечно, не думал. В общем, её там... Вот... А потом ещё над ногой красоткой стали измываться: тушить сигареты о кожу и даже немного порезали осколками разбитой бутылки... В конце концов, когда мужчины уже были еле живые, она смогла сбежать, откусив у одного из них нос.

– Господи, какая дикость, – возмущенно и ошеломленно сказала я, – Как таких людей Земля носит?

– О, ты удивишься каких... нет, даже не зверей она вы-

держивает.

Был и ещё один пациент. Тот самый.

В палату к нему я даже заходить не хотела, но толкающая меня вперёд подруга, всё же победила:

– Тебе всё равно придётся это сделать.

Быстро выдав другим их таблетки, я остановилась перед стариком. Его безжизненные стеклянные глаза смотрели прямо на меня, но не видели. Голова была безвольно завалена влево, из-за чего из полуоткрытого рта нескончаемым потоком бежала слюна.

Я сделала шаг. Весь вид пациента говорил о том, что он уже никому не сможет причинить вреда. И я всецело пыталась убедить в этом себя. Только жуткие воспоминания, нещадно лезущие в голову, отталкивали, заставляли бежать от этого кошмарного чудовища. Сделав ещё один шаг ватными ногами, приблизившись уже почти вплотную к больному человеку, я всё-таки не выдержала. Резко развернулась и, вложив в руки подруги таблетки, выбежала из комнаты.

В голове была каша. С одной стороны, я понимала, что пациент не здоров и не виноват в том, что случилось. Но другая часть меня, жаждущая беспощадной мести, никак не могла взять в толк, как я могу лечить того человека, который причинил столько боли и страданий. Хотелось его просто отдубасить и в завершение этой кровавой вендетты выкинуть его в окно. Или сделать с ним то, что он сделал с моей сестрой.

Кое-как придя в себя в служебном туалете, я умылась,

пытаясь понять, какого чёрта я всё-таки припёрлась сюда, и вернулась к дежурному столу, где меня уже ждала подруга. Она открыла рот, чтобы что-то сказать, но не успела: раздался звонок в дверь. Очевидно, прибыло пополнение.

Дарья достала огромную связку ключей, переданную ей дежурным врачом, и, быстро найдя в ней необходимые, открыла последовательно обе двери, которые служили довольно смешной защитой от повторения роковой ночи, когда несколько десятков сумасшедших, перебив половину персонала, оказались на воле, неся ужас и террор.

Вошедший в чертоги психбольницы, новый пациент ошеломил меня и мою подругу. Сопровождали его сам Пётр Михайлович и милиционер, как я догадалась, участковый.

Десятилетний мальчик, которого мы увидели, никак не походил на опаснейшего для общества индивида. Одетые на его запястья железные браслеты выглядели футуристично и казались чьей-то плохой шуткой. Обычный на вид мальчик, что бегают на детских площадках, играют в футбол и шалят. Разве что какой-то зашуганный и хмурый. Но больше всего от сверстников его отличал безнадежный холодный взгляд. Глаза человека не сдавшегося, но ставшего выше всей этой суеты под солнцем, который просто наблюдает за глупыми людишками со стороны.

В изолятор его отвели в том же порядке, словно крайне опасного преступника. Когда я, наконец, отошла от шока, мальчик уже оказался в крохотной комнатке, милиционер

ушел по своим делам, а главврач запирает дверь камеры. Я понимала, что раз паренька привили в наручниках, значит, так надо, да и изолятор использовался в разных целях, не только для безумных убийц. Но в голове у меня никак не складывалось, что же такое он мог натворить, чтобы ему было уделено такое нездоровое внимание.

– Он же всего лишь мальчик, – не выдержала я, – Как вы можете посадить его в изолятор, тогда как пациенты, действительно заслужившие это, люди в вашей больнице, спокойно сидят со всеми?

– О чём это ты? – смущённо почесав лысину, недоумевал старик.

– О пациенте, который совершил убийство... Который сделал меня такой, – я указала на свой глаз, имеющий другой цвет; из них тут же брызнули слёзы, – Треклятый прикидывающийся кататоник.

– Боже мой, – прошептал доктор, – Это ужасно... Но всё же твои опасения насчёт него напрасны. Он уже тринадцать лет не подаёт признаков улучшений. По сути, он более дюжины лет является овощем. Ему за шестьдесят, и он со дня на день умрёт, так и не придя в себя. А что касается этого «милого» мальчика, то он распотрошил своих родителей кухонным ножом и сжёг в печи свою сестру. Как, по-твоему, этого достаточно, чтобы посадить его в изолятор?

– Как? – только и смогла спросить я.

– Это ты у него спроси, – старик успокоился, – К нему

никому не входить, я лично буду за ним следить.

И быстрым шагом он оставил меня, всё ещё прибывавшую в замешательстве. Я подняла взгляд на дверь изолятора и увидела в небольшом окошке лицо мальчика. В нём уловимо читалась надежда, которая тут же угасла, сменившись тем же каменным выражением лица. Мальчик спрыгнул на пол и удалился в дальний угол своей темницы.

* * *

Чистое, без единого облачка, ночное небо переливалось скоплениями ярких точек. Звёзды словно подмигивали необременённым интеллектом людишкам оставить свои никчёмные, ни к чему не ведущие занятия, чьи достижения, в конце концов, рассыплются в прах и, глядя на них, наконец, задуматься о том, что действительно важно.

Но, не смотря на звёзды, устлавшую покрывалом подмёрзшую кашу из осадков и редкие уличные фонари, на безмолвную станицу вновь опускался мрак. Он словно дожидался, когда сядет ненавистное солнце, дабы вновь обрести власть над этими землями и живыми существами.

Смотря на чёрный туман, я невольно начинала задумываться, что за его пределами больше ничего не существует. И если что-то случится, никто и ничто не придёт нам на помощь. Только одна захудалая полуразрушенная деревушка посреди бесконечной ночи, не знающей сострадания. В плену у тьмы.

Переполненная мрачными мыслями и жутко уставшая после первого рабочего дня, я, наконец, вернулась домой. Хотелось попросту забить на все хозяйственные дела, закутаться поплотнее в одеялко и, закинувшись снотворным, проспать до самого утра без видений и болезненных воспоминаний. Отрешившись от всего этого грязного мира.

И всё же здравый смысл победил. Растопив котёл, на этот раз безо всяких эксцессов, я всё-таки отложила уборку на потом. Скромно поужинала и вместо физической разгрузки – валяния на кровати, выбрала моральную, пройдя в запылённый гараж.

R12 всё так и стоял, словно солдат поставленный на пост. Да и куда он мог уехать? Ни в чём не виноватый механизм, оставленный среди старых вещей и безысходности.

Я протёрла кожаное сидение и люльку от пыли и мусора и взгромоздилась на тяжёлую разведмашину. И хотя он не заводился и даже не горела фара, от махины так и веяло былой мощью и величием.

Поразвлекавшись, я приступила к делу. Совершив беглый осмотр, я поняла, что под слоем пыли и грязи большинство деталей механического монстра находились в довольно неплохом состоянии. Я быстро определила какие узлы нуждаются в ремонте и обслуживании и, засучив рукава, принялась за тяжёлую, но приятную для меня работу.

Спустя минут сорок, мою возню прервал страшный шорох. Словно кто-то шел на цыпочках и не хотел, чтобы его

заметили. В памяти снова всплыли ужасные воспоминания, я словно погрузилась в них. Волосы на голове зашевелились, а по спине пробежал холодок. Неужели опять...

Резким движением я обернулась всем корпусом и, даже не успев ни о чём подумать, запустила в тень гаечный ключ. Однако, железка, испачканная в масле, выскользнула из моих рук слишком рано и, не успев приобрести необходимое ускорение, упала в метре от фигуры, не причинив ей какого-либо физического вреда.

– А! – вскрикнула Дарья, явно не ожидавшая такого поворота событий, – Ты чего кидаешься?

– А ты чего пугаешь? – парировала я.

– Туше, – девушка улыбнулась, – Больше пугать тебя не буду, а то зашибёшь ещё ключиком...

Девушка присела на край мотоциклетного сиденья, я припустилась рядышком:

– Это у меня с детства. Ничего не могу с собой поделывать. Если меня напугать, я подсознательно запущу в предполагаемого противника чем-нибудь, что попадет под руку. Однажды, на мой День рождения, тётя решила устроить мне сюрприз. Позвала нескольких человек – я не люблю большие компании. Я же по её просьбе, сбегав в магазин за праздничным тортом, быстро разделась и прошла сразу на кухню, а не в гостиную, как от меня ожидали. Подумав, что тётя, очевидно ушла принять душ, я открыла торт, и отправилась в гостиную поставить его в центр праздничного стола.

Даша широко улыбнулась, поняв, что случилось дальше. Я немного застеснялась того, что могу быть душой компании. Было очень непривычно. Девушка поняла мою заминку и просто сказала:

– Продолжай, мне очень интересно, кто же попал в прицел.

Я смущенно улыбнулась и отвела от неё взгляд, но продолжила:

– Включая тётю, их было четверо. Её подруга, тоже очень милая женщина; дочь подруги, с которой мы не были особо близки, но и антипатии друг к другу не испытывали. И моя единственная подруга из шараги.

– Так это ты ей устроила тортометание?

– Нет, – я усмехнулась, – Я просто тебя запутывала, глупышка. Торты прилетел тому, кто всё это и задумал. И она призналась, что справедливо. Когда отмыла крем.

–М-м-м, я поняла, – засмеялась девушка, – Первой попробовала тортик твоя тётя.

Я кинула. А потом вспомнила, что так и не спросила у брюнетки, почему она ещё не спит и зачем, собственно, пожаловала. Неужели опять дверь примерзла?

– Да нет, – успокоила она меня, – У меня что-то с отоплением. И копать неохота, завтра на работу. Можно я у тебя переночую?

Я не выносила долгих обществ. И тем более не любила, когда кто-то... Был рядом, когда я делаю свои личные дела.

И кусок в горло не лез, и заснуть, когда кто-то ещё находился в комнате у меня получалось плохо. Но всё же хорошее воспитание и человеческое сострадание переселили.

Застелив девушке диван в гостиной, я предложила ей пройти на кухню, чтобы выпить вечернего чая. Брюнетка охотно согласилась.

Ненадолго оставив, гостью у тёплого котла, я вышла за очередной порцией дров. Пока закидывала дровяшки, вспомнила, что у нас когда-то был небольшой винный погребок дедушки, который страстно любил домашнее вино и кое-что покрепче, и который умер ещё до злосчастной ночи, перекроившей столько судеб. Вход в подвал я нашла среди какой-то поросли на удивление быстро.

Я аккуратно спустилась по сырым кирпичным ступенькам в темноту и обнаружила, что света здесь не было. Либо лампочка накрылась, либо выключатель, а, может, и проводка. Так или иначе, пришлось сбегать в дом за керосинкой.

Старенький подвал был завален всевозможными банками и бутылками на любой вкус. Огурцы, помидоры, баклажаны, варенье, салаты. Некоторые из них посрывало – то есть слетели крышки с банок. И лишь немногие с виду были нормальными. Хотя я засомневалась, что спустя тринадцать лет их можно было употреблять в пищу без каких-либо последствий.

Ища глазами вино, я наткнулась на полку, очевидно, самых старых банок. И это зрелище было не из приятных. За

столько лет настоявшийся и пришедшие в негодность продукты напоминали расфасованную по баночкам коллекцию маньяка, которые нередко показывают в дешёвых ужастиках. На секунду я подумала, что, пока меня не было в этой станице, серийный убийца жил в моём доме, спал в моей постели и использовал этот самый подвал в своих грязных целях. Но, с улыбкой отбросив свои казавшиеся глупыми мысли, я нашла-таки стеллаж с напитками и, понюхав один из них, я поднялась к гостю.

– Нет, спасибо, – мило сморщив свой носик, произнесла Даша, – Я не очень хорошо отношусь к алкоголю... После того, что случилось с мамой.

– Прости, – пить в одиночестве не очень хотелось, и я оставила бутылку вишнёвого вина. Вместо него налила себе и подруге ромашкового чая.

– Спасибо, – чай она приняла с большим удовольствием и со счастливой мордашкой принялась им прихлебывать:

– Расскажешь мне что-нибудь ещё?

– А нужно? – если тот человек, что отвечает вопросом на вопрос кажется умным, то в глазах своих знакомых я явно гений.

– Я просто подумала, что тебе сегодня стало лучше. Когда ты приоткрыла свою занавеску тайны и нелюдимости.

– Возможно, – я покраснела, – Но не всё сразу.

– Хм... Прости, я не хотела задеть твоих чувств. Если не хочешь торопиться, то пожалуйста. Не хочу причинять тебе

дискомфорт – в большинстве случаев это лишь усугубляет состояние.

Мы немного помолчали, наслаждаясь потрескиванием дров и задорным танцем пламени в прорезях котла. Ароматный чай давал покой духу и телу. Отсутствие электрического света (на кухне я так и не поменяла лампу), и мерное поблёскивание огоньков нескольких свечек в такт пламени из бойлера оставляли впечатление присутствия особой атмосферы.

– Мой отец тоже умер в ту ночь, – внезапно произнесла Дарья, смотря своими остекленевшими от горя глазами куда-то вдаль, в место, неподвластное простому любопытному взгляду, – Впрочем, я потеряла его ещё задолго до той страшной... аварии...

Она замолчала, снова собираясь с силами. Я не хотела её торопить или даже как-то тревожить, боясь, что она выйдет из своего медитативного состояния, и я так и не узнаю, что случилось.

– Он был археологом-лингвистом. Институт, в котором он работал находился в административном центре нашего края. Поэтому его подолгу не было дома. Ну и, конечно, все эти экспедиции...

– Прости, что прерываю, но почему вы не переехали в город?

Даша улыбнулась, сквозь слёзы, словно во время ночного кошмара вспомнила хорошую, греющую душу шутку:

– О, он ненавидел города. Отец хотел бросить свою работу

и найти здесь что-то попроще. Но для этого всегда нужно было съездить в ещё одну экспедицию, посетить всего одну выставку... – девушка вздохнула, – Год смеялся годом, но он так и не бросил дело своей жизни. Он обожал свою работу. Иногда даже больше, чем нас с мамой.

– Мне очень жаль, – эти слова-клише казались какими-то глупыми и никак не могли передать всё то, что я бы хотела сказать своей новой подруге по несчастью.

– В начале девяностых, после очередной экспедиции, в которой, как я потом узнала, погибло несколько археологов, он привёз какие-то две жуткие книги. В это время великая держава, для которой писал свои труды мой отец, рухнула. Так глупо самоуничтожилась, что американцы – наши оппоненты в холодной войне, наверняка, едва не разорвали животы от смеха и облегчения. С распадом СССР закрыли множество предприятий и прочих организаций. Ликвидировали и папин институт. Он так и не оправился от этого удара. Ещё недавно будущее представлялось для него, как и для миллионов других людей светлыми красками, была уверенность в завтрашнем дне. А после развала было неясно, кто из нас доживёт хотя бы до завтра. Ещё недавно отец был уважаемым человеком, интеллигентным ученым, чьи труды публиковались даже в зарубежной литературе. Теперь он был никому не нужен и, чтобы не умереть с голоду вынужден бегать по шабашкам и заниматься дополнительно с детишками после школы. Вскоре он запил, а вместе с ним и мать. Он всё чаще

угрюмо сидел по вечерам, листая привезённые с последней проклятой экспедиции книжки. После чего снова напивался. Помню, из детского любопытства я тоже хотела посмотреть на те бумажные труды, но остановивший меня отец, едва не отшлёпал меня и строго-настрого запретил мне и матери прикасаться к ним.

– Что же за книги? – я в увлечении даже забыла об остывающей в моих руках кружке с чаем.

– Точно до сих пор не знаю. Но явно ничего хорошего. В ту самую ночь он заметил, что книги пропали и, словно зная, кто за этим стоит, отправился за ними. И больше не вернулся.

Я не могла выразить чувства, охватившие меня, словами, поэтому в знак поддержки я просто опустила свою руку на холодную ладонь девушки. Иногда прикосновения могут заменить тысячи слов.

– Мама тоже недолго протянула. Через полгода у неё нашли цирроз печени на последней стадии. Предписанного курса лечения и диеты она почти не придерживалась, как я её не просила. Мама словно хотела поскорее отправиться вслед за своим любимым. Печень ей пересаживать тоже отказались – были пациенты и позажиточнее. Да и кто бы дал второй шанс заядлой алкоголичке? В последний год у неё была чудовищная апатия, она вообще не воспринимала этот мир всерьёз. Мысленно мама уже была со своим мужем...

Она снова замолчала, переводя дух и вытирая дорожки из

слёз свободной рукой.

Другую я сжала покрепче, чтобы дать ей сил закончить.

– Я же, забытая своими родителями, днём ходила в школу, а ночами вытирала рвоту и мочу мамы с пола. Вскоре её болезнь нанесла новый удар, и однажды с утра она не смогла встать с кровати. Может, это было такое состояние разума в предчувствии скорой смерти. Больше недели я никуда не выходила, подтирая за ней и слушая её страшные крики боли. Дошло до того, что я стала молиться, чтобы она скорее умерла...

Даша не смогла справиться с нахлынувшими чувствами, и я подсела к ней поближе, чтобы приобнять за плечи. Это помогло:

– Как-то я уснула... отрубилась всего на полчаса. Проснувшись, я сразу поняла, что что-то не так. Через минуту сообразила – стояла полнейшая тишина. Самый страшный звук, который только можно себе представить. Я бросилась в её спальню и... Кровь... Она была буквально повсюду... Мама пыталась встать с кровати, её чудовищно скрутило от боли и...

– Оральное кровотечение?

Даша закивала:

– Она ужасно мучилась перед смертью. Её буквально выворачивало собственной кровью, которую она, будучи в шоке размазала по всей комнате. Занавески, обои, кровать – всё было в красных пятипалых следах... А она лежала почти у

самой двери и... Никогда не забуду её взгляд... Никогда...

Я покрепче обняла девушку, открывшую мне такие глубоко личные и ужасные подробности своей жизни. Даша ответила на объятие и прижалась мокрым от слёз лицом к моей груди в мягком домашнем свитере.

Брюнетка рыдала, всхлипывая. Только что открытые мне воспоминания обрушились на неё с новой силой. Как же я её понимала...

– Мой... – я прокашлялась, – Мой отец умер во время Афганской войны, я никогда его не видела, не считая немногочисленных фотографий. Но, несмотря на это, наша семья была вполне счастливая. Мать, как ты знаешь, работала в больнице. Во время дежурств она оставляла меня сначала с соседкой, бабкой Людой, помнишь? – успокаивающаяся девушка на моей груди кивнула, – а потом, как моя сестра подросла – с ней. Она была на семь лет старше меня. В страшную ночь ей было уже четырнадцать. Сейчас бы ей было двадцать семь лет. Наверное, и её тоже помнишь... Ох, какая она была невыносимая, – я с горечью улыбнулась, – Она обожала командовать мной и всегда делала вид, что ей на меня плевать, но я знаю, что это было вовсе не так. Я любила её, она меня...

Дарья окончательно успокоилась и просто отдыхала, слушая мою историю. Я хотела налить себе и ей новую порцию ароматного успокаивающего чая, но не решилась беспокоить девушку, словно удобно примостившуюся кошечку.

– Когда они погибли, меня приютила сестра отца. Она была бесплодна, и ей не довелось никого встретить из мужчин, поэтому была одинока. Хотя всегда хотела детей. Всю свою нерастраченную любовь она отдала мне, в чём я ей крайне благодарна. И сама любила её как... Как вторую мать. Если бы не она... После той мрачной ночи я больше двух лет не проронила ни слова... – я помолчала, вспоминая как это было, – Понимаю, это глупо, но мне казалось, что всё, что случилось, это просто плохой сон. И, чтобы проснуться, а не остаться в этом кошмаре, я должна была молчать. А, когда я вспоминаю, что убийца сделал с моей сестрой, мне до сих пор кажется, что я не должна разговаривать. Ибо это несправедливо будет по отношению к ней.

Девушка снова заплакала то ли что-то вспомнив из своей жизни, то ли проникнувшись моей. Я погладила её по волосам, едва сдерживая свои слёзы.

– Именно тётя вытянула меня из этой ямы самопожирания и самообмана. Именно она, не теряя надежды, каждый день говорила со мной. Именно она, а не психологи пусть и не вылечила, но подлатала. Конечно, то, что случилось не могло никуда деться из моей головы, но, видит Бог, моя тётя сделала всё, чтобы я снова почувствовала счастье и вкус к жизни.

Я снова глубоко вздохнула. Девушка на моей груди всё-таки окончательно успокоилась и дышала почти ровно.

– А потом... Потом всё то небольшое счастье снова рух-

нуло. Её сбил автомобиль с пьяным водителем... Когда мне позвонили, чтобы я опознала тело, я до последнего всей душой не верила, что это она, убеждая себя, что моя тётя просто задержалась у подружки. Но, когда я увидела тело... Её изуродованное лицо и раскроенный и об асфальт череп, из которого виделся мозг, мой мир снова перевернулся.

Это было около года назад, но картинки всплывали перед глазами на удивление чёткими, словно это было вчера. Меня стала бить дрожь, и я прижала Дарью к себе покрепче.

– На её похоронах, когда я кинула три пряди земли по обычаю, мне жутко хотелось прыгнуть в могилу к ней и ждать, когда меня заживо закопают вместе с ней. Снова погиб человек, который меня любил, которого любила я... Снова я потеряла близкого, который с собой в могилу унёс часть моего обливающегося кровью сердца.

Я вздохнула, подбирая новые слова.

– Больше трёх месяцев я не выходила из дома. Снова замкнулась в себе и ни с кем не разговаривала. Снова вернулись сны о той ужасной ночи, продолжающиеся до сих пор... Тогда мне помогла та самая единственная подруга из колледжа. Она всячески пыталась заглушить мою страшную невыносимую боль, водила меня по всем мероприятиям, которые только можно себе вообразить, пытаясь приобщить меня хоть к чему-нибудь, кроме моего дивана. Своей любовью ей частично получилось растопить меня, но я... Я не хотела повторять своей ошибки. За свою жизнь я поняла одно про-

стое правило: чего не имеешь, того не потеряешь. С тех пор я пыталась ни к кому не привязываться и не впускать их в своё сердце, отгородившись от людей всеми средствами... Пока не появилась ты. Как это не глупо, мы, можно сказать, знакомы чуть больше дня, но... Ты уже стала мне дорога, Даша, и я не хочу тебя потерять...

Я заплакала; мои слёзы катились по лицу и падали на её чёрные волосы.

– Ты тоже... стала мне дорога, – тихо прошептала девушка, сжимая меня в своих объятиях. Эти простые слова вселили в меня давно не испытываемую надежду на то, что всё кончится хорошо. На душе стало тепло. Перестав плакать и придя в себя, я обнаружила, что Даша так и уснула, сидя на диванчике перед догорающим котлом. Тихонечко подкинув ещё дровишек, я задумалась, что делать с моей нерадивой соседкой. Будить её не хотелось; она спала словно младенец. Только палец не сосала.

Аккуратно скинув с неё плед, я медленно взяла её на руки, едва не надорвавшись, и отнесла её в свою спальню – благо кровать была двухместная. Так же легонечко её опустив, я накрыла девушку одеялом и забралась в постель с другой стороны. Подумала, что неплохо было бы принять снотворное, чтобы поспать без сновидений, но снова идти в ванную не хотелось и, решив, что я достаточно сильно устала, чтобы отрубиться без кошмаров до утра, укрылась. Увы, поворочавшись ещё с полчаса, я всё же встала и, отправилась за

таблетками.

Однако, тут меня ждал сюрприз, потому что в аптеку за-
скочить за новой «дозой» я совершенно забыла. Мысленно
отругав себя, я поняла, что сегодня уже вряд ли усну и от-
правилась в гостиную, где стоял старенький телевизор.

Прогулявшись по немногочисленным каналам, я посме-
ялась над каким-то жутко неправдоподобным ужасиком, в
котором жертвы убийцы буквально сами по одному шли на
смерть, поудивлялась отечественному новоделу про войну,
где элитные подразделения SS совершали глупейшие ошиб-
ки, и советские ополченцы раскидывали их как детишек,
пропустила тысячную серию какого-то не кончающегося се-
риала. Пока не наткнулась на новостную передачу, в кото-
рой сообщили, что к Земле приближается комета Таттла на
рекордное для неё расстояние. И хоть яркость её будет не
очень велика, она будет достаточна, чтобы рассмотреть ко-
мету невооружённым глазом. И перигелий небесного тела
приходился на 27 января. Но затронула меня информация о
её прошлом появлении – 27 августа 1995 года.

В горле у меня пересохло, а глаза расширились. От нахлы-
нувших воспоминаний стало не по себе.

Моя мать была страстной астрономкой-любителем. Ка-
жется, у неё имелся даже пусть и небольшой, но свой те-
лескоп. Разумеется, к своему хобби она хотела приобщить
и своих дочерей. И всего за пару дней до ночи, что унес-
ла столько жизней, мы всей семьёй ходили в небольшой, но

очень богатый на впечатления поход. И, очевидно, наблюдали именно эту комету. Я быстренько оделась и выскочила на улицу. Холодный ветер бил по лицу, забирался под одежду, но не мог меня остановить. Двигаясь по какому-то наитию, я заскочила в гараж и бесцеремонно начала раскидывать вещи, пока не нашла его. Небольшой потёртый чемоданчик.

Прикоснувшись к телескопу, я буквально ощутила на своих плечах мамины руки. Не сдерживая слёзы, которые тут же замерзли на ледяном ветре, я на негнущихся ногах вышла из гаража и, установив телескоп прямо во дворе, погасила свет в гараже. И устремила взгляд в прошлое.

Белая комета, казалось, плыла неспешно, оставляя за собой светящийся хвостик. словно растворяющаяся капля молока в чёрном кофе.

– Красиво? – приобняв меня теплыми руками спросила мама. Я оторвала взгляд от окуляра.

– Очень, – одновременно ответили мы с сестрой.

– Ладно, давайте чаю попьем. А потом уложу вас. Вижу, уже зеваете.

Она разлила горячий напиток из термоса, который заварила сама из собственных трав. Мы сели в метре от палатки на ствол упавшей ивы. Я прижала к себе Потапыча.

На деревьях ожила листва. Несмотря на то, что был ещё август, повеяло холодком. В воздухе витал запах сена и каких-то полевых цветов. От реки доносились звуки лягушек. Ночные птицы, летучие мыши и кузнечики соревновались,

заполняя тишину. Мы с сестрой тихо прихлебывали сладкий чай, проникнувшись волшебством момента, и смотрели на необъятные просторы ночного неба.

– Когда ваш отец уходил на войну, – шёпотом поделилась мать, – Он попросил вспоминать его, когда я смотрю на звёзды. Потому что его путевой звездой была я, – она нашла в себе силы улыбнуться, не смотря на стоявшие в её глазах капли влаги, – Теперь... Я тоже хочу, чтобы вы вспоминали его, глядя в ночное небо. Потому что...

– Он стал звёздочкой и теперь живёт там? – моя сестра указала пальцем вверх.

Мама кивнула.

– А когда он вернётся? – прошептала я, обнимая игрушку покрепче.

Мама опустила глаза:

– Когда-нибудь мы тоже станем звёздами и тогда увидимся с папой.

– Когда? – нетерпеливо спросила Ника.

– Всеми своё время, мои хорошие, всеми своё время... Ну а теперь давайте, забирайтесь в палатку, пора спать...

Тогда никто не знал, что под их звёзды места на ночном небе уже приготовлены.

Я стояла посреди двора, направив взгляд в никуда, и отчаянно мёрзла. Наваждение прошло, оставив меня в этом жутком и несчастном мире. Воспоминания вымотали меня до предела, я собрала телескоп и отправилась спать.

* * *

– Анна, пожалуйста, ложись спать, – в который раз сказала мама, возвращая меня в постель и целуя в лоб.

– Но как же Потапыч? – канючила я.

– Съели твоего медведя, – съязвила сестра.

– Я принесу тебе его завтра, – ответила мать, бросив на сестру страшный взгляд.

– Он же совсем один. Холодный и голодный.

– У него есть шкура, не замерзнет. А медсёстры его покормят, – пыталась успокоить меня женщина.

– Я не хочу потерять его, как папу, – прошептала я роковую фразу. Тогда я не знала, какое действие окажут эти слова на мать. И какие последствия вызовут.

– Ты уснешь, если я принесу его тебе? – вздохнув, сдалась женщина.

Я кивнула:

– Обещаю.

– Вероника, посмотри за сестрой, я сейчас вернусь.

– Можно мы пока посмотрим телевизор? – поинтересовалась девочка.

Мама вздохнула:

– Ладно, только не громко, – распорядилась она, – И чтоб никаких страстей.

Она имела в виду криминальные фильмы и ужастики, которые в те времена всё чаще показывали по телевидению, и

после которых мы с сестрой никак не могли уснуть.

Пока мы настраивали вход в иной мир, мама собралась и, сказав на прощание:

– Не скучайте, я скоро, – вышла за дверь. Вышла, чтобы больше не вернуться.

Ника, конечно, её не послушала. Только мать оказалась за порогом, девушка включила какой-то хоррор, в котором главный герой шел через кладбище, чтобы повидаться с призраком своего сына. В фильме не было ни крови, ни каких-то ужасных существ, но тем не менее атмосфера была очень мрачной и мне, впечатлительной семилетней девочке этого хватило, чтобы испугаться настолько сильно, что кровь стыла в жилах.

– Переключи, пожалуйста, – шёпотом попросила я.

– Что, страшно? – Ника знала, какая я впечатлительная. Впрочем, сама она ненадолго дальше ушла, просто хорохорилась. Ей нравилось пугать меня. Мне всегда казалось, что она просто мне завидовала, только не понимала почему.

Минут через пятнадцать самозапугивания, как это часто бывает, когда смотришь такое кино, страшные события из фильма стали воплощаться в реальность. Но, увы, на этот раз игра воображения здесь была не причём.

К тому времени я уже сидела под столом и пропускала особенно ужасные сцены из ленты, зажмуривая глаза и иногда закрывая уши ладошками. Неожиданно я услышала шорох. Тот самый, лёгкое прикосновение почвы и снега и тя-

жёлых ботинок, едва уловимое. Словно ступающий не хотел спугнуть своих жертв.

– Прекрати, – конечно, я заподозрила сестру, кто же ещё мог это быть?

– Что? – повернулась ко мне Вика, уставившись непонимающими глазами.

– Прекрати пугать меня, – ответила я, – Это уже не смешно.

Она лишь покачала головой:

– Отстань, я ничего не делала.

Шаги стали более отчётливыми. Между ними я хорошо уловила звон железа. Такой звук бывает, когда, например, достаёшь из ножен нож. Или вынимаешь из колоды массивный топор для колки дров.

Ручка входной двери мягко опустилась. Но, к счастью, она была заперта. Поняв это, существо так же тихо вернуло механизм в исходное положение. Я надеялась, что на этом оно оставит свои попытки проникнуть в дом и удалиться. Но...

Осколки стекла брызнули в комнату, усеяв собой весь пол. Несколько из небольших песчинок попали на мою правую руку и на сестру. Из ранок тут же хлынула кровь.

Мы с сестрой завизжали даже громче, чем разбилось окно. В проеме сначала показались руки, в одной из которых было что-то тяжёлое, а затем и голова самого страшного монстра планеты Земля – человека.

– Привет, красавицы, – прохрипел лысый мужчина. И

оскалился своими гнилыми зубами...

Страх, ужас, мои вопли, крики сестры; дальше всё слилось. Кровь, застрявший в голове смех, нет, гогот убийцы, глухие удары в дверь, безысходность, отчаяние и ещё боль, страх и ужас. Всё это захлестнуло мой разум и открыло мне путь измерения бесконечных мук и вездесущего мрака.

Глава 3. День третий

26 января 2008г.

– Ань, Анна, – чьи-то теплые и мягкие, как у моей матери руки легонько толкали меня в бок. Я резко открыла глаза и с огромным облегчением увидела перед собой заспанную мордашу Дашки. И, словно маленький ребёнок прижалась к ней всем телом и заплакала.

– Ну ты чего? – прошептала подруга, успокаивающе поглаживая меня по спине, – Это всего лишь сон. Страшный сон.

– Хуже, – сквозь слёзы ответила я, – Это жизнь.

Минут через пятнадцать, когда я кое-как взяла себя в руки, мы отправились завтракать. Даша усадила меня в кресло, а сама принялась хозяйничать. Пока на сковороде пеклись свеженькие блинчики, брюнетка, не желая скушать, включила радиоприемник.

– ... Снова пропала семья приемных родителей... – информативным тоном сообщила дикторша.

– Опять эти скучные новости, – пробурчала подруга, протягивая руку, чтобы переключить на другую станцию, – Кто их вообще слушает?

– Подожди, – заинтересовавшись, остановила я девушку. Она скорчила гримасу, но послушалась.

– На этот раз на месте преступления были найдены сле-

ды взлома, что отмечает версию неожиданного переезда, – сообщил какой-то мужчина, очевидно, один из ведущих дела, – то, что эти оба случая связаны не оставляет никаких сомнений тот факт, что обе семьи были лишены родительских прав.

– Заведенное уголовное дело против предполагаемой банды похитителей уже стала одним из самых громких в истории региона, – снова взяла слово ведущая, – Мы будем следить за развитием событий...

– Класс, – снимая горячий блинчик со сковороды и закидывая его в мою тарелку, посмеялась Дарья, – Скоро к нам в больничку отправят ещё пару психов...

Даже днём станица выглядела как-то мрачновато. Немногочисленные полуразваленные домики и заборы были серыми и невзрачными, навевали тоску и бессмысленность жизни. Выглянувшее солнце своими золотистыми лучами придавало поселению и вовсе какой-то потусторонний вид. Лишь виднеющиеся за границей проклятой степной деревушки поля, луга и посадки дарили более или менее приятные чувства, напоминая о чем-то далеком, весело-грустном и манящем. Словно воспоминания из прошлой жизни.

Прибыв на работу, мы с подругой быстренько переоделись и, разделившись, поспешили к пациентам. В первую очередь я решила проведать самую таинственную пациентку больницы – Инид. Когда я принесла девушке поднос с завтраком и таблетками, та даже не шелохнулась, словно впад в какой-то

транс. Длинною в жизнь. Инид сидела в том же месте и в той же позе, что и вчера. Открыть дверь, я бы, конечно, не решилась, да и ключа у меня не было. Но я пообещала себе рассказать о поведении девушки её лечащему врачу, хотя сомневалась, что это станет для него новостью.

После этого я помогла Даше оттащить на второй этаж ТВН-ы с завтраком и, спустившись под присмотром полной, но крайне миролюбивой старушки тёти Глаши, осуществила приём пищи пациентами женского отделения. Собрав посуду и протерев столики, я взялась за препараты.

Майя сегодня была какая-то грустная. Грустнее, наверное, даже чем вчера. Поэтому, дав ей её таблетки, я присела рядом. Девушка отвела пустой взгляд от окна и спросила:

– Дальше не пойдешь?

– Я ещё не выдала тебе весь курс, – улыбнувшись, покачала я головой.

– Да? А это? – красотка скосила взгляд на стаканчик с таблетками.

– Антидепрессанты – это, конечно, хорошо. Но знаешь, какой лучший из них? Общение. Общение с хорошими людьми и время могут помочь всем. Даже мне.

Девушка улыбнулась:

– Вы теперь врач?

– Нет, я сестра. Но кто побеждает в войне: солдаты или генералы? Это вопрос, на который нет ответа.

Майя вздохнула:

– Я не знаю, что делать. Из-за... этого вся моя жизнь буквально рухнула. Я любила, мечтала стать матерью и завести детей. Хотя и банальный, но у меня был смысл жизни. А теперь? Я просто клубок, сотканный из боли, разрушенных надежд и неопределённости.

Я немного помолчала, обдумывая её слова.

– Многие философы и великие умы человечества пытались разгадать смысл жизни. Теорий на эту тему очень много. Но в народе, особенно в нашей стране, почему-то всё сводится к двум пунктам: семья и карьера. Люди словно боятся искать что-то другое. И малейшая мысль индивидуума о том, что в его мечты не ходят планы завести детей и устроиться на уважаемую работу представляется им отклонением. Ведь, если принять это, людишки начнут задумываться, а правильный ли выбор сделали они: расплачиваться по десять лет за небольшую квартиру, семь лет за не самую лучшую иномарку и менять спиногрызам пелёнки. А думать человечки не любят. Именно поэтому большинство людей ненавидят оставаться в одиночестве. Она заставляет напрягать мозги и мыслить самому, а не управляться навязанными обществом «аксиомами». Безусловно, такой курс выгоден государству, так как такие ячейки общества двигают внутреннюю экономику. Но ведь большинство людей до самой смерти и не задумываются, что выгодно им самим. Жизнь – слишком короткая штука, чтобы исполнять чужие мечты.

Я подняла взгляд. Майя слушала меня очень внимательно

и буквально заглядывала мне в рот.

– А что касается любви... Ты прости, не думаю, что тебе от моих слов будет легче, но... Любовь всего лишь совокупность химических реакций, заставляющих особей размножаться. Ты увидела человека и думаешь, что полюбила его с первого взгляда и что жить без него не сможешь, но на самом деле заложенные в тебе гены всего лишь сосчитали информацию о его ДНК, заключённых в таких областях как внешний вид, голос, запах на подсознательном уровне и принуждают тебя к спариванию, потому что ваше потомство будет здоровым.

– Звучит отвратительно, – прошептала Майя.

– Да, знаю, – ответила я, – Но такая уж природа человека.

Палата наполнилась тишиной. Девушка погрузилась в раздумья.

– В чём же он заключается? Смысл жизни? – негромко спросила Майя.

– Вся суть смысла жизни в том, что он у каждого должен быть своим. Если же он испарился, стоит задаться вопросом: по тому ли пути ты пошла? Или, может, тебе навязало эту мечту общество, во главе со святым в своей пропаганде государством?

– И что же мне делать?

– Всё, что придёт в голову. Играй на гитаре, танцуй, нарисуй картину или напиши книгу. Займись рукоделием, в конце концов. Найти себя. И свою мечту.

Я взглянула на часы:

– Прости, я бы с радостью ещё с тобой поговорила, но мне давно уже пора.

Девушка лишь задумчиво кивнула и напряжённо улыбнулась в ответ.

– Ты так говоришь про любовь, будто и не любила никогда, – застал меня вопрос бабки со старческим расстройством у самой двери – соседки Майи.

– Нет, я так говорю, потому что любила, – и вышла.

У двери меня, как на зло, поджидала подруга, так любившая докапываться до самой соли.

– А ты мне не говорила о своей любви, – со злобной улыбкой проворковала Даша.

– А ты и не спрашивала, – я попыталась отбиться, – Давай не сейчас, мне ещё лекарство раздать надо.

– Ну уж нет. Опять ты что-то скрываешь, значит, есть что.

– Или же, если я не сказала, значит, не о чём говорить.

Я поскользнулась и едва не пробила головой бетонную стену. Но подруга меня таки удержала.

– Это на тебя так любовь действует? – ухмыльнулась она.

– Ну начинается, – я поставила поднос с лекарствами на подоконник, – С любовью, как и с Господом Богом – невозможно доказать её отсутствие. Если тебе плохо, ты молишься, и становится лучше – значит он Милосердный существует, а если становится хуже, значит, он просто хочет тебя проверить и опять-таки он существует.

– Так что ж и Бога нет? – спросила девушка, присев на краешек того же подоконника.

– Слава Богу, я этого не говорила, – обожаю говорить загадками. К тому же каламбурными.

Дарья улыбнулась:

– Ты сравниваешь Бога с любовью. Но многие люди скажут тебе, что это одно и то же. Что Господь и есть любовь.

– Возможно, но лучше бы он был совестью. Будь она у всех людей на адекватном уровне ни грабежей, ни убийств практические не было. А любовь заставляет людей творить глупости. Нередко и противозаконные.

– Ну а совесть не даёт людям делать глупые, но весёлые вещи. В твоём мире все бы умерли от скуки.

– Скука не столь смертельна, как нож в спину или пуля в лоб, – парировала я, возвращаясь к таблеткам и пациентам. Дарья решила не отставать.

Анастасия была напротив в приподнятом настроении. По больнице уже пошли слухи о её скорой выписке и, видимо, они не ускользнули от самого объекта обсуждения. Женщина, улыбаясь, обыгрывала в карты русоволосую девчонку четырнадцати лет с шизофренией из соседней палаты. Из карманов у неё всё время торчали фломастеры. Она была самой молодой, теперь, конечно, только после мальчика из изолятора, в госпитале. Вчера я не успела послушать историю девочки, но сегодня у меня были все шансы.

– Можно к вам присоединиться? – как бы это пафосно и

где-то жестоко не звучало, но мне нужно было стать ближе, втереться в доверие.

Мы с Дарьей подсели игрокам. Подруга с нескрываемым любопытством следила за моими действиями.

– Тебя зовут Таня, да? – конечно, я знала имя девчушки, но нужно же было с чего-то начать разговор. Та с улыбкой кинула в ответ.

– Это моя подруга, – приобняв Таню, участливо сообщила мне Настя.

Раздавая карты игрокам, я заметила, что зеркальце на тумбочке Анастасии, рядом с которой сидела девочка, лежало лицом вниз. Хотя вчера весь день гордо стояло, услужливо отражая проходящих мимо людей.

– В детстве я жутко боялась зеркал, – заговорщицким тоном поделилась я, – Мне всегда казалось, что там живут злые монстры и приведения, которые лишь принимают наш облик, дабы втереться в доверие и, в конце концов, ужалить побольнее.

Я не думала, что угадаю причину её страхов с первого раза, но всё же попала в яблочко. Девчонка подняла свои уже серьёзные глаза и посмотрела на меня по-новому:

– Правда?

Я кивнула, подкидывая Дашке очередные картишки, которая она не смогла побить:

– Только мне никто не верил. Когда я раскрыла их, они словно стали на меня охотиться. Это продолжалось довольно

долго, я почти не выходила из дома и шарахалась ото всех зеркал в пределах видимости. Лишь ближе к восемнадцати я успокоилась. Они перестали меня донимать, потому что я стала взрослой. А они боятся взрослых.

– Со мной тоже так будет? – с надеждой спросила Таня.

– Конечно, – улыбнулась я. Мы остались с ней вдвоём в партии. У неё была одна карта –какой-то мелкий козырь. У меня был туз, дама и шестёрка. Одни козыри. Да ещё и мой ход.

Я кинула шестёрку, и девчонка с облегчением побила её восьмёркой. Я улыбнулась и тихо скинула карты с видом поражённого. Я победила не потому, что победила, но потому что проиграла.

– Всё началось с поломки трансформатора. Был холодный осенний вечер. Мы с подругой смотрели какой-то весёлый сериал про молодую ведьмочку, когда погас свет. Родителей дома не было, и мы зажгли свечи и принялись пугать друг друга страшными историями. Но тут Наташе пришла в голову идея погадать. Она, мол, недавно читала про ритуалы гадания в библиотеке и теперь ей хотелось проверить, как они работают. Я отказывалась сначала, но делать всё равно было нечего, да и слишком велик был соблазн почувствовать себя такой же весёлой и всемогущей ведьмочкой, что показывали по телеку.

– И вы использовали зеркала? – это было очевидно.

– Я бы всё отдала, чтобы вернуться в тот момент и остано-

вить это... Мы поставили их друг напротив друга. При свечах их отражения, уходящие в бесконечность, были такими таинственными и загадочными. И мы долго сидели, всматриваясь в изображения. Но шло время, ничего не происходило. Тогда Наташка не выдержала:

– Эй! Есть там кто-нибудь? Какая же это глупость. Нет никаких духов зазеркалья, которые превращаются в суженных. Ну же, придите и сделайте что-нибудь, чтобы мы поняли, что вы существуете!

– Что ты делаешь?! – воскликнула я, – Нельзя так общаться с силами потустороннего мира!

– Да успокойся ты. Разве не видишь? Сказки всё это.

Прошло несколько дней, и мы действительно решили, что у нас ничего не получилось. Всё было по-прежнему, за исключением кошмаров, которые стали мне сниться ежедневно.

– Что же в них было? – немного нетерпеливо спросила я.

– Я... Вернее моё отражение выбиралось из зеркала и убивало всех дорогих мне людей. Раз за разом. В пятницу я узнала, что Наташа бесследно исчезла, и что её ищет милиция. Я сразу поняла, что случилось. Она заблудилась в Зазеркалье. Я хотела ей помочь, но вход мне преграждала моя копия – воплощение зла. Я упала в обморок в ванной, а отражение вышло из ловушки взяло нож и встретило маму вместо меня. А потом всадила ей оружие в спину по рукоятку. Когда я очнулась, поняла, что это всего лишь сон, что моя мать жива

и здорова. И я ей всё рассказала...

– И она отправила тебя сюда, – поняла я. И продолжая мысль, – И работает она именно здесь. Не так ли?

Девочка со слезами на глазах кивнула. Наверняка это одна из тех сестёр, что работает в ночную смену, потому что ей в каком-то плане стыдно видеть свою дочь взаперти такого учреждения. И невыносимо больно.

– Вот что с тобой случилось, – неожиданно сказала Даша, – У тебя началось половое созревание, и на фоне беспокойства и морального напряжения развился психоз. Это редкое явление, которое всё объясняет.

– Вы мне тоже не верите, – Таня заплакала ещё сильнее.

– Я верю, – твердо сказала я, успокаивающе поглаживая девочку по голове.

– Понятно, – сказала подруга, я когда мы вышли из палаты, – Ты не веришь в любовь как в высшее чувство, но думаешь, что привидения Зазеркалья существуют. Ты очень сложный и противоречивый человек, Анна.

– Во-первых, одно другому не мешает. А во-вторых, все действительно достойные вещи существующие сейчас на Земле считались невозможными, пока не были открыты, либо созданы. Мало кто верил в существование радиоволн, пока не изобрели радио. И мало кто верил в возможность ядерного синтеза, да ещё и управляемого, пока не взорвалась первая атомная бомба. Безусловно, я сильно утрирую, но, думаю, смысл понятен.

– А то, – Дарья лишь улыбнулась, отмахиваясь.

Так или иначе, мы с Дашкой, наконец, раздав все таблетки, поднялись на второй, где, по заверениям подруги, меня хотел видеть Игорь.

Эта новость меня, несомненно, поразила, и я думала до последнего, что брюнетка просто меня разыгрывает. Но нет. Когда я вошла к юноше в палату, тот залился краской и протянул мне поделку. Я аккуратно взяла ни то коня, ни то осла из его холодных рук, собранного из шишки, жёлудя и палок и непонимающе спросила:

– Это мне?

Паренёк лишь смущенно кивнул, так и не произнеся ни слова. Мне в голову пришла одна история, которую я когда-то в далеком прошлом изучала на уроке немецкого языка. В главной роли там выступал необщительный юноша, который не очень-то жаловал уроки иностранного и частенько их прогуливал. Но всё изменилось с приходом новой преподавательницы, в которую он влюбился. В самом тексте этого, конечно, не говорилось, но догадаться по контексту было несложно. После чего он никогда больше не прогулял ни одного урока и стал учиться исключительно на пятёрки.

Вот и сейчас я чувствовала себя персонажем этого рассказа. И, честно, мне стало даже как-то не по себе. Не зная, как реагировать на подарок, я поблагодарила парня и, вышла из палаты.

– Поздравляю, – съехидничала моя подруга, – Вот ты и

нашла себе поклонника.

– Что... Что мне делать?

– Наслаждайся, – засмеялась девушка, – Сходи с ним на свидание...

– Я не шучу.

– Зато я – да... Забей. Знаешь, сколько раз за те годы, которые я здесь работаю, мне предлагали выйти замуж? Раза три точно. И что, видишь у меня кольцо?

Она показала мне пустой Безымянный палец. Я начала успокаиваться, и мы пошли обедать.

Персонал принимал пищу посменно. Пока одна медсестра ест, вторая как бы патрулирует оба этажа во избежание происшествий. Первой на приём пищи по моему настоянию отправилось Даша, так как я иногда, а вернее зачастую кушала весьма долго.

Проходя мимо изолятора с мальчиком, я, воспользовавшись моментом, заглянула в его утонувшую в полумраке комнатку, откуда только что вышел главврач, кивнув по пути мне. Ребёнок сидел у стены и пытался что-то вычертить на ней куском штукатурки. Я знала, что давать ему что-то было запрещено, но я всё же, действуя по какому-то наитию, сходила к посту сестры и, взяв маленький кусочек карандашика и пару клочков бумаги, передала их мальчишке.

Позже Дашка сменила меня, и я, наконец, отправилась обедать. В персоналке как раз собрался почти весь коллектив сегодняшнего трудового дня. Не хватало только Дашки,

которая уже поела, и главврача.

– Сидай, не стесняйся, внучка, – пригласил меня завхоз, – Угощайся всим, шо приглянётся.

Я хотела отобедать своим сухпайком из печенек и консервов, но увидев обилие на столе из пирожков, лука, сала, толчёнки, котлет и вишневого компота, не удержалась и со словами хвалы блюд и бесконечной благодарности принялась уплетать простую, но очень вкусную деревенскую пищу.

Как водится в сёлах и небольших деревеньках, почти все обо всех всё знали. Очевидно, успели узнать и про мою нелегкую судьбу, поэтому с расспросами особо лезть не стали. Из-за этого обстоятельства я ещё сильнее стала им симпатизировать.

Они просто продолжили свой прерванный разговор:

–А я утверждаю, что все эти рассказы про приведений, чертей, ведьм и прочую нечисть просто вымысел. Кто-то забыл закусить, кто-то насмотрелся всякого по телевидению, кто-то наслушался ваших историй – вот и мерещится людям эдакое. Есть и те, кто придумывает эти сказки просто, чтобы привлечь к себе внимание. На самом деле людям просто хочется верить в то, что их ждёт что-то после смерти, кроме бесконечного забвения. Но существуй вся эта нечисть, наука бы уже, наверняка, доказала это.

– Ты, доктор Коль, парень умный, но молодой йище больно. Вот из тебэ максимализму со всех щелей и лизет, – улыбнулась тётя Глаша, – Вот что я тебэ расскажу, а ты слухай и

не перебивай.

Приснула я яксь у бабки Фроськи – чай мы с ней пили да сплетничали помаленьку. Проснулась где-то ближе к полуночи, да и чего, думаю, пойду лучше домой, або мой ненаглядный, – бабка кивнула на завхоза, – чай волнлваться будэ. Фроську будить не стала, нихай спит, ночь свитла, лунная, дойду, шо со мной сдидается. Только на половине пути, на перекрёстке, вспомнила, шо сегодня не проста ночка, а ночь на Ивана Купалу. А нечистая этому радуется и празднуе повсякому. Но обратно идти було уже ни к чиму. Я навистрила уши и, глядя по сторонам, поспешила в хату. Вдруг с речки плеск водицы слышался да смешки такие звонки, дивичьи. Жуть взяла, ведь то мавки – утопленницы озорничали. Пробабка минэ казала, шо они в ночь на Купалу могли и по лугам, и по полям бигать, а то и в деревню заявиться. А коль найдут кого – так с собою в речке тотчас и схоронят. Я опять шагу то прибавила, да бигать минэ возраст уже не позволял. Читвирь пути осталась, як я увидала вештицу – ведьму, повашему. На вид молоденькая була да голая вся на ухвате своём к небу пиднималась. Тогда йище на небе несколько тучек висело, а як она взлитила, они ищишли в ту же секунду. Я чуть со страху то там и не упала. Но всё же освятила себя крестным знамением трижды да припустила к дому як молода коза, по сторонам более не глядя. Тогда я не заметила з якої хаты вештица пиднялась, хотя вси знают, шо то була бабка Владиславна.

– И куда же она в таком виде собралась? – не удержался от колкости Николай, – По магазинам круглосуточным?

Но тётя Глаша на его подколы внимания не обратила:

– Известно дело – на шабаш. В ночь на Ивана Купала один из главных сборищ бабской нечисти.

– Да ладно, вы просто нагоняли на себя, вот вам и почудилось, – доктор был настроен скептически. Бабка лишь хмыкнула и махнула на него рукой, мол, думай, что хочешь.

– Почудилось? А как тибэ такое, – начал завхоз, – Було це йище в мою молодость, когда мы с Глашкой токма поженилися. Я як раз траву тогда йиздыл косить, рано-прерано утром с Ромашкой – так лошадь нашу звали. И в аккурат мимо дома председателя. Я гляжу, а на ивонной крыше филин сидит. Глазищи выпучил свои и орёт, честной народ пугае. Ты, конечно, не знаешь, но на Руси издревле верили, коли на хату филин аль сова сядэ да голосить начнёт, то якась беда приключится. Помрёт хтось, аль пожар случится. И не зря верили, умные люди жили. А председатель – вот як ты попався, неверующий. Разбудил я его, предупредил, а он: «Будэ вам, – говорит, – Це всего лишь птица». Да токма колы я вернулся, сгорил дом председателя, так и истлел. И вся семья ихня погибла: двое детей, жинка и сам председатель. Все як есть сгорили, люди даже сдирать ничего не успели. Вот тебэ и на.

– Это... Просто совпадение, – не так уверенно, как в начале разговора произнёс Николай, – Да и с чего мне верить, что вы эту историю не выдумали? Где аргументы, задокументи-

рованные факты? Где доказательства?

– А ты далече своего носа смотри почаще, будут тебе и аргументы, и факты, – сказал дед, – Места то у нас лихие, недобрые, долго смотреть не треба, коли видеть можешь. А после того, шо случилось тринадцать лет назад, станица и во-все стала проклятой, приютом для всяческой нечисти. И этот чёрный туман, каждую ночь поглощающий деревню, именно тогда появился...

– Если места такие нехорошие, почему же вы не переедете? – спросил доктор.

– Мы то яксь уже привыкли. Особо на рожон не лизем да и живём помаленьку. А вот вам молодым, лучше тута не задерживаться... Вкусно то, внучка? – с улыбкой поинтересовался дед.

– Очень, – ответила я, доедая пирожок с яйцом и зелёным луком.

– Это Глашка моя цыбулю растила на викне. Знатный урожай в цом году. Ну, доедай, потом к хозяйственному блоку подойдёшь, коль тебе не трудно, надо минэ немного подсобить.

Я кивнула, допивая сладкий компот.

Покончив с обедом, я, предупредив Дашу, отправилась на помощь. Дед как раз закончил вытаскивать из кучи хлама свои инструменты и вручил мне внушительных размеров топор. Весьма тяжёлый и острый. После мы поднялись на крышу административного корпуса. Дед залез под самый пото-

лок, а я была оставлена на Земле, дабы запускать на орбиту инструменты и гвозди. Работали молча, дело спорилось быстро. Наконец, старик слез и попросил меня упереться в рейку, чтобы он прибил отпавшую доску обратно. Я схватила колун и верхушкой его проушины с силой надавила на столб.

– Молодец ты, внучка, смышленная, – похвалил завхоз, – Так и не скажешь, шо в городе жила.

И принялся заколачивать гвозди в сухое дерево, которое при этом издавало противные визжащие звуки. Словно забивали гроб вампира, который не хотел там оставаться навечно.

Неожиданно, краем глаза я заметила какое-то движение в полутьме чердака. Первой мыслью было, что один из пациентов клиники сбежал, каким-то образом забрался под крышу, обхитрив замки, и решил скрыться здесь. Но, когда я повернула голову, все рациональные объяснения вмиг испарились.

На границе тьмы и света стояла моя мать, чей образ я так часто видела в преследующих меня всю жизнь страшных сновидениях. Её рабочий халат был пропитан грязью и кровью, а волосы – мокрыми и слипшимися. Протянутые ко мне пальцы были чёрными, словно их обмакнули в смолу. Но было и одно отличие от фантома из моего подсознания. Нижняя челюсть женщины была раздроблена на две части и то, что от неё осталось, просто свисало с черепа, словно уродская гирлянда в честь Хэллоуина.

От этой жуткой картины меня стало мутить. По коже пробежали ледяные мурашки, а руки безвольно повисли, из-за чего я выронила топор.

Отвлёкшись на звон упавшего на пол инструмента, я буквально на долю секунды отвела глаза от матери. Но, когда снова взглянула на привидение, оно уже и след простыл.

– Что там? – спросил старик, прекратив долбить, – Ты поранилась, внучка? У тебя кровь.

Мне было, мягко говоря, не очень. Сознание едва удерживалось на грани реальности. Но, словно в трансе, я вытерла капли крови из-под носа и, присев, ответила, что со мной всё в порядке. Сглотнув, я помотала головой, сделала пару глубоких вдохов и снова взяла колун.

– Просто рука затекла, вот мне и отскочило, – глупо оправдалась я, – Ничего страшного.

Но завхоз всё же отпустил меня, заверив, что доделает потом сам. Он собрал инструменты, оставив не помещающийся в руках колун на чердаке. И провел меня вниз, порекомендовав сходить к Николаю, дабы он меня осмотрел, не сильно ли я ушиблась.

К доктору я так и не пошла, вернувшись к рутинной работе медсестры и прокручивая в голове произошедшее.

Ближе к концу рабочего дня я вспомнила, что в обед дала мальчику из карцера карандаш с бумагой и в свободную минутку решила его проведать. Насчёт парнишки у меня были двойские чувства. С одной стороны, он зверски расправил-

ся со своей сестрой и приёмными родителями, отчего меня бросало в ужас. Но, с другой стороны, моя интуиция, какое-то шестое чувство мне говорило, что мальчонка просто жертва. И я прониклась к нему некой симпатией, потому что узнавала в нём семилетнюю себя. Напуганную миром и происходящими в нём чудовищными вещами.

Мальчишка сидел на кровати и аккуратно выводил огрызком карандаша линии на замусоленных листиках. Он выглядел так, словно отключился от реальности, пребывая в своём особом мире без боли и утрат.

– Привет, – тихонько сказала я, чтобы не напугать парнишку, занятого своими делами, – Меня зовут Анна. Но ты можешь звать меня Аней или Аннушкой... Так меня называла мама. А как тебя зовут?

Мальчишка дернулся при таком знакомом, но доставлявшем столько боли слове «мама». Повернул ко мне голову в пол-оборота, но передумал и продолжил свое бесконечное занятие.

– Я тоже очень люблю рисовать, – продолжила я, – Может, покажешь мне, что у тебя получилось? Мне бы очень хотелось посмотреть.

Казалось, мальчик не реагировал. Но через несколько долгих секунд он неожиданно встал и, не спеша, словно плывя по полу, приблизился. Полускомканные листки мягко легли на полку. Взглянув на рисунки, я ужаснулась, но всё же виду не подавала. Говорят, произведения художников, музыкан-

тов, писателей и прочих культурных деятелей в какой-то мере отражают состояние души человека его создающего. Если верить этому, в закоулках разума мальчика остались только боль, страх и всеобъемлющая тьма, что заполняет улицы станции каждую ночь, где время гасит все, даже самые яркие огни.

– Очень красиво, у тебя получается даже лучше, чем у меня, – я улыбнулась, хотя он не мог этого видеть.

На первом листе были изображены двое: мальчик и девочка с бантиками, стоявшие под ярким солнцем. Но, несмотря на простоту и доброту сюжета, изображение было каким-то печальным и даже жутким. На втором был нарисован какой-то томик. Чёрный-пречёрный.

– А что это за книга? – про мальчика и девочку и так всё было ясно. Но это...

– Во всём виновата она. Я пытался её сжечь, но даже пламя здесь бессильно, – тихо прошептал парнишка, – Она захватила не один разум и помыкает людьми, как марионетками. И... Он ощутил её власть и теперь не остановится...

– Кто – он?

– Он придёт. Придёт и закончит начатое. Когда звезда станет ближе, у него не будет выбора. Ритуал должен быть завершён...

– О чём ты говоришь? – спросила я, но мальчишка снова замолчал. Пытаясь осмыслить его слова, я взглянула на последний рисунок. И вот тут внутри меня всё замерло.

С потёртого листика на меня смотрела девчонка с кудрявой причёской. Её лицо искажала стрёмная улыбка, больше смахивающая на оскал. На месте её груди виднелись отчётливые линии и, кажется, я знала почему. Хуже всего было другое. У девочки не было одного глаза.

– Откуда?.. – слова застряли у меня в горле.

– Ты забрала её глаз, – тихо ответил мальчик, – Она ищет его...

...Из ступора меня вырвал душераздирающий крик, раздавшийся с первого этажа. Я закинула рисунки в карман своего халата и устремилась к месту происшествия.

– Они внутри меня! Они внутри!

Кричала София из второй палаты. Неприметная доселе пациентка, как ужаленная бегала по коридору и до крови расчесывала свои руки.

– Софи, успокойтесь! – Дашка пыталась поймать женщину. Но та, несмотря на свой возраст – ей было за сорок, двигалась довольно проворно.

Как я уже говорила, практически всех пациентов, которые могли навредить кому-то или себе перевели в другие больницы, где за ними оказывали более надлежащий надзор. Увы, кроме Софии. У неё был периодический дерматозойный психоз, из-за которого ей казалось, что у неё под кожей живут и размножаются черви, используя её тело в качестве инкубатора. В основном она была вменяемая и любила поиграть в шахматы с немногочисленными пациентами. Но в

период обострения...

– Вытащите их из меня! Они внутри! – она забилась в угол и, скинув с себя пижаму, острыми ногтями впиалась в свою плоть, оставляя на теле красные отметины.

Наконец, подошёл Николай, и мы втроём смогли-таки скрутить её и вколоть успокоительное. Доктор осмотрел и обрабатывал раны, после чего, с горечью, нам пришлось замотать безвольное тело в смирительную рубашку и оттащить Софию в карцер, стены которого были оббиты старыми вонючими матрасами, дабы пациентка не навредила себе.

Это сильно сказалось на нашем с Дашей настроении и, когда мы возвращались домой после непростого рабочего дня, мы шли молча.

Небо снова заволочли тяжёлые тучи, и вся станица погрузилась в уже привычную темень. Лёгкие порывы ветра были настолько холодными, что приходилось закрывать ладонями лицо, иначе оно напрочь отмерзало. Своеобразно радующие меня звёзды, одновременно вводившие меня в тоску, словно отгородились от бездушных людишек.

Когда мы с подругой уже подходили к дому, я заприметила на дороге сгорбившуюся фигуру. Даша, а затем и я, решили аккуратно обойти, пытаясь не привлекать к себе внимание. Но та, шаркая, двинулась нам навстречу.

– Берегися, – старуха схватила меня за руку, впившись тонкими, но сильными пальцами, – Будэ хвостата звизда, а за нею – навьи. Сгубишь ты себэ, коли не уйдёшь. Вся беда

здесь схоронилась...

Бабка выпустила меня из своих удивительно сильных рук и прикоснулась к моей груди, в том месте, где было сердце. А потом, словно ничего и не случилось, заковыляла дальше по улице, опираясь на трость.

– Ты как? Не испугалась? – спросила Дарья.

– Это было... Неожиданно, – призналась я.

– Ага, это точно. Это бабка Владиславна. Теперь понимаешь, почему её ведьмой называют?

Мы немного постояли, посмотрев вслед удаляющегося силуэта, а потом всё же вернулись к своим планам. Мотоциклом сегодня я решила не заниматься, больно устала. К тому же, там осталось работы не так уж много. Из того, что я могла сделать сама. Если же он после этого не поедет, то придётся докупать запчасти. Но скорее, в таком случае пришлось бы его кому-то продать так. Потому что новые железки на эту модель стоили целое состояние.

Дашка принялась растапливать котел, а я – хозяйничать у плиты. Когда я доставала из привезенных мною запасов тушёнку, заметила одну странность. Ибо все вещи в сумке были буквально перевернуты вверх дном. Но я тут же отбросила эти мысли, решив, что у меня паранойя, потому что дом почти тринадцать лет стоял пустым и из него ничего не вынесли, с чего грабителям заявляться сюда, когда приехали хозяева? Чтобы попасть в тюрьму?

Поэтому вскоре этот инцидент был мною забыт, разве что

я пообещала поставить на дверь второй замок. Сварганив разваристую гречку с тушёнкой и начав микроотопительный сезон, мы сели в свои кресла и принялись с удовольствием уминать ужин. Когда с ним было покончено, Даша разлила по кружкам чай и сказала:

– Я терпела весь день, не могу больше. Ещё раз прости за любопытство, но как ты тогда выжила?

Я, конечно, ожидала подобный вопрос. Ароматный горячий чай, потрескивание поленьев, полумрак комнаты и присутствие в помещении близкого человека, как и вчера создавали особую атмосферу. В которой почему-то делиться тайнами пусть и такими чудовищными было много проще. Но моё молчание девушка расценила по-своему и принялась снова делиться первой:

– Меня мама разбудила среди ночи, и мы спрятались в гараже. Ворота там добротные, железные, ну ты видела, просто так не пробить. А вот папа помчался, как я уже говорила, за своими проклятыми книженциями. И всю ночь мы просидели там, отчаянно пытаюсь согреться и слушая ужасные крики, раздававшиеся повсюду.

Когда я спросила у мамы, что происходит и почему папа не возвращается, она лишь сказала, что всё будет хорошо. Да и что она могла объяснить? – девушка тяжело вздохнула и криво улыбнулась, – Теперь я знаю, что, если говорят: «всё будет хорошо» – нужно готовиться к худшему.

Как бы это не было грустно, но имели эти слова и забавные

составляющие. Капелька чёрного юмора в чёрной истории ещё одной чёрной судьбы.

Собираясь с силами, я налила-таки себе в бокал вина, оставленного мною вчера и, почти залпом осушив его, налила второй:

– Я капризничала... Не хотела ложиться спать без своей мягкой игрушки, которую я забыла у мамы на работе. Когда она отправилась её искать, мы с сестрой остались одни, сели смотреть телевизор. Тогда-то всё и началось. Окно разбилось и через него к нам начал залазить нынешний кататоник...

... Медленно, словно актёр антагонист в фильме ужасов, мужчина принялся протискиваться в оконный в проём. У испуганной до сумасшествия меня кто-то словно щёлкнул тумблер, и я, вскочив из-под стола сделала то же самое, что делала всегда, когда меня пугали. Я запустила в маньяка вазу. Снаряд пролетел через всю комнату и засветил мужчине прямо в лысый череп, но, разбившись, не причинил последнему практически никакого вреда. Однако, этого хватило, чтобы маньяк потерял равновесие и выпал обратно в окно.

Пришедшая в себя сестра (насколько это было возможно в данной ситуации), воспользовалась несколькосекундной заминкой убийцы и, схватив меня за руку, потащила на кухню. Мне было столь страшно, что мои ноги совершенно не слушались и Веронике буквально пришлось тащить меня за собой, словно мешок с картошкой.

Наконец, мы оказались в другой комнате. Сестра захлопнула дверь и придвинула старый комод, наваливая затем сверху всякого хлама, решив забаррикадироваться. Я немного очухалась и принялась ей помогать. Но разве могли деревянная дверь и небольшая кучка мусора помешать смерти с тяжёлым топором, которая решила забрать нас?

– Бам! – первый же удар колуна пробил дверь насквозь.

Мужчина за преградой прильнул к щели и улыбнулся:

– А я вас вижу! – и принялся с удвоенным остервенением громить непрочное укрытие.

– Прячься, – прошептала мне сестра, освобождая неприметное местечко в углу кухни, где стоял старый шкаф.

– А ты?

– Я спрячусь в другом месте, не переживай за меня.

Выглянув из своего укрытия, я увидела, как Ника запрыгнула за плиту. Раздался последний «бам» и наша стена окончательно рухнула. Мужчина оглядел комнатку и, видимо, не приметив занавешенную дверь детской, засмеялся:

– Иду искать.

И тут же направился в мою сторону. Его тяжелое дыхание сеяло в моём сознании страх. Мерные, не торопящиеся шаги вселяли в душу трепет. Вот он остановился и... Открыл дверцы шкафа. Я задержала дыхание, боясь, что меня услышат. Успела распрощаться с жизнью и даже обмочиться в трусики, как вдруг маньяк развернулся и пошёл дальше по комнате. Я бы расплакалась от облегчения, но тут услышала

полный боли вопль сестры. Аккуратно выглянув из-за шкафа, я поняла, что её он всё-таки нашёл и теперь вытягивал из укрытия, жёстко схватив девочку толстыми пальцами за волосы. И безудержно и очень противно заливаясь смехом. В воздух начал подниматься колун.

– Не тронь мою сестрёнку! – я, едва дотянувшись, врезала маньяку по затылку старой шваброй. Тот заревел от боли и отбросил-таки Веронику, развернувшись ко мне. И тут я, не по своей воле, сделала то, чего делать нельзя было ни в коем случае. Я растерялась. Против меня выступал здоровенный мужик с тяжёлым топором для колки дров, чей один удар мог с лёгкостью раздробить моё маленькое тело. Я стояла, смотрела на свою смерть, как она долго, словно в замедленной съемке поворачивается ко мне своим ужасным лицом. Как одновременно с этим поднимается колун, готовясь нанести роковой удар. И тут до меня дошло, словно озарение посетило мою голову – сопротивляться бессмысленно. Смерть всё равно всех заберёт...

– Хрясь! – обух топора опустился на мой правый глаз. Меня отбросило от удара на пару метров, где я врезалась в стену, рассыпав крупы и приправы на маминой полке.

– Дзинь! – Вероника вмазала маньяку грязной чугунной сковородкой. Тот схватился за вывихнутую челюсть и снова взвыл от боли. Сестра не стала терять времени и, проскочив мимо него, схватила меня за руку, направившись к нашей спальне. Неожиданно раздался какой-то мерзкий хруст, ко-

торый до сих пор преследует моё сознание. Ника резко остановилась, её лицо скорее выражало удивление, нежели боль, поэтому я не сразу поняла, что совершенно спятивший от боли психопат умудрился засадить мощным топором в хребет моей сестры. Вероника сглотнула и, отпуская мою руку, одними губами сказала своё последнее слово:

– Беги!

Слёзы тут же застелили мне единственный видевший тогда глаз, ибо второй уже заплыл, и я, быстро добралась до спальни только из-за того, что хорошо знала дом. Плача в голос, я застыла в дверях, глядя как топор раз за разом вонзается в тело Ники, превращая её грудную клетку в суп-пюре. Остановившись, убийца вырвал остатки её сердца, больше похожие теперь на тряпку из мышц и, подняв их над головой, пустил кровь себе в рот, наслаждаясь неповторимым вкусом.

Наконец, я резко захлопнула дверь и придвинула к ней свою кровать, лихорадочно пытаюсь сообразить, что же делать дальше.

– Бам! – и опять этот мерзкий хохот. Как маньяк умудрялся смеяться со свёрнутой набок челюстью, для меня до сих пор остаётся загадкой.

Я схватила какую-то книжку с полки и с силой запустила ею в окно. Раздался звон битого стекла. Я подбежала и принялась выдергивать осколки, оставшиеся в раме.

– Бам! – лёгкая фанерная дверь разлетелась на кусочки,

словно в кино. Время было на исходе, и я решила рискнуть, перебравшись на подоконник. Свобода была уже так близко, когда пальцы убийцы стальной хваткой врезались мне в ступню. И потянули обратно, в обитель боли и смерти.

Маньяку бы хватило сил выдернуть меня из окна одним рывком, но он заметил, что небольшой осколок, торчащий снизу, зацепил моё растянувшееся тело, и принялся тянуть сильно, но не спеша, под углом, чтобы орудие пыток не сломалось. Стекляшка с треском рассекала пижаму, а за ней и мою кожу, выпуская наружу потоки крови. Это продолжалось целую вечность, целая вечность боли и страха. Когда, наконец, осколок дошёл до плеча, вспоров меня словно рыбешку, убийца приостановился, наслаждаясь зрелищем. Я же, стиснув зубы и порезав ещё и ладонь, достала из рамы проклятую стекляшку. И, когда маньяк опустил меня на пол и развернул меня лицом к себе, держа в руках мамину спицу для вязания, которую она отдала моей сестре, и намереваясь превратить меня в увеличенную версию куклы Вуду, я нанесла удар.

Я хотела перерезать ему горло, как когда-то делала мать, когда резала козу. После увиденного тогда я не спала почти неделю. Сейчас же, если бы мама увидела, что делает её полуспятившая от смерти сестры семилетняя дочка, она бы больше никогда не смогла заснуть.

Но, увы, или удар оказался слабым, или я не смогла перерезать артерию, о которой тогда и не знала, но несколько

капель крови, упавших на меня, только сильнее раззадорили убийцу. И, замахнувшись спицей, он вонзил мне её прямо в глаз, оборвав воспоминания о той мрачной ночи.

Войди спица на пару миллиметров глубже или правее, и я бы, скорее всего, умерла. И, возможно, так было бы даже лучше. А так, он ударил левой рукой в мой левый глаз, и из-за получившегося непрямого угла, он лишь лишил меня роговицы. Опять же, будь спица чуть-чуть потолще, и я бы осталась без глаза. Но врачи, пока я была без сознания, но уже стабилизирована, не знали, смогу ли я видеть правым глазом, вокруг которого разместились такая обширная гематома. Созвав консилиум, решили подстраховаться и пересадили мне роговицу глаза покойного донора, близкого мне по крови. Моей сестры.

Обычно, при таких операциях радужка не меняет свой цвет, но из-за возникшего кровотечения на оную, цвет всё же сменился на зелёный. Такой же, какого цвета были глаза у моей Ники.

* * *

Я резко приподнялась в постели. Рядом сопела Дашка. Вспоминая события прошлого вечера, я поняла, что я уснула от морального истощения, рассказывая свою историю подруге, как это сделала позавчера она. И, очевидно, также решив меня не будить, она отплатила мне той же монетой.

На часах было около двух ночи. Луна кое-как иногда про-

глядывала сквозь тяжёлые свинцовые тучи. Меня словно какая-то неведомая сила выдернула из кровати, и мне ничего не оставалось, как подчиниться ей. Я накинула старый тулупчик и вышла на улицу, навстречу зову. Пройдясь по замерзшему двору, я остановилась у калитки, ведущей на огород. Естественно, его уже давно не пахали, и небольшая рошица в его конце принялась разрастаться. Но вот снова выглянула луна, и я застыла в ужасе.

Не только мой неухоженный огород, но и всю-всю деревню заполнили полчища ужасных призраков. Их фигуры переливались под лучами ночного солнца и словно были сотканы из них же, только более плотные. Костлявые пальцы тянулись ко мне, оборванные лохмотья оголяли чудовищные тела, а лица застыли в гримасе беспредельной паники.

Но вот у небольшой рошицы, куда практически не проникали серебристо-голубые лунные лучи, я заметила нечто. Сплетенную из абсолютной тьмы фигуру в балахоне никак нельзя было рассмотреть. Лишь коса из вороного металла слегка поигрывала с лучами загадочного светила. Вдруг, свободная рука существа поднялась и, прикоснувшись к капюшону, дернула его с головы. От испытанных мною чувств страха и отчаяния я потеряла сознание.

Глава 4. День четвёртый

27 января 2008г.

Я резко приподнялась в постели. Рядом сопела Дашка. Я снова была в замешательстве. Как я оказалась здесь? Или прогулка в два ночи была всего лишь сном? Но, валявшийся рядом тулуп подсказывал, что это не так. Я попыталась сосредоточиться, вспоминая, что же я увидела под капюшоном того существа, почему-то мне казалось это очень важно. Но, чем больше я старалась, тем быстрее произошедшее выветривалось из моей головы.

Было несколько минут до звонка будильника, я вырубила его, дабы не проснулась подруга. У неё, в отличие от меня, сегодня был выходной и вместо посещения психушки, она планировала заняться реконструкцией своей отопительной системы. Я с небольшой долей зависти посмотрела на Дашку, которая так уютно устроилась под одеялом, мило прижавшись к подушке, и отправилась готовить завтрак.

Жаря яичницу, я вспоминала события вчерашней давности и гадала, правильно ли поступила, что не сказала своей подруге ни о чудовищном предзнаменовании мальчика, ни об остальных событиях. Впрочем, рассказывать кому-то о призраках, преследующих меня, было опасно – так не долго и самой оказаться пациенткой. Да и предупреждения парнишки и ведьмы были крайне запутаны и непонятными, не

давали практически никакой информации, кроме той, что приближается какая-то беда. А такое событие в проклятой деревне, едва ли из ряда вон выходящее. Может быть тут это даже стало некой мрачной традицией, делиться с людьми, что скоро будет что-то страшное.

Чепуху, конечно, несу. Но рассказывать кому-то, даже Даше о чём-то странном, чего я и сама не понимаю, выглядело как-то глупо. «Даш, мне тут мальчик психопат и старая ведьма сказали, что будет что-то плохое» – сказала я своей подруге у тебя в голове. «Так, и что делать?» – ответила та. Я с шумом втянула воздух, осмысливая ответ. «Что-то» – многозначительно произнесла я и улыбнулась своим мыслям.

Приготовив яйца, я тихонечко включила телевизор. Поклацав по каналам, на которых не было ничего толкового, я опять наткнулась на новости.

– Милиции удалось, наконец, получить фотографии с камеры видеонаблюдения участника похищения, чью банду в народе уже прозвали в народе «детдомовской мафией» при исчезновении третьей семьи, – на экране появился щуплый мужчина в очках и с короткой стрижкой, где виднелась немалая проплешина. Фотография заставила меня выронить из руки вилку, и отвиснуть мою часть.

– В настоящее время правоохранительные органы разыскивают данного человека, если Вам известно что-то о его местонахождении, позвоните по горячей линии, предоставленному внизу телеэкранов либо по номеру 02.

Очень мягко говоря, я пребывала в некотором замешательстве. Неужели это был Пётр Михайлович? Человек, который днём работал главврачом в психиатрическом госпитале, а ночью помогал красть людей, с которыми потом делают неизвестно что. Я не могла в это поверить.

– «А так ли я хорошо знала доктора? – спросила я себя, – ведь по сути мы знакомы, если, конечно, не считать детство, из которого я почти ничего не помню, всего несколько дней. И что мешало ему совершать такое?»

Но и что щуплого старика могло сподвигнуть на такое, в моей голове не укладывалось. После долгих раздумий я всё же решила позвонить в милицию. Пускай там сами разбираются, он это или просто похожий на него человек. Но тут я вспомнила, что так и не подключила домашний телефон. Поэтому связаться с властями можно было только из клиники.

Всё ещё пребывая в шоке, я, наконец, дособиравшись и выдвинулась к месту работы. Погодка на улице значительно ухудшилась (хотя, казалось бы, куда ещё хуже?) и накрапывал мерзкий холодный дождь. Многосантиметровая корка льда, покрывавшая окрестности, начала таять и превращалась в рыхлую массу. Дороги, а вернее направления, по которым следовало двигаться, раскисли и превратились в подобие бездонных илистых рек. Лишь в некоторых местах чудом сохранившаяся гравийка, напоминала островки, в которых тоже можно было изгваздаться, но хотя бы не бояться, что затянет в трясину. Вот вам и рыночная экономика, и де-

мократия, где о простых людях совершенно никто не думал. Честно трудится на заводе, учить детей или лечить стало как-то не модно и даже зазорно, хотя раньше именно рабочие и крестьянские классы составляли гордость и будущее нашей Родины. Было время, когда дети мечтали стать космонавтами, врачами и учёными. А теперь все хотели быть олигархами, моделями и раскручивающимися сейчас семимильными шагами блогерами. Взгляды народа на простейшие вещи в корне изменились, но... В правильном ли направлении?

Мне так же не давала покоя мысль о призраках из моего сна. Невидимые простому человеческому взгляду, они наполняли все улицы и рощицы умирающей станицы, медленно разлагаясь своими бестелесными телами. Я постоянно ощущала на себе их злобные глаза и едва уловимый запах смерти.

Когда я зашла в здание больницы, на входе столкнулась с каким-то молодым человеком. Я остановилась, пытаюсь сообразить, кто он и что тут делает. Словно отвечая на мой немой вопрос, мужчина улыбнулся и, достав удостоверение, представился:

– Лейтенант Морозов, Министерство внутренних дел Российской Федерации. Вы сотрудница этой больницы?

– Да, я медсестра.

– Мы разыскиваем вашего главврача, Петра Михайловича. Знаете, где он?

Я покачала головой.

- Когда в последний раз вы его видели?
- Вчера вечером, когда уходила домой.
- Во сколько это было?
- Около восьми.

Я приготовилась к длительному допросу, но молодой человек задал ещё только несколько вопросов и отпустил меня. Обдумывая происходящее, я быстренько переделалась и отправилась выполнять свои обязанности.

Как только я более или менее освободилась, то отправилась посетить Майю, так как боялась, что она из-за серьёзной депрессии может наделать глупостей. Но, к моему глубочайшему удивлению, та сидела на стуле у окна (что было само по себе необычно, ибо я её видела только на кровати, откуда она отлучалась исключительно в туалет. Даже еду мы носили ей в постель) и с улыбкой что-то увлеченно строчила ручкой в старенькой, но толстой тетрадке. Я не хотела её отвлекать и, немного постояв и полюбовавшись преобразовавшейся девушкой, решила тихонечко выйти из комнаты. Но Майя самба отложила ручку и, повернувшись, улыбнулась шире, чем обычно:

– Аннушка, Привет!

– Привет, Майя! Я вижу, тебе лучше?

– Намного. Я думала о том, что ты мне вчера сказала. Думала всю ночь. И вспомнила, что в детстве я одно время мечтала стать писательницей. Создавать различных персонажей, образы, невероятные события. Я всегда отчётливо ви-

дела разницу между книгами и фильмами. И, если в последних мы, когда нам симпатична какая-то картина, привязываем это к персонажу, актёру или актрисе, то в книге, мы питаем чувства к его мыслям и поступкам. Мы влюбляемся в его душу. И я поняла, что именно этого мне и не хватает. Чтобы кто-то полюбил меня не за мою красоту, не за моё стройное тело, но за поступки и характер. Чтобы кто-то влюбился в мою душу.

Я слушала её очень внимательно. Честно сказать, я не думала, что плоды моих долгих минут одиночества, самокопания и размышлений после смерти семьи, смогут кому-то помочь. Я, конечно, предполагала это, когда разговаривала с ней вчера, но даже не могла себе представить, что мой поступок вызовет столь серьёзное действие. Очевидно, я слишком сильно занижала свою самооценку.

– О чём пишешь? – спросила я, когда она замолчала.

Майя улыбнулась:

– Пока секрет, но я обязательно дам тебе почитать, как закончу.

Я разомлела в ответ:

– Договорились.

Мы немного помолчали, смотря друг другу в глаза.

– Спасибо тебе, – прошептала девушка, беря в свои руки мою. По моей коже пробежали приятные мурашки. Нечасто я прикасалась к другим людям, тем более к таким красивым.

– Я действительно очень рада, что смогла тебе помочь.

– А вообще-то, ты сможешь помочь мне ещё раз. Если тебе, конечно, нетрудно. Я буду крайне признательна.

– Да?

– Ты говорила, что когда-то любила. Я бы очень хотела послушать твою историю и записать её на бумаге.

– Ну не знаю, – я смущенно улыбнулась, – Там и писать особо не о чем.

– Пожалуйста, – она посмотрела на меня молящим взглядом. И как такой милашке отказать?

– Ну хорошо, но сделай меня героиней вестерна с двумя крутыми револьверами. И, чтобы я прикончила негодяя в конце.

Майя рассмеялась:

– Идёт.

– Это случилось в восьмом классе. К нам перевёлся мальчик. С виду такой неприметный, среднего роста и глаза самые обыкновенные... Но не для меня. Я сразу же влюбилась в него. Пыталась всё время быть ближе к нему, даже записалась в те же кружки, что и он. А во втором полугодии меня посадили с ним за одну парту. Я думала, что вот, наконец, тот момент, когда парень меня заметит, но время шло, а он не обращал на странную девчонку с разными глазами никакого внимания. Словно меня и не существовало.

Однажды, в конце весны, я всё же набралась смелости и, отведя его в безлюдное место, призналась в своих чувствах:

– Я... Я люблю тебя, – тихо и запинаясь от волнения, про-

шептала я.

– Прости, но я тебя – нет, – спокойно ответил он и, оставив меня в слезах, ушёл.

В тот день я едва не покончила жизнь самоубийством. Хотела прыгнуть под поезд. Но эшелона всё не было, и я, жутко продрогнув под ливнем пошла домой. На утро я так сильно испугалась своих мыслей, что до сих пор боюсь подходить к рельсам.

В девятом классе боль стала немного затихать, и, хотя я пару раз писала парню любовные письма в надежде, что он передумает, в глубине души понимала, что нам никогда не быть вместе. В конце учебного года я узнала, что у него появилась девушка. А потом... Потом я просто уехала поступать в колледж. Вот и всё.

Сейчас я понимаю, как глупо себя вела из-за этой вашей любви. Поэтому-то я уверена, что это не только светлое и чудесное чувство, о котором трубят на каждом углу, но и жестокая и опасная штука.

– У тебя была очень непростая жизнь, – посочувствовала Майя.

– Да уж, это точно. Иногда мне кажется, что я какая-то неудавшаяся черновая версия чего-то глупого рассказа, а не реальный человек.

– Тогда автор – полный идиот, – пошутила девушка.

После обеда я взяла на себя смелость и приготовила чашку кофе с печеньками для товарища лейтенанта. Впрочем,

мои альтруистические начала произошли из отчасти алчных побуждений.

– М-м-м... Большое спасибо, – поблагодарил меня милиционер, увидев перед собой угощения, – С утра ничегошеньки не кушал. Всё дела да дела.

– Вы наверняка знаете моё имя, но всё же представлюсь: Анна, – с улыбкой сказала я, садясь рядом с мужчиной.

– Александр, очень приятно, – он просиял в ответ.

Я начала с ним болтать в каких-то мелочах, пытаюсь придумать, как из него вытянуть интересующую меня информацию. Но, неожиданно мне помог сам служивый:

– Вы ведь хотите что-то спросить, но не можете решиться, не так ли?

Я нервно улыбнулась:

– Увы, это так.

– Тогда задавайте свой вопрос, а я скажу, смогу ли вам помочь.

Я глубоко вдохнула и произнесла:

– Вы знаете что-то о мальчике, который поступил к нам позавчера?

– Да, я вёз его сюда вместе с вашим участковым.

– Вы можете сказать, что там произошло?

– Боюсь, это пока что закрытая информация. Ведётся следствие.

Я попыталась его убедить:

– Пожалуйста. В изоляторе сидит десятилетний парень,

словно опаснейший преступник. И всё больше, и больше сходит с ума. Ему нужна помощь, но что мы можем сделать, если даже точно не знаем, что с ним случилось?

– В таком случае, информацию об этом должны были передать его лечащему врачу.

– Его лечащий врач – Пётр Михайлович, – я немного взвинтилась, – И едва ли ему сейчас до пациентов, ведь он скрывается от закона.

Лейтенант явно не ожидал от маленькой и милой девушки такого. И сдался:

– Его приёмные родители – это бывшие бандиты. Они промышляли в основном мелкими кражами, иногда грабежами. Но хоть они и были в розыске, их так и не посадили. Около полугода назад они под поддельными документами весьма хорошего качества поселились неподалёку отсюда. И взяли из детдома близнецов: этого мальчика и его сестру. Мы также нашли на месте преступления большое количество ритуальной символики и прочих сатанинских штучек. А также письмо неизвестного, который обещал пару щедро наградить, если они проведут какой-то нечистый обряд. Скорее всего, именно они убили, а затем сожгли девчонку в печи. Мальчику, который всё это видел, как-то удалось высвободиться и накачать их наркотиком, пока те спали. А потом, когда они очнулись сделал из них... мясную нарезку.

– Если это ритуал, почему они не убили и мальчика? Зачем они брали из детдома двоих, если умертвили только де-

вочку?

– Мальчика в соответствии с обрядом нужно было «использовать» через определенное время. Я особо не вчитывался в наблюдения криминалистов по этому поводу, но там говорилось, что одна смерть должна была привлечь потусторонние силы, а другая – накормить. Или как-то так. Очень противная у них религия, в общем.

– То есть, мальчик опасности, и за ним может вернуться заказчик, чтобы закончить начатое?

– Сатанисты, если что-то пошло не по их плану, чаще всего разбегаются кто куда, опасаясь расправы. Так что это крайне маловероятно, – успокоил меня лейтенант, – Но, если он или она всё же решат навестить мальчугана, я познакомлю их своим другом.

Мужчина вытащил из кобуры пистолет системы Макарова.

– Это, конечно, не автомат, но с засранцами справляется неплохо.

И подмигнул. Я немного успокоилась, утешённая его доводами. Хотела спросить его ещё о чём-то, но неожиданно услышала какой-то странный звук, который словно заколдовал меня, и завладел моим хрупким телом. Я словно со стороны наблюдала, как развернулась и пошла дальше по коридору первого этажа. Ближе к концу я начала приходить в себя, и конечности стали подчиняться. Остановившись, попыталась осознать, что происходит, как вдруг поняла, что шум,

похожий на гуляющий сквозной ветер издаётся из изолятора. Сглотнув, я приблизилась к его двери и, открыв окошко, заглянула во внутрь. И тут же в испуге отскочила. По ту сторону на меня немигающим взглядом смотрела Инид. Мне показалось, что у девушки совершенно не было зрачков, но, присмотревшись, поняла, что они затянуты густым бельмом.

Я сглотнула, приходя в себя, и посмотрела в сторону поста, чтобы узнать, видел ли мой испуг лейтенант. Однако, мужчины там не оказалась. Очевидно, он отошёл в туалет.

Я вздохнула, повернула голову к Инид и снова отскочила, как ошпаренная. Она всё ещё смотрела на меня, только... Не из изолятора, а стоя прямо передо мной! Я не верила своим глазам. За секунду и совершенно бесшумно девушка покинула свою тюрьму.

Выглядела молодая девушка очень странно и даже страшно. На ней совершенно не было одежды, и белая кожа с каким-то синюшным оттенком, что бывает у мертвецов, выглядела, мягко говоря, шокирующе. Тонкие руки кончались длинными костяными пальцами. Жёлтые утолщённые ногти были обгрызены, обломаны, или даже вырваны с корнем. А её длинные волосы... Они словно лишились необходимости подчиняться законам физики и торчали во все стороны, в частности вверх. Слово были наэлектризованы.

– Время... на исходе, – раздался из её уст очень тихий, словно из потустороннего мира голос, – Ты... должна... остановить его... Он... ищет... книгу... Но только... твои

родные... знают, где она...

Вдруг её тело замерло, даже едва покачивающиеся волосы. А потом... Стало рассыпаться в прах, не оставляя на паркете ни следа. Неожиданно что-то схватило меня и притянуло тело вперёд. С ужасом я узрела, как в мгновение ока передо мной появилась Инид. И, наклонившись ко мне, дыхла ужасным смрадом:

–Услышь их!

От увиденного, моё сознание погрузилось в спасительную тьму.

* * *

Я рывком поднялась с пола на ноги. Огляделась. Поняла, что всё ещё нахожусь на первом этаже, перед изолятором. Александр, наконец, вернулся на свой пост, улыбнувшись мне. А я стояла и пыталась прийти в себя, осознать, было ли произошедшее каким-то сном или чудовищной явью.

Так или иначе, заглядывать внутрь палаты Инид я не стала. Хотя была почти уверена, что сейчас она сидела своём углу, обняв колени. Я пошла умылась холодной водой, выпила большую кружку крепчайшего чая и всё же вернулась к своим обязанностям.

После ужина, когда я возвращалась на пост, мечтая о том, как окажусь в своей тёпленькой кроватке, потягивая свежесваренное какао, я заметила какое-то движение за окном. Мне, наверное, из-за постоянного нервного напряжения, по-

чему-то показалось, что это подбираются сатанисты и вот-вот ворвутся сюда. Хотела уже предупредить лейтенанта, который, похоже, собирался тут ночевать, но его опять не оказалось на месте.

– Уугуу! – раздался громкий крик неаккуратно приземлившегося на подоконник и едва не разбившего стекло филина, – Уугуу!

Я, снова перепугавшись, даже разозлилась на птицу – так и до инфаркта доведут. И тут же застыла, я, вспомнив байку завхоза, в которой филины, севшие на дом и ухающие, были предвестниками страшной беды.

– Доча! Доченька! – из палаты, ничего не видя перед собой отчего-то полностью почерневшими глазами, вышла Настя. На этот раз Николай прибежал оперативно. С уже готовым шприцем седативного.

– Что у неё с глазами? – в недоумении спросила я.

– Я... я не знаю, – ошеломленно ответил мужчина, – Давай сначала успокоим её, а потом займёмся осмотром.

Мы начали загонять готовившуюся к выписке женщину в угол, но та неожиданно вцепилась доктора:

– Куда вы их дели? Где моя семья?

Чья-то ловкая рука сзади отняла у Николая шприц. Я удивлённо повернула голову и встретилась взглядом с самой старой пациенткой нашей больницы. Её глаза также заволокла тьма.

– Вы все будете гореть в аду, – ухмыльнулась она беззубым

ртом и... Воткнула мне в спину иглу, – Геенна огненная ждёт вас...

В голове резко потемнело. Коридор стал вращаться, а фигуры передо мной – расплываться. Притяжение земли стало в несколько раз сильнее, и я, не в силах ему сопротивляться, сначала села, а потом упала на бок. Мир снова померк.

* * *

Медленно и не торопясь сознание возвращалось в измученное тело. Всё расплывалось в глазах, и я никак не могла сфокусировать зрение. Коридор почему-то оказался залит каким-то сюрреалистическим красным светом, я пыталась понять, реально это или же последствия укола... Пол подо мной оказался отчего-то мокрым, и у меня мелькнула мысль, что это маленькое море, из которого я выплыла в этот странный мир. Руки и ноги слушались меня очень плохо, мне пришлось потратить некоторое время, дабы хоть как-то овладеть ими.

В конце концов, я, кое-как подтянула своё тело к стене и, облокотившись на неё, стала осматриваться. Больницу и впрямь заливало красное аварийное освещение. Мои галлюцинации после серьёзной дозы наркотика оказались ни при чём. Потом я наткнулась взглядом на Николая. Он лежал неподалеку от меня и, похоже, тоже был в отключке.

Я прошлась сухим языком по нёбу, словно наждаком. Сильно хотелось пить и спать. Но я собрала свою волю в ку-

лак и кое-как на четвереньках подползла к доктору.

На лестнице стали раздаваться странные звуки. Словно кто-то тащил что-то тяжёлое и при этом постоянно бормотал себе под нос. Я явственно ощутила угрозу и принялась расталкивать доктора. Тот не двигался.

– Эй, Николай... – я перевернула его на спину и задрожала от страха. Его голова была сильно разбита. Буквально в кашу. Из расколотого черепа хорошо были видны мозги. Кровь стекала из раны на пол и уже залила немалую площадь, включая ту, на которой я пришла в себя.

Меня сильно затошнило. В голове всплыла картина из прошлого, в которой с таким же раскрытым черепом лежала тётя на столе морга. От этой мысли мне стало ещё хуже, меня вырвало.

Между тем звуки опасности становились всё ближе. Жуткое существо вот-вот должно было появиться из-за угла. Остаться здесь было нельзя, меня бы вмиг обнаружили, но и убежать я не могла. Ноги всё ещё слушались плохо, да и отступать было особо некуда. Я не придумала ничего лучше, кроме как спрятаться. В отвращении и ужасе я руками схватила желеобразное вещество мозга трупа, легла рядом с ним на живот, уткнувшись щекой в лужу крови, и закинула это на свою голову сверху.

– Треклятые жуки! – затихнув, разобрала я, – Им меня не победить. Они обманули всё, почти всё человечество. Но я им так просто не дамся. Я знаю правду. Всегда знал.

Пациент, чьё имя я запомнила, тащил за ноги Александра. Параноик заволок лейтенанта, пребывающего в полусознании в последнюю женскую палату. Чем мужчине приглянулась именно эта комната, я понять не смогла.

Ещё немного полежав для надёжности, я, наконец, скинула со своих волос чужие мозги, затрясаясь в отвращении. И поползла к дверному проему.

– Говори, как ты меня нашёл? – мужчина уже успел привязать руки милиционера к кровати простынями и теперь, достав из кобуры ПМ тыкал им в Александра, – Когда придут остальные? И... И сколько их вообще?

– Я... Я не понимаю... – тихо прошептал лейтенант. Очевидно, у него была серьезная черепно-мозговая травма, и, скорее всего сильное сотрясение. Даже без осмотра были отчётливо узнавались его признаки: мыслительная заторможенность, спутанная, едва различимая речь и кровь, стекающая по волосам. Без соответствующей помощи жить ему, скорее всего, осталось недолго.

– Конечно, не понимаешь! Никто не понимает! Правительства большинства стран захвачены пришельцами из космоса, мечтающих стереть вас с лица Земли, а вам это, идиотам, даже невдомёк! Когда же вы, наконец, разуете глаза? Тебя, наверняка, отправили они. Отправили, чтобы убить меня, не так ли? Потому что я единственный, кто знает правду. Так? Отвечай!

Раздался оглушительный выстрел. Из-за столь громкого и

неожиданного звука в закрытом помещении по ушам садалуло болью. Перепонки зазвенели. Александр завыл от боли в простреленной ноге, всё ещё туго осознавая, что происходит. Меня накрыло понимание того, что нужно, наконец, вмешаться, пока не стало поздно. Это чувство отодвинуло прочь даже инстинкт самосохранения, который преобладал до сих пор.

Я рывком поднялась и, схватив по пути табуретку, словно пантера, подскочила к параноику. Тот успел встать и только начал поворачиваться ко мне. Я сходу опрокинула на его голову простое плотницкое изделие. Противник попятился, завыв от боли, но остался стоять на ногах, вновь поднимая оружие. Резким прыжком я отскочила влево и вовремя: раздался выстрел. Почти без замашки я врезала стулкой по руке с огнестрельным оружием, и ПМ, наконец, выпал из цепких лап. Мужчина упал на колени и наклонился к пистолету, но я мощным ударом ноги опрокинула его и всё-таки вырубилла. Взяла оружие в руки, ощутив его смертельное могущество и опустилась к Александру, пытаясь сообразить, что можно сделать, дабы ему помочь. Тот, дрожа всем телом, словно ему было жутко холодно, поднял свои затуманенные болью глаза и произнес:

– Бойся не психов... Бойся «адекватных».

Приняв эти слова за бред из-за помутнения рассудка, я стала осматривать его. Кроме простреленной ноги и разбитой головы я, расстегнув пиджак, обнаружила еще одну ко-

лотую рану в животе. Поняла, что дела много хуже, нежели думала и начала перевязывать, становившегося холодным от сильной потери крови, Александра.

– Не смей отключаться! – резко рывкнула я, заметив, что лейтенант принялся закрывать глаза, – Слушай мой голос.

Но, как бы я не старалась, когда закончила перевязку, то обнаружила, что мужчина, который только недавно сдал выпускные экзамены, отошёл в мир иной. Я горько вздохнула, злобно отшвырнув в угол комнаты остатки простыни.

Сев рядом с остывающим телом, я попыталась сконцентрировать мысли на более актуальных вопросах, нежели умерщвлённые Николай и Александр. Думать об их гибели было нестерпимо больно и я, избегая этого, решила обмозговать сложившуюся ситуацию, дабы спасти тех, кого ещё можно было.

Для того, чтобы понять, что произошло с пациентами, которые, словно по команде, в один миг слетели с катушек, имеющейся у меня информации явно не хватало. Мне было известно, что свихнувшийся окончательно психи отчего-то имеют полностью чёрные глаза, что уже не могло объясняться с точки здравого смысла, науки и логики. Я знала, что скорее всего, пациенты остались в здании больницы, так как для того, чтобы выйти, нужно было либо проломить массивную дверь, что не позволяло отсутствие соответствующих инструментов, либо раздобыть два ключа, один из которых имелся у всех работников, а второй – только у дежурившего

врача и главврача. И так как я, пока валялась в коридоре, играя в жуткие прятки, стянула ключи Николая, а главврач находится в розыске и ему не зачем сюда идти, то выбраться больные без моего ведома не могли. Как они это сделали в прошлый раз...

И тут меня осенила столь очевидная догадка, что я сильно удивилась, как не смогла понять это сразу. В больнице повторялись события тринадцатилетней давности. Тогда, из-за долгого отсутствия ремонта, окончательно спятившие психи, коих насчитывалось около пятидесяти из сотни на тот момент числившихся, смогли найти лазейку и выбраться из госпиталя, сея по станице панику, ужас и смерть. Неясно оставалось то, все ли пациенты стали опасны или, как и тогда, только избранные дьяволом. И был ли среди них кататоник, так жестоко расправившийся со мной и моей сестрой.

Завхоз и его жена, тетя Глаша, кончили свою смену и уже ушли домой до происшествия, и я порадовалась, что хотя бы эти милые старички были в порядке. Кроме меня, погибших Александра и Николая в больнице должна была находиться ещё одна медсестра по имени Лиза. С ней мы не успели толком познакомиться, но я искренне надеялась, что ей удалось избежать участи мужчин и укрыться в каком-нибудь закоулке.

Мыслительный процесс, подстёгнутый адреналином и желанием выжить, двигался быстро. Ключи были у меня в кармане, сама же я находилась на первом этаже. Плюс писто-

лет с половиной обоймы. Я вполне легко могла сбежать сама, но... Не могла. Я понимала, что, если Лиза жива, то нужно ей помочь. И я бы не смогла жить дальше, узнав завтра, что могла её спасти, но не сделала этого.

Поднявшись, я сняла с себя туфли, чтобы не создавать лишнего шума, и, заглядывая в каждую палату и проверяя закоулки, где могла прятаться девушка, начала свои поиски.

Но прежде я добралась до поста медсестры и решила позвонить, дабы вызвать помощь. Но с огорчением обнаружила, что связь прервалась. Я осмотрела кабель, который явно был в порядке. Это означало, что, скорее всего, вся больница оказалась без телефонной связи.

Все палаты, включая изолятор, в котором должна была находиться Инид, были пусты. Кроме, как оказалось, карцера. Запертая вчера женщина всё также сидела на полу оббитой комнаты в смиренной рубашке. Когда я прижалась к двери, чтобы заглянуть в неё, пистолет ударился о доски с характерным глухим звуком. Пациентка подняла глаза и... Изпод её век, которые обрамляли чёрные глаза, были отчётливо видны черви, которые также ползали по всему опухшему лицу женщины, раз за разом впиваясь глубоко в её плоть, чтобы отложить там яйца. Женщина оскалилась:

– Сейчас вы тоже не видите их?

Меня снова замутило. Всё тело передернуло в отвращении, и я резко отстранилась от двери палаты, словно от лепрозория. Придя в себя, я подумала, что едва ли могла сейчас

ей помочь, и мне ничего не оставалось, как продолжить поиски медсестры.

Когда я поднялась на второй этаж, то осознала, что здесь слишком тихо. Нагнетало атмосферу и то, что несколько ламп аварийного освещения не горели, и в этом коридоре оказалось куда темнее.

– Лиза! – шёпотом позвала я и, не получив никакого ответа, принялась заглядывать в палаты. В изоляторе обнаружила мальчика, который, на удивление, не поддался... Не знаю чему. Он сидел в своей тюрьме за массивной дверью, словно в больнице ничего не произошло.

– Эй, приятель! – я отметила, что так и не знаю, как его зовут.

– Аннушка? – он явно был удивлён моим появлением, – Беги отсюда. Ты всё равно ничего не сможешь изменить. Меня принесут в жертву, я в этом не сомневаюсь. Так должно быть.

– Это мы ещё посмотрим, – бойко ответила я, доставая ключи Николая. Но сколько я ни копалась, так и не смогла открыть чёртову дверь. Ключи от этой палаты не было даже у врача, чтобы было невозможно. Только, если его не украли, конечно.

– Проклятие, – выругалась я, – Я сейчас схожу за инструментами и вытащу тебя, слышишь? Я не дам тебя в обиду, обещаю.

Мальчик выслушал меня спокойно, словно не верил ни в

единое слово. Но неожиданно его глаза расширились, и он коротко сказал:

– Сзади.

Я резко развернулась, на ходу поднимая пистолет. Но сильный и неожиданный удар по рукам поставил выронить оружие.

– Скоро вы все умрёте, – засмеялась пациентка по имени Люда с биполярным расстройством, – Скоро... Они придут...

Я тоже понимала, что время тянуть нельзя, ибо сегодня оно работало против меня. И накинулась на сумасшедшую. Покатившись с ней по полу, я всё-таки сумела достать до пистолета. И, пока Люда больно, до крови кусала мою руку, я нацелила холодный ствол на противника.

– Прекрати! – прошептала я, не собираясь стрелять, лишь припугнуть. Но женщина резко схватилась за оружие, намереваясь вырвать его у меня из рук. Раздался выстрел. Пуля вошла пациентке в грудь, и вскоре красная жидкость начала пропитывать на ней одежду. Её руки ослабли, столи безвольными, но рот продолжал жить своей жизнью, захлебываясь кровью и смехом:

– Вам не спастись! Никому не спастись!

На ватных ногах я поднялась, осознавая тот факт, что стала убийцей. Мысль об этом заполнила всю мою голову, и, хотя я понимала, что нужно было уходить – звук наверняка привлёк большое количество нежелательного внимания,

оставалась стоять на месте.

Лишь тихие приближающиеся шаги, наконец, вывели меня из ступора. Резко открылась дверь, ведущая в восточное крыло, чему я не сильно удивилась – ключи от него есть у всего персонала, сбежать оттуда едва ли получится. Но зато, я была сильно поражена той, что оттуда вышла. Это была четырнадцатилетняя девочка – Таня. Её глаза также были заражены скверной, но удивило меня не это. Ещё при первой встрече я заметила у девочки легкую форму птоза правого века. Теперь же у него было слегка опущено левое. Словно передо мной было её отражение. И оно явно не имело благих намерений – в руке девушки был приличных размеров осколок стекла, который она сильно сжимала, отчего капельки крови из рассеченной ладони постоянно капали на пол.

– Стой, – слово прозвучало не как команда вооруженного человека, а как нерешительная просьба жертвы. Я знала, что она не остановится и подняла пистолет. Когда до неё оставалось меньше метра, я таки заставила себя нажать на курок. Звук выстрела снова зазвенел, прокатившись по всей больнице.

Но пуля, вместо того чтобы рассечь плоть Татьяны упёрлась в стену. Я не поверила своим глазам: девочка просто растворилась в воздухе. Лишь разбившийся на полу осколок, говорил о том, что это была не просто галлюцинация.

Помещение тут же напомнил какой-то звон, вибрация. Я покрутила головой, пытаюсь понять, откуда ждать следую-

щей атаки. И в который раз замерла.

Из зеркала, тянущегося практически до пола, неожиданно появилась рука. При этом само серебристое полотно оставалось пустым, отражая только голые стены коридора, залитые тусклым светом. Рука опустилась на пол, и из зеркала появилась голова Татьяны, которая тут же злобно улыбнулась.

Возможно, разбей я зеркало, и это чудовищное представление бы прекратилось, дав мне немного времени, чтобы сбежать. Но тогда я пребывала в таком ужасе и шоке, что только смогла себя заставить развернуться и бежать, что есть мочи.

Добравшись до лестницы, я с горечью осознала, что путь к отступлению уже отрезан: на пролёте внизу стояла группа сумасшедших. Заметив меня, они, словно львы, увидевшие добычу, ринулись в атаку. Мне снова ничего не оставалось, как принять правила чужой игры и подняться на третий этаж, попробовав спрятаться там.

Но, увы, когда я, словно ракета, залетела на следующий этаж, то увидела ещё большее скопление психов. Практически все, даже Мая и Настя, которых я не могла не заметить, устремили на меня свои чёрные, полные злобы и отчаяния взгляды. На несколько секунд наступила немая сцена, которой я решила воспользоваться. Подбежала и в надежде дернула ручку кабинета главврача... Она, конечно, оказалась заперта. Заминка осатанелых отродий закончилась, и они, не спеша, понимая, что я никуда не смогу деться, двинулись на

меня.

– Помогите! – в отчаянии закричала я, барабанила по двери. Даже не зная зачем. Алексей и Николай были внизу, лежали без дыхания и иных признаков жизни. Лизу, наверняка, постигла та же участь и сейчас её тело лежит где-то в тёмном углу мрачной больницы. Я поняла, что это конец. Что меня найдут такой же растерзанной и отвратительной, как моя судьба. Я практически не испытывала страха или ужаса перед смертью. Было только очень обидно, что девушка, прошедшая через столько всего в своей жизни, погибнет так... глупо. Я обернулась к живой стене, идущей на меня. И выставила перед собой оружие, готовясь выстрелить в первых смельчаков, которые полезут на меня.

Неожиданно дверь за мной распахнулась, и две сильные руки втащили моё тело во внутрь. Я не могла поверить в чудо своего спасения, пока деревянная преграда снова не захлопнулась перед десятком разъяренных лиц, у которых отобрали их жертву.

– Если хочешь выжить, уходи, – залепетал голос позади меня, – Решётки на окне здесь нет, ты легко справишься со спуском вниз по ливнёвке...

Я наконец обернулась, всё ещё не до конца понимая, что происходит. И тут моё сердце снова упало в пятки...

– Пётр Михайлович? – сначала я хотела броситься на старика и расцеловать, но неожиданно вспомнила про то, что его ищет милиция. И поняла, что он, очевидно, оказался

здесь не по простому стечению обстоятельств. В глаза мне врезался и его странный наряд: тёмная мантия с большим капюшоном. А в его руках была очень древнего вида чёрная книга.

Голову заполнили противоречивые мысли. Пока я обмозговывала различные версии происходящего, главврач что-то отыскал в своём массивном столе и подошел к выходу:

– Уходи, пока не поздно.

– Что вы делаете? – крикнула я, – Вас же разорвут!

Старик поправил книгу в руках и спокойно ответил:

– Меня – нет, – и снова повернулся к выходу.

– Стойте! – я вскинула пистолет. Дождавшись, когда Пётр Михайлович повернётся и увидит оружие, я высказала свою догадку, – Творящееся там, Ваших рук дело?

Он глубоко вздохнул, пытаясь подавить ярость:

– Я спас тебя не для того, чтобы ты наставляла на меня ствол, – прошипел старик, подобно змее.

– Не сотвори Вы этой бойни, никого не пришлось бы спасать, – злобно ответила я, – Сядьте! Меня интересует, что вы сделали с этими душевнобольными людьми и как это остановить.

– Никак, – прошептал Петр Михайлович, опускаясь в кресло напротив своего стола, – этот ритуал невозможно остановить, он так или иначе заберёт причитающееся.

– В чём он заключается? – после увиденного я даже не сомневалась, что в этом всё замешано что-то за гранью ло-

гики и понимания, потому не стала настаивать на том, что это полный бред. Хотя выглядело происходящее так, словно я сама сошла с ума и теперь блуждаю по своим безумным чертогам разума, сидя в одной из палат.

Старик явно не хотел делиться со мной информацией, но, глянув на вороное дуло, начал:

– Это очень древний обряд языческих племён славян. Его исполняли только воистину мощные ведьмы и колдуны. Не каждому он был под силу и дело не только в магических знаниях и опыте, но и моральной подготовке. Ибо не все смогут сделать то, что нужно.

– И что же это? – я слушала его внимательно, но не выпускала из виду его конечностей. Между делом я вспомнила, что неплохо было бы позвонить в милицию и подняла трубку.

– Он не работает. Как и все телефоны в станице. Мне пришлось пробраться на телефонию и отрубить связь, чтобы у меня было время исполнить задуманное.

– Холера! – выругалась я.

– Славяне брали двух избранных, коих указывала сама ведьма...

– Больше похоже на диких бритов или африканские племена, нежели на славян, – сказала я, не понимая.

– Не все язычники на Руси, которой тогда ещё не было, веровали одинаково. У каждого была своя религия, свои боги. Не мешай мне, если ничего в этом не понимаешь, глупая

девчонка!

– Ну уж простите, – с сарказмом ответила я.

Он бросил в мою сторону волчий взгляд, но продолжил:

– Обычно, это были люди, тесно связанные друг с другом.

Такие, как брат и сестра, например. Это считалось большой честью, отправиться к богам таким образом...

– «Да уж хороша честь, кормить червей раньше времени», – подумала я, но старика перебивать не стала.

– Их привязывали к двум деревьям. Первого убивали тут же, проводя вступительные церемонии. Отрезали уши, чтобы земные звуки не мешали ему медленно отправляться к небесам, веки в знак того, что он больше никогда не уснет грязным сном, и губы, чтобы никогда не вкусил греховную пищу. После, его сжигали вместе с деревом. А прах и кости использовали в дальнейших обрядах. Второй человек без еды висел на дереве три дня. Таким образом он очищался и находил общий язык с предками. Воду ему могли подносить специально освещённые люди – присны. Обычно, они были из семьи жертв, но не всегда. Впрочем, в эксперименте, проведённом в девятнадцатом веке, этого не было. Сама ведьма все эти три дня не спала и готовилась к основному действию. В полночь разжигали костры и приносили в жертву второго человека. И ещё от шести до двенадцати рабов, захваченных в многочисленных набегах...

– И зачем всё это? – убивать столько народу ради, возможно, несуществующих божков?

– Они писали на бересте просьбу общины. Как правило, там было что-то вроде, хорошего урожая или ослабления врагов. Но не всегда. И, если в руках ведьмы береста самовоспламенялась в конце ритуала, то боги принимали жертву.

Мне его рассказ всё больше и больше казался сомнительным. И я не совсем понимала, как всё это относится к действительности:

– В вашем рассказе нет обезумевших, убивающих всех подряд психов.

– Их и не должно быть. Когда мальчик отправил на тот свет моих наёмников, он изменил ход ритуала. Как видишь, не в лучшую сторону. Помазанники должны были просто оберегать меня, пока я провожу церемонию, а некоторые – участвовать в ней. И они подчинялись бы мне.

Недавняя вера от увиденного ужаса стала рассеиваться, отдавая главенство скептицизму:

– Вы что, решили повторить какой-то варварский ритуал, убить еще нескольких людей, чтобы восхвалить древних богов и загадать у них желание? Это же безумие!

– В девятнадцатом веке, как я уже говорил, учёный, нашедший книгу, повторил церемонию. И его просьба была услышана. На то указывают факты.

– Почему же вы ещё не совершили это? – спросила я.

– Томов книги два. Один у меня украли. Но только два человека знали о них – Витя, отец Дарьи, и твоя мать. Я искал их долго, даже пошарил в твоих вещах и шмотках твоей по-

други... Но увы. Очевидно, она спрятана где-то в больнице.

– Тогда почему вы не нашли её раньше? Вы же здесь главврач.

– Книжки слышат друг друга. Но эту связь невозможно проследить просто так, без привлечения внимания. Поэтому я сейчас здесь.

– С чего вы взяли, что у вас получится? – сидевший передо мной врач психиатрической больницы и по иронии судьбы сам оказался сумасшедшим.

– Потому что у меня получилось всё тогда, тринадцать лет назад, – тихо прошептал старик.

Я замерла. В глубине своих мыслительных процессов я знала это. Ведь догадалась о сходстве «восстания» психов тогда и сейчас. И доктор не просто так ищет книгу в больнице – месте, где погибли два родителя разных, но таких похожих своими судьбами девушек в одну ночь. Но только теперь осознание всего этого нахлынуло на меня:

– Ты!?! Это ты убил больше полусотни людей в ту ночь? Ты был прав, тот катотоник всего лишь больной человек, потому что именно ты виноват в смерти моей сестры! И моей матери!

Я подняла пистолет. Мои руки тряслись в гневе и захлестнувшим чувстве ярости. Указательный палец медленно начал свой смертоносный путь.

Глаза старика расширились. Он пытался казаться спокойным, но запах его страха заполнил всю комнату. И он залепе-

тал, пытаясь оправдаться, сначала более или менее невозможным голосом, который всё чаще срывался на отчаянный противный визг.

– Этого не должно было случиться... Мне помешали, я потерял сознание, и они... Они вырвались из-под моего контроля. Это просто... Случайность...

– Случайность!? Может, случайность и то, что вы убили восемь человек собственными руками? – сквозь зубы процедила я.

– Я убил лишь одного человека... Он с сестрой были больны фатальной семейной бессонницей и уже находились на поздней стадии истощения. Это довольно редкое заболевание и мне весьма повезло... – он запнулся, взглянув в мои полные ненависти и отвращения глаза, – Их смерть была вопросом времени, и мне удалось за существенную сумму денег выкупить их из больницы. В девяностые это не было особой проблемой. А в роли рабов должны были выступить бомжи, оставшиеся без ничего и морально разложившиеся. Их жизнь стоила цели...

– Какой же? – палец был уже на курке и начал давить на рычажок.

– Моя дочь... У неё обнаружили острый миелоидный лейкоз с метастазами. У неё не было шансов, и она в свои восемь лет... – старик заплакал.

Я замерла. С одной стороны, этот человек причинил много боли и страданий мне и другим людям. И будь его намере-

ния корыстными, я бы не раздумывая спустила курок. Но... Спасти дочь от мучительной смерти в восемь лет этого я никак не ожидала. И опустила пистолет, пытаюсь сообразить, я что же мне делать.

Но старик, был не дурак. Сообразив, что я отвлеклась на свои мысли, он кинулся на меня и больно заехал мне кулаком в челюсть. После чего выхватил пистолет. Падая, я в придачу шмякнулась затылком о пол. И, в который за день раз стала терять сознание.

– Никогда не остановит у меня на пути, глупая девчонка! – ухмыльнулся старик, выходя из кабинета.

* * *

Очнулась я из-за того, что меня кто-то дергал за руку. Я кое-как, с большой неохотой открыла глаза и с ужасом уставилась на представившуюся мне картину.

Миленькая девушка Майя, сидящая передо мной на коленях, была вся перепачкана в крови. В моей крови, потому что она зубами отрывала горячую плоть с моей конечности. И с безумным голодом проглатывала куски, практически не жуя.

Неожиданно, её голова приподнялась. Наши взгляды встретились, и через пару секунд глаза девушки покинули охватывающие их сумерки. Они наполнились смыслом и... страхом. Девушка тут же вскочила и выбежала из кабинета.

– Майя, – тихо прошептала я, но, конечно, никакого ре-

зультата это не возымело. Кое-как поднявшись, я заперла дверь и открыла шкафчик с медикаментами. Латая на себе раны, принялась обдумывать сложившуюся ситуацию.

Телефоны во всей станице не работали, значит, на помощь приходилось не рассчитывать. Однако, для совершения обряда старику нужны были книга, которую он не знал где искать, и мальчик. Если бы я лишила хоть одной части его мозаики, у него бы ничего не получилось, и люди, которых он захватил – шесть человек плохих родителей, в чём я уже не сомневалась, остались бы живы.

С другой стороны, у старика были не только психи-солдаты, но и пистолет Александра. И оставаться здесь было смертельно опасно.

Тем не менее, я вспомнила о топоре, который завхоз забыл на чердаке и решила отправиться хотя бы спасти мальчугана, которого обещала не дать в обиду. План был весьма рискованным, но игра стоила свеч.

Закончив с перевязкой, я закинула в рот пару таблеток обезболивающего и, немного подумав, воспользовалась ключами Николая, вытащив из медицинского сейфа скальпель и морфин. После чего прижалась ухом ко входной двери и, не учуяв каких-то звуков, вышла в коридор, заполненный все тем же чудовищным красным светом.

Времени было в обрез, и я, выставив перед собой скальпель лезвием вниз, словно Майкл Майерс, широкими, но всё же осторожными шагами, отправилась на чердак.

Большую часть помещения, в котором я оказалась, заполнял непроглядный мрак. В центре чердака горела лишь одна красная лампочка, которая больше исполняла функции маяка, нежели прибора освещения, настолько она тускло светила. Так или иначе, я смогла разглядеть цель моего визита – колун, который одиноко стоял, облокотившись о балку. Я немного расслабилась из-за того, что мне по пути сюда никто не попался, а может из-за обезболивающих, которые были не столь сильными, как опиумные препараты, но всё же слегка воздействовали на рассудок. И, как выяснилось, зря.

Я уже была в двух шагах от весомого холодного оружия, как сзади резко раздался чей-то воинственный крик, и на меня обрушилось что-то тяжелое. Упав на живот, я не могла ни увидеть своего противника, ни пырнуть его скальпелем. Вскоре сильные руки незнакомца отобрали у меня единственное оружие и с силой опустили на мою голову что-то тяжёлое.

Находясь в полусознательном состоянии, я ощутила, как моё тело опутывают верёвки. Я оказалась на пыльном деревянном столе, привязанная к нему руками и ногами. Приводя меня в чувство, резко вспыхнул свет прямо перед моими глазами, больно резанувший по сетчатке.

– Мама была права... – раздался голос Игоря, – Моя мама всегда права...

– Игорь? – удивилась я, – Что ты делаешь? Отпусти меня!
– Разве ты не хочешь остаться со мной? Я ведь много луч-

ше всех этих проклятых людишек.

– Игорь, пожалуйста, развяжи меня!

– Не могу... Ты ведь убежишь. А я...

– Игорь, вот-вот погибнут невинные люди. Мы должны их остановить!

– Плевать мне на всех! Этим чертовым унтерменшам так и надо. А мама... Мама была права... Я думал, что ты другая. Что я тебе понравился. Ведь у меня ещё никого не было...

Меня неожиданно бросило в ярость:

– Десятки невинных людей вот-вот умрут, Игорь! Неужели их жизни для тебя значат меньше того, что у тебя нет друзей? Если так, я очень рада, что у тебя ни с кем не случилось! Такие люди, как ты – моральные уроды, считающие себя выше других. Я счастлива, что естественный отбор хотя бы в твоём случае сработал верно. Генетически, это твой тупик, как и твоей самовлюбленной родовой из высшей расы.

Парень опустил глаза:

– Я надеялся, ты другая. Не такая как они. Но мама была права... Моя мама всегда права. В шесть лет она научила меня шить. И тогда я своими руками сделал себе куклу. Её звали Ксюша, и она была моим лучшим и единственным другом... Но её отобрали у меня. Осталось только моё умение шить игрушки...

– Что ты хочешь сделать со мной? – чудовищная догадка посетила мою голову, – Что!?

– Я всего лишь хочу сделать игрушку... – мальчишка

улыбнулся.

Минут десять парень при ярком свете своего тяжёлого фонарика, который он закрепил на балке, готовил свои инструменты для мрачной работы. К этому времени я перестала кричать и биться, поняв, что всё это бесполезно.

– Почему ты не сошёл с ума, как все остальные?

– Потому что я – не все остальные, – ухмыльнулся парень, – Разве эти придурки смогли бы вычислить значение первой космической скорости? Или хотя бы назвать октановое число бензина? Когда ваш дорогой главврач начал обходить ночью палаты и рисовать странной краской на головах остальных непонятные символы, я сразу понял, что намечается что-то злое, грандиозно-чудовищное. Это был мой шанс быть с тобой и, я спрятался от него. Он, конечно, тут же спохватился, меня нашли, но чёрную метку я таки обошёл.

– Ты знал? Знал и ничего не сказал? – удивилась я.

– Как я и сказал, это был мой шанс. Да и даже, если бы я сказал вам об этом, разве мне бы поверили? Я же псих...

Он, наконец, надел перчатки и взял скальпель в руки:

– Не бойся. Я изучал статьи по анатомии человека.

– Можешь свернуть их в трубочку и засунуть себе в задницу! – сквозь зубы прошипела я.

Игорь улыбнулся и приступил к своей страшной работе. Скальпель лёгким движением рассек кожу левого запястья. Руку обожгла боль, и я вновь закричала. Парень действительно резал очень аккуратно, не задев вены. Чему я даже

огорчилась. Лезвие прошло по внутренней стороне ладони. Слабое обезболивающее уже не помогало. Но тут он начал стягивать кожу с ладони.

– А-а-а-а!

Сознание помутилось. Весь мир померк, остались только боль, чудовищная боль в руке, с которой снимали скальп и шприц морфина, лежавший в моём кармане и до которого было не добраться. А ведь это было только начало...

– Пожалуйста, убей меня!

– Убить? Я не могу лишить тебя жизнь. Я просто хочу сделать себе подругу. Мы будем счастливы, как мне того желала мать... Мне жаль, что ты умрёшь при этом.

– Пошёл ты к чёрту, грязный ублюдок!

– Моя подруга никогда не скажет мне такого. Мы с ней будем счастливы...

Кожа на моей руке была наполовину содрана и свисала, словно тряпка, оголяя горячие мышцы, от которых шёл пар.

Смотреть на это было просто невыносимо и я, не выдержав, отвернулась. И даже не удивилась, увидев перед собой свою тётю. Её платье было разорвано, из разбитой головы сочилась кровь и околomозговая жидкость... Она улыбнулась.

– Похоже, скоро мы увидимся, – одними губами прошептала я.

– Бах! – раздалось в углу чердака. Игорь оторвался от моего запястья и, повернувшись к источнику шума, сказал:

– Какого чёрта?

– Бах!

Парень встал со своего стула и направился в угол, выставив перед собой скальпель. В прошлый раз он мне не сильно помог...

– Бабах! – стекло небольшого окошка разбилось, и на Игря накинута тень... Птица?

Парню бы, конечно, она едва ли смогла что-то сделать. Но он, не ожидавший такого нападения, на подсознательном уровне отскочил назад и упал. После чего всё затихло.

Я поняла, что, судя по всему, мой мучитель ударился обо что-то затылком и сейчас находился в отключке. Времени у меня было немного, но что я могла в таком положении?

Покрутив головой, я заметила одинокий осколок стекла, недалеко от стола. Можно было попробовать с помощью массы своего тела раскатать массивную платформу для пыток и опрокинуть набок. И, если бы осколок не сдвинулся от такого падения, я могла бы попробовать дотянуться до него правой рукой и освободить себя. Правда, будь инерция падения слишком высокой, меня просто придавило бы столом к полу, и я оказалась бы в ловушке. Но, выбирать не приходилось.

Вопреки моим ожиданиям, всё прошло даже удачнее задуманного. Когда стол свалился набок, его край перебил верёвку, сдавливающую мою правую руку, и я смогла освободить её из плена. Дотянувшись до стёклышка, я, повозившись, начала сбрасывать оковы со своего тела. Когда я резала последнюю верёвку на ноге, из угла комнаты послышался

шелест. Игорь приходил в себя. И уже через несколько секунд, он, оценив обстановку, кинулся на меня. Я, выпрямившись, резким ударом вонзила осколок в его плечо. Парень заорал от боли, а я, не успев полностью освободиться, всё же дотянулась до заветного топора. Зажмурив глаза, я взмахнула тяжёлым оружием...

Послышался хруст. Я открыла глаза. Игорь стоял передо мной, раскрыв в удивлении свои органы зрения до предела. Его лицу не хватало важной части – нижней челюсти. Там, где должен был быть язык, на пол, словно из брандспойта, была кровь. Парень моргнул и... рухнул лицом вниз, прощаясь со своей никчёмной жизнью.

Наконец, я разрубилa древнюю верёвку и с облегчением вколола себе дозу морфина. Правда, пришлось пустить по венам лишь часть препарата. Во-первых, я боялась передоза, а во-вторых, нужно было сохранить здравый рассудок. Вернув кожу на положенное ей место, я обмотала руку частью своего халата. И, более или менее придя в себя, двинулась к выходу.

Выглянув из-за угла в коридор второго этажа, я с отрадой обнаружила Лизу. Впрочем, радовалась я недолго. Женщина лежала без сознания. А сверху на ней сидела психопатка с маниакально-депрессивным психозом. Сидела и неспеша перерезала своей жертве вены ножичком для овощей, очевидно, унесенным с кухни.

– Отойди от неё, тварь! – я показалась из-за своего укры-

тия с топором наперевес, специально демонстрируя его, чтобы показать, что я сильнее и не стоит даже пытаться нападать на меня или перечить. Впрочем, пациентка, очевидно, даже не собиралась:

– Всё равно мы все умрём, – она словно во сне встала, выронила нож и подошла к стене, впериw в неё пустой взгляд, – Потому что всё всегда кончается плохо.

И на моих очумелых глазах начала с силой биться головой о бетон с ужасным звуком.

– Что ты?.. – хотела было я её остановить, но та уже успела раскроить себе череп и упала на бок перед стеной, покидая этот мир.

Я сглотнула, оглянулась и, наконец, принялась осматривать Лизу. Как смогла перевязала её раны остатками халата. И, с сожалением, оттащила её в пустую комнату мужского карцера, заперев. Едва ли я как-то смогла бы ей помочь в большей степени. Её ранения не были смертельны, и она должна была дотянуть до приезда помощи, которую еще следовало как-то вызвать.

Заглянув, наконец, в изолятор, я с ужасом обнаружила, что он был пуст. Проклятый главврач опередил меня. Впрочем, если учесть, сколько я была наверху, это не было чем-то из ряда вон выходящим или сверхъестественным.

– Проклятие, – всё же выругалась я, ударив в злости колуном открытую тяжёлую дверь.

Однако, из-за раздававшихся то тут, то там воев, криков и

других шумов пациентов, которые в своём большинстве следовали за доктором, а вернее за книгой в его руках, я небезосновательно предположила, что второй том он ещё не успел найти. Вся проблема была только в том, что и я понятия не имела, где её искать.

Неожиданно сердце заполнил необъяснимый страх. Температура в коридоре резко упала на несколько градусов. По спине пробежали мурашки. Очень медленно, словно в ужастике, я повернула голову. И встретилась взглядом с ней...

– Привет, сестра, – голос был очень тихим, будто сплетён из звуков ветерков, проникающих в помещение через раскошшийся и гнилые оконные рамы.

Моё тело обессилело. Выпустив из рук топор, я осела на холодный пол, так как ноги отказались мне служить.

Девушка напротив меня следила за моей реакцией своим единственным глазом. Из-под её разорванного платья на груди и животе выглядывали жёлтые раздробленные рёбра и тёмные внутренние органы.

Призрак или жуткая галлюцинация сделала шаг в моём направлении. Инстинкт самосохранения говорил, нет, требовал убираться отсюда. Чтобы оказаться как можно дальше от всего этого ужаса, происходящего в стенах проклятой больницы. Но моё тело меня не слушалось. Страх заполонил мою душу и парализовал волю, оставив меня один на один с этим кошмаром.

Рука мёртвой сестры медленно поднялась. И, словно в за-

медленной съёмке, опустилась на моё лицо. Ледяным прикосновением прошла по шее и щеке, продвигаясь выше. К глазу девушки...

* * *

... Я сидела перед матерью. Моя коленка оказалась разбита, когда я упала, играя с сестрой. Я плакала, мама успокаивала меня и делала перевязку.

Я хорошо помню этот день. Потому что он был последним счастливым в моей жизни. Но, в отличии от моих воспоминаний, теперь я смотрела на себя со стороны и, кажется, чему-то завидовала. Считала, что происходящее несправедливо, но не могла понять причину. Наконец, я отвернулась и мне на глаза попался плюшевый медведь. Тот самый, из-за которого я никак не могла уснуть этой ночью. Из-за которого я стала причиной смерти своей семьи. Я медленно подошла к нему, склонилась.

Схватив Потапыча, я незаметно проскользнула в небольшую каморку уборщицы, которая в настоящие дни почему-то отсутствовала. И со злостью закинула игрушку в самый дальний угол, за дряхлые деревянные полки, заваленные различным инвентарем и прочим мусором.

А затем со злой ухмылкой испорченного ребенка вновь посмотрела на себя...

* * *

... Я резко вскочила на ноги, всё ещё пребывая в полусознательном состоянии. Но уже схватила топор, готовясь нанести удар. В голове всё смешалось. Я встряхнула ею, окунаясь мыслями в действительность. Мертвой сестры нигде не было. С ужасом я потянулась к глазу, но он оказался на месте.

Что же это было? Бредовая галлюцинация, вызванная передозировкой анальгетиков или нечто большее, некая связь с загробным миром? Что же тогда хотела сказать мне сестра?

Главврач наверняка обыскал все помещения, к которым имелся открытый доступ за долгие тринадцать лет. Плюс те несколько часов, что он находится здесь со своим «компасом» – вторым томиком.

Тут я осознала, что сестра не просто так указала мне потайную комнатку, оказавшуюся, очевидно, замурованной рабочими при проведении ремонта. Сам Пётр Михайлович, похоже, не знал о ней, потому что стал руководить больницей лишь за несколько месяцев до того, как его дочь заболела, о чём он сам упомянул на днях.

У меня появилось чувство, что в той каморке до сих пор лежит не только мой плюшевый друг. Это шло в разрез логике и здравому смыслу, которыми я так гордилась. Но почти всё, что произошло сегодня не вязалось с этими двумя определениями.

Я начала спускаться по лестнице на первый этаж. На пролёте мне попался мужчина, сидевший на голом камне пола

и плачущий в ладони. Весьма странная картина, если забыть события сегодняшнего дня.

– Вам помочь? – настороженно прошептала я, подойдя к нему поближе. Он поднял на меня чёрные, как смоль глаза, я отшатнулась. Мужчина тут же вернул руки на место, и словно ребёнок заревел вновь. Я немного постояла, но ничего не смогла придумать лучше, как просто пройти мимо.

Но, только я повернулась к нему спиной, пациент кинулся на меня. В его руках вмиг казался невесть откуда взявшийся гвоздь, который через секунду воткнулся мне в плечо. Я закричала, скорее от неожиданности, чем от боли. И, развернувшись, мощным ударом ноги впечатала психопата в стену. Тот оказался весьма настойчивым и снова кинулся на меня.

– Вжух! – тяжёлый колун рассек воздух, словно создавая музыку, симфонию смерти. Топор легко вошел в череп, буквально расколов его на две части, будто кухонный нож разрезал торт. Тело оказалось на земле, и я, вытянув из себя гвоздь, со странным чувством извлекла из него топор, который оказался весь в крови, волосах и мозгах. Через мгновение я поняла, что ощутила и ужаснулась...

Мне понравилось. Убивать людей было не сложнее, чем рубить дрова или готовить отбивную. Это чувство захватывало, уводило. Хотелось насладиться им вновь...

В изумлении и испуге из-за охвативших меня эмоций, я выронила топор, который жалобно зазвенел о пол. Но потом вспомнила, что он мне всё ещё нужен и в отвращении и стра-

хе подняла оружие убийства.

Пребывая в таком состоянии, я таки добралась до того места, где должна была быть та комнатка. По пути я даже не смотрела по сторонам, будто надеясь, что кто-то, наконец, оборвет мои мучения. Но, к счастью или, к сожалению, никого не было.

Строители не стали сильно заморачиваться и просто заколотили дверь в подсобку, а сверху замазали штукатуркой. Поэтому вход был заметен только тем, кто знал, что он там есть. Обухом топора я быстро избавилась от верхнего строительного слоя, а другая сторона колуна быстро открыла мне путь в прошлое, из которого пахло пылью и гарью.

Мне пришлось пробежаться до поста медсестры, чтобы захватить фонарь, поскольку аварийный свет практически не проникал в маленькую комнатку. Более или менее яркий луч аккумуляторного источника вырвал из темноты закопченное давним пожаром помещение. Там, где раньше стояли полки, лежали лишь разложившийся угли. Увидев эту картину, я разочаровалась: едва ли что-то смогло бы уцелеть после такого пожарища. Но всё же прошла в дальний угол и, недолго покопавшись в куче пепла, с удивлением наткнулась на какой-то плоский предмет. Вытащила его из сажи и поняла, что у меня в руках оказалась та самая чудовищная книга, которую сейчас ищет доктор. От неё буквально веяло каким-то могильным холодом и необъяснимым чувством страха. Но, несмотря на свои неприятные ощущения, я сунула её в под-

мышку и собиралась уже ретироваться, как вдруг мой взгляд упал на то место, где минуту назад лежал чёрный томик. Я протянула руку и из пепла, словно из могилы времени, извлекла плюшевого медведя.

– Потапыч... – в горле у меня пересохло. Колени снова подкосились, но я устояла на ногах. Из глаз покатались слезы воспоминаний.

– Прости... меня... – прошелестел ветер едва уловимо.

– И ты меня, сестрёнка, – обняв грязного и обугленного медведя, прошептала я, возвращаясь в беззаботное прошлое.

Звук приближающихся шагов жестоко выдернул меня в реальность. Людей было не меньше десятка, и они двигались сюда. Я с большим трудом заставила себя опустить на пол игрушку и снова взяться за топор. Нужно было выбирать.

Но мои планы оборвал мощный удар рукояткой пистолета в висок, когда я только вышла из комнатки, готовясь к бою. Моё тело рухнуло вниз. Разные глаза, вопреки моей воле начали закрываться...

– Я же говорил тебе, проваливай домой, глупая девчонка, – словно оправдываясь перед собой воскликнул старик. А потом просто отнял у меня книгу и направился к выходу...

* * *

По всему коридору, если не по всей больнице, раздавался плач. Я, словно пьяная, встала и пошла на источник звука.

Главная битва моей жизни уже была проиграна, и мне стало на всё плевать. Я, как ни пыталась, не смогла сдержать своего слова и спасти мальчика. Как не смогла и предотвратить повторение ужасной ночи и многочисленные бессмысленные смерти.

Проходя мимо карцера, я заметила, что его дверь была нараспашку открыта. Очевидно, доктор пустился во все тяжкие, освободив даже Софию. Он окончательно спятил, и остановить его было некому.

Всхлипы раздавались из туалета. Но, заглянув в каждый угол я с удивлением осознала, что плач раздавался из... зеркала! Я подошла к нему ближе. В серебристом полотне, у стены сидела Танечка, закрыв лицо руками. В голову тут же пришли детали нашей прошлой встречи и её хищный взгляд, упирающийся в мою шею. И я застыла, не зная, что предпринять.

Неожиданно девочка, будто почуяв моё присутствие, подняла свои большие глаза и подскочила к зеркалу:

– Анна! Акшунна! Отэ я! Игомоп!

Я начала соображать, что происходит. И, показав девочке указательный палец, мол, одну секунду, сказала:

– Йотс.

Быстро сбегала за бумагой и ручкой. Здравый смысл, который сегодня был буквально унижен и раздавлен, подсказывал, что девочка, запертая в зеркале лишь иллюзия травмированного мозга и, когда я вернусь в уборную, она исчезнет.

Но этого не случилось. Меня встретили умоляющие широко распахнутые глазки девчонки.

Я нацарапала на бумаге вопрос и, перевернув листок, обвела контуры букв. Получилось зеркальное отражение предложения. Ну а минус на минус...

– Что случилось? – гласила записка.

Девочка пару раз моргнула, вникая в происходящее и, наконец, поняв, достала из кармана красный фломастер. В отличие от моих записок, строки девушки, написанные на самом зеркале, были отражены. Но всё же понять их смысл было не так уж сложно:

– Моё отражение. Я спряталась от него под кроватью, но оно меня нашло. И заставило поменяться с ним местами. Я боюсь, что другая я сделает кому-то плохо. Особенно моей маме.

– Она сегодня работает?

Из глаз девушки покатались слёзы. Она кивнула.

– Её зовут Елизавета?

Девочка оживленно покачала головой, смотря на меня с надеждой.

– Она в безопасном месте. С ней всё хорошо.

Таня облегчённо вздохнула, поверив мне.

– Держись и ты. Мы придумаем, как тебя оттуда вытащить, – девушка улыбнулась. А я задумалась. Ибо понятия не имела, что делать.

– Ты сказала, что тебя поймали в палате? Но как ты ока-

залась здесь?

– Здесь тоже можно передвигаться, почти, как обычном мире. Но можно и быстрее, если очень захотеть отправиться куда-то. Ища маму, я пару раз оказывалась дома.

– Ты не могла бы мне помочь, пока я думаю, как тебя вызвать? Доктор хочет убить одного мальчика. И мы – все, кто могут ему помочь.

Таня кивнула:

– Что нужно сделать?

– Ты можешь узнать, где он?

Девушка кинула и ... исчезла. За весь день я видела всякое, но каждый раз не верила своим глазам. К таким «магическим трюкам» невозможно было привыкнуть.

Я присела в угол комнатки и, осматривая свои многочисленные раны, принялась включать соображалку. Было очевидно, что, чтобы поменять местами Таню и её отражение, нужно было каким-то образом заманить последнюю в зеркало. В прошлый раз, когда я выстрелила в духа Зазеркалья, он появлялся именно оттуда. Возможно, если...

– Анна! – Таня в нетерпении постучала по стеклу, отрывая меня от мыслей.

– Так быстро? – нацарапала я в удивлении.

Девушка кивнула:

– Они в заброшенной школе. Доктор собирается сделать что-то страшное.

– Хорошо, молодец. Теперь, что касается тебя. Я попро-

бую заманить твоё отражение в зеркало...

Таня нервно прикусила нижнюю губу.

– А ты должна в это время отыскать её в Зазеркалье и выйти вместо неё. Понимаешь?

Девушка задумчиво кивнула.

– Ты должна быть сильной, чтобы сделать это, потому что призрак будет сопротивляться. Будь сильной ради своей матери.

Написав эти строки, я подняла глаза к Тане, но она не смотрела на меня, повернув голову куда-то вправо. То есть влево.

– Ашатан? Ашатан, отэ ыт?

Девушка сделала шаг в ту сторону.

– Нет! – тут же догадалась обо всём я, – Стой! Это ловушка!

Но Таня меня не услышала. Вернее, может и услышала, но ничего не поняла. И, не обращая на меня внимания, сделала еще шаг, исчезая из виду.

– Таня! Янат! – кричала и кричала я, но... Всё было бесполезно. И в бессилии и отчаянии я рухнула перед зеркалом на колени. По щеке прокатилась горькая слеза. Вот и ещё одна душа, которой я не смогла помочь. Будь я умнее, будь я не столь зациклена на своих планах, она бы осталась жива...

Но мысль о мальчишке, которому я всё ещё могла помочь, позволила мне вернуть самообладание и как-никак взять себя в руки. И топор.

С твердым намерением закончить эту чудовищную историю, я двинулась по опустевшему коридору. Впрочем, я уже через мгновение я поняла, что он не был таким уж безлюдным. Хотя, вопрос это спорный.

Передо мной возникла Таня. Точнее её ужасающее отражение. Снова с осколком в руке, по которому сочилась свежая кровь. Скорее от неожиданности, чем из-за воинственного настроения, я опустила на неё тяжёлое оружие.

Колун рассек воздух и едва не попал мне по ноге. Девушка, как и в прошлый раз, исчезла. Я посмотрела на зеркало, что висело у поста медсестры. На этот раз дух появился из него намного быстрее. Отколов от серебристой поверхности частичку, но оставив при этом всю остальную гладь даже без трещинки, дух направился в мою сторону. Я поняла, что нахожусь в ловушке. Единственный путь спасения перекрывало высокое, с человеческий рост зеркало.

Призрак Зазеркалья, словно прочитав мои мысли, ухмыльнулся и двинулся на меня. Я же приготовилась к... смерти.

Всё с самого начала было бессмысленно. Все мои старания и мучения – всё зря. Я опустила топор, признавая поражение. Конечно, можно было убежать и спрятаться, но я была уверена, что это лишь ненадолго отсрочит мою судьбу. Можно было попробовать скрыться в восточном крыле, но и там всё было плотно заколочено на случай побега пациентов. И даже с таким тяжелым инструментом не пона-

добилось бы время, чтобы выбраться, за которое бесплотное существо непременно настигло бы меня. Можно было попробовать проскочить мимо отражения, но было бы глупо предположить, что оно не учится на собственных ошибках. А учитывая, сколько у неё было попыток, мне конец.

Девушка решила насладиться своей победой. Она подошла ко мне вплотную и, дохнув мне в лицо смрадом, ухмыльнулась. Подняла осколок стекла над головой, метя в моё горло...

Вдруг по стёклышку заехал деревянный брусок. Оно дзынькнуло, расколовшись, и осколки посыпались на пол, в свою очередь тоже разбиваясь. Не ожидавшая такого поворота, я упала на спину. Призрак Зазеркалья зашипел, словно кошка, и... присел, шаря по полу, словно пытаюсь собрать осколки.

Когда я перевела взгляд на своего неожиданного ангела-хранителя, я с изумлением узнала в нём Дашу. Она молча подала мне руку, помогая подняться. На звук обернулась Таня. Вернее её отражение. Оно резко прыгнуло в то место, где я была секунду назад и ударилась в стену. Я тут же поняла, что теперь, без осколка стекла, дух Зазеркалья ослеп. Знаками объяснила свою догадку подруге, и мы, воспользовавшись сложившимся положением, тихо направились к выходу. Лишь когда мы проходили мимо зеркала, призрак понял свою ошибку и тут же принялся материализоваться из серебристой глади.

– Бежим! – крикнула я.

Отражению не хватило буквально нескольких секунд, чтобы достать нас. Но мы успели закрыть перед её носом металлическую дверь.

– Откуда ты узнала, что нужно бить по стеклу? – спросила я, когда мы оказались в относительной безопасности.

– Ниоткуда. Это просто случайность, – ответила девушка.

Мы отдышались.

– Что ты здесь делаешь? – глупый, конечно, вопрос, который я всё же задала своей спасительнице, – У тебя же выходной.

– Твоя смена закончилась пару часов назад. Но тебя всё не было. Я начала волноваться, что что-то случилось и решила прийти сюда. А потом увидела эти тела и хотела позвонить...

– Телефоны не работают по всей станице.

– Почему?

– Наш главврач постарался. Он не то сатанист, не то язычник. И хочет повторить какой-то чудовищный ритуал, принеся в жертву нескольких людей...

– Что ты такое говоришь? – конечно, она мне не поверила, – Ты ударила головой? О Боже, что с твоей рукой?

Я убрала её с виду за спину:

– Головой-то я ударила и не раз. Но это не имеет никакого отношения к происходящему. Пожалуйста, Даша, нет времени тебе всё это объяснять и доказывать. Просто поверь мне.

Она нервно сглотнула, набрала полную грудь воздуха, собираясь с силами и мыслями, и решительным тоном спросила:

– Что мне делать?

– Ты знаешь, где здесь заброшенная школа?

– Да, конечно. А что?

– Она далеко?

– В паре километров отсюда. Нужно ехать прямо по этой улице, – она указала пальчиком направление, – Пока не упрёшься. Правда там дорога совсем плохая, её ведь никто не ремонтировал уже сколько...

– А коммутатор?

– Это направо. Метров пятьсот – шестьсот. Я раньше работала там, когда училась. Ну, не то, чтобы работала...

– Прости, что перебиваю, но у нас нет сейчас времени на истории.

Девушка понимающе кивнула.

– Беги на коммутатор и вызови помощь. Там в здании Лиза в мужском изоляторе, ей срочно нужна скорая.

– А ты?

– Мне нужно остановить безумного доктора.

– Я с тобой, – вызвалась девушка.

– Послушай, Дашка. Тем людям и мне нужна помощь.

Кроме тебя её некому вызвать.

Она печально кивнула. Обняла меня так, словно я отправлялась на войну и чмокнула в щёчку:

– Береги себя, – и в следующий миг её милая фигурка растворилась в опустившемся мраке ночи.

– И ты себя... – тихо сорвалось с моих губ ей вслед.

* * *

На счету была каждая минута. Поэтому мне пришла в голову мысль нагнать время с помощью старенького железного коня. Почему-то я была почти уверена, что он не подведет меня в такой судьбоносный момент, не может же мне не везти всё время. Хотя это было, конечно, очень глупо.

Тем не менее, вопреки моим циничным предположениям, долго возиться с немецкой машинкой мне не пришлось. Он действительно словно проникся важностью момента и завёлся почти сразу. Я залила остатки бензина, находящегося в гараже. И тут мой взор устремился в угол. Я зачем-то тащила на себе колун от самой больницы, который сейчас лежал в люльке R12. Но...

– «Если роцца велика – вам поможет бензопила» – почему-то пронеслось у меня в голове. Немного подумав, я всё же закинула и старую массивную «Дружбу» на пассажирское сиденье.

Я начала медленно выезжать на добром немце. Но, откуда ни возьмись, мне навстречу вылетела тяжёлая деревянная дубина. Одним ударом в грудь меня смело мотоцикла, который прокатился ещё несколько метров без своей хозяйки, пока не врезался в электрический столб.

Я, закашлявшись и схватившись за грудь, начала было подниматься, но новый удар ноги в лицо, оборвал мои планы.

– Привет, красавица, – голос был так заезжен в моих снах, что не вызывал у меня чувство сомнения. Только дикий животный страх. Но я не собиралась сдаваться сейчас. Только не ему.

Схватив заржавевшую отвёртку, которая почему-то торчала из забора, забытая людьмишками, я сделала резкий кувырок, посчитав своими позвонками камешки на дорожке. А потом вонзила грязный инструмент под колено убийцы, который тут же сложился пополам, зарывав от боли. Не теряя ни мгновения, я взяла подвернувшийся под руку тяжеленный камень и замахнулась, чтобы, наконец, покончить с этим исчадием ада и отомстить за свою сестру и украденное детство. Но не успела...

Маньяк со звериной силой зарядил мне кулаком под дых. Я выронила орудие своей несостоявшейся мести и снова оказалась на земле.

– А ты всё такая же прыткая, – усмехнулся старик, с рёвом вытаскивая из своей ноги отвёртку.

Я зачем-то перевернулась на живот и медленно поползла в сторону улицы. словно это могло меня спасти.

– Я думал, что прикончил тебя тогда, – удар в живот. Я зажмурилась. Морфин медленно переставал действовать. Нужно было вколоть побольше.

– Помогите! – закричала я, увидев ... людей! Это были тётя Глаша и завхоз, – Спасите!

– Кричи, кричи, – с ухмылкой прошептал мне на ухо убийца, – Я люблю, когда кричат.

Но пожилая семейная пара просто развернулась и неспеша пошла в дом. У меня было чувство, что это невозможно, что старик сейчас схватит старенькое охотничье ружьё и придёт-таки мне на помощь. Но эта иллюзия быстро таяла и совсем исчезла, когда они захлопнули за собой дверь.

– «Теперь ясно, что значит их «мы не лезем на рожон», – пронеслась у меня в голове горькая мысль, – «Моя хата с краю». Проклятые одиноличники! Чтоб вас!...»

Маньяк перевернул меня на спину и сел на моё трепыхающееся тело сверху. И вытащив из-за пояса большой кухонный нож, начал наваливаться на меня, устремив остриё клинка в сердце.

Я подняла руки и изо всех сил стала сопротивляться. Но они были не равны. Сантиметр за сантиметром нож медленно приближался к моему пока ещё горячему телу. И вот остриё вонзилось в плоть, прокладывая себе путь к жизненно важному органу.

– Я прикончил твою сестру, настала и твоя очередь, – прошипел фальшивый кататоник. Нож погружался все глубже, вызывая не столько боли, сколько ужаса. Ужаса, что всё кончится здесь и сейчас. Вот так.

Пока я прощалась с жизнью, убийца неожиданно замер,

не дойдя считанных микрометров до живого, отчаянно бьющегося сердечка. Я набралась смелости и посмотрела в лицо маньяка. А затем проследила за его взглядом.

На дороге, в свете фары упершегося мотоцикла стояла девушка. В красном, пропитанном кровью платье, порванном во многих местах, откуда выпирали разбитые кости и органы. Она уставилась на своего мучителя единственным глазом, словно Циклоп. И улыбнулась. Настолько зловеще, что у меня буквально застыло всё тело.

– Как?.. – только и успел недоумённо прошептать убийца. Миг, и его смело с меня чудовищным порывом ветра. Он резко поднялся, а затем снова упал на колени. Его руки, по мрачному медленно, дрожа от сильного напряжения начали подниматься. Наконец, они добрались до глаз:

– Нет! – вскрикнул старик, своими же руками выдавливая из глазниц органы зрения, остатки которых вскоре начали стекать по пальцам, смешиваясь с кровью. Потом он как-то слишком спокойно поднялся и прошёл к гаражу. Удивительно легко для слепого нашёл какую-то банку и... Принялся пить отработанное масло, которое стекало по его лицу, руке и телу. А затем вылил остатки себе на голову. Тут же схватил коробок спичек и, как-то по-заговорщицки улыбнувшись мне, поджёг себя. Несколько секунд убийца просто стоял, пустыми глазницами глядя, как его охватывают языки пламени. А затем, когда он буквально превратил себя в факел, истошно заорал и принялся бегать по всему двору. Упал

и, пытаясь погасить пламя, принялся кататься по земле. Но уже через минуту затих, потрескивая, словно полено.

– Спасибо, сестра, – прошептала я, вставая. Достала из люльки мотоцикла какую-то старую простынь и перевязала её чистой частью себе грудь. А затем села за руль...

* * *

Тучи низко свесились с неба и, пролетая над землёй, едва не задевали макушки высоких отдельно стоящих акаций, тополей, редких дубов, шелковиц и расстелившихся у русла реки ивушек. Накрапывал противный холодный дождик, который, наряду со встречным ледяным ветром, пробирал до костей. Вокруг, за деревней, практически ничего не было видно, лишь держащаяся аккумуляторная фара выхватывала из стоящего стеной мрака небольшую часть действительности.

Снег от плюсовой температуры начал стремительно таять и вместе с осадками превращал плодородный чернозем в большую топь. И, если по грунтовке мотоцикл хоть и нехотя, но плёлся вперёд, то по окончательно раскисшей неухоженной дороге он едва полз. Тягучая и липкая, словно тесто, грязь приклеивалась к покрывкам в таком количестве, что переднее крыло едва счищала её. И мне всё время приходилось слезать с сиденья и подручными средствами убирать ненавистную грязь с бедного немца, который, наверное, ещё помнил такие же дороги, а вернее направления осени сорок

первого.

– «Глупые русские, – мыслил мотоцикл, – Столько лет прошло, а у них в стране ничего не изменилось.»

Так или иначе, с горем пополам, я всё же добралась до злосчастной школы. R12, довольно заурчав, выбрался из трясины на раздолбанный древний асфальт, который опоясывал почти всю территорию заброшенного учебного заведения. Неподалеку виднелся внедорожник доктора. А на втором этаже я заметила свечение, льющееся из окон, и поняла, что приехала куда надо.

– Уугуу! – ухнул сидевший на самой верхушке школы филин.

Но, пока я рассматривала здание, пытаюсь отыскать вход, на свет от мотоцикла стали сбегаться сумасшедшие. Я знала, что этого мне не миновать и, спрыгнув, достала из люльки своё супероружие.

Бензопила, радостная от подвернувшейся шабашки, завелась с пол оборота, сотрясая тишину вечера биением стального сердца. Я подняла пилу... и опустила.

В голову пришло воспоминание, когда я топором раздробила психу черепушку. И ощущения после. Мне стало безумно страшно, и я поняла, что должен быть другой путь. Без насилия. Во всяком случае, не в таком количестве. Конечно, это было очень глупо. Но я не могла по-другому.

Разочарованная бензопила полетела тяжёлым корпусом в одного из ближайших противников, который, упав, повалил

с собой ещё несколько психов из авангарда. А я сиганула обратно на тёплую сидушку BMW и до упора крутанула ручку газа. Мотоцикл взревел и понёсся с приличной скоростью, отрываясь от погони.

Я успела сделать полукруг, тщетно пытаюсь найти вход в здание, когда в бензобаке кончилось топливо, и мотоцикл так-таки заглох. Я, лихорадочно соображая, что делать, не смогла придумать ничего лучше, как взять колун и залезть на орех. Послышались крики и возгласы – погоня приближалась.

Но, кряхтя и пыхтя, я успела забраться с ветки дерева на крышу пристройки. Большинство психов осталось внизу, скопившись у стены, словно зомби. Только три человека поползли за мной по стволу. Двое из них всё-таки свалились, но одна забравшаяся женщина – София, у которой похоже всё также ползали плотоядные черви, упорно пёрла вперёд, вперив в меня свои осатанелые глаза.

Я поняла, что времени у меня не очень-то много. Прыгать вниз было безумием – меня тут же растерзали бы, будто стая хищников антилопу. Но и идти вперёд оказалось не просто: часть пристройки рухнула, не выдержав испытания временем, и лишь одна стена ещё стояла. Однако, мне ничего больше не оставалось. С замиранием сердца, я, заткнув тяжёлый топор за поясной ремень, стала пересекать препятствие.

Высота тут, конечно, была небольшая. Но валяющийся внизу в достатке строительный мусор мог сильно осложнить существование, если не лишит жизни. Впрочем, проверять

и прыгать на арматуры и обломки кирпичей не хотелось.

Я, словно Лара Крофт, отважно двигалась вперёд. Тем не менее, радости от такого спонтанного кослея у меня совершенно не было: одно неверное движение и несостоявшаяся Расхитительница заброшенных школ будет промышлять на том свете. Поэтому двигалась я максимально осторожно. Лишь, когда погоня начала меня настигать – безумная женщина ступила на скользкую дорожку, протягивая ко мне руки, которые были в крови и личинках, мне пришлось поспешить.

Неожиданно налетевший поток ветра едва не сдул меня вниз, словно жалкого муравья. При падении, я вскинула обе руки вверх, пытаясь зацепиться хоть за что-нибудь. Поврежденная конечность тут же соскользнула, захватив с собой раздробленные остатки кирпича. И только чудом удержавшаяся правая рука уберегла меня от падения.

Женщине, которая преследовала меня, повезло меньше. Её ещё живое тело оказалось насажено на ржавую железяку в районе живота, словно чудовищный кусок шашлыка на шампур. Упавшая на спину пациентка, в недоумении переводила взгляд с меня на арматуру. Круглые белые черви, ползающие по её телу, затрепыхались, будто чуя близкий конец их хозяйки. Но я ничем не могла ей помочь.

Наконец, после утомительного и экстремального упражнения я оказалась на другой стороне этой пропасти. Долго искать вход в школу не пришлось, и я, моля Бога, дабы не

опоздать, тихой рысью побежала на звуки бормотания – очевидно, доктор читал свои гнусные заклинания.

Изнутри школа выглядела не лучше, чем снаружи. Местами разбитые окна впускали гуляющие ледяные сквозняки. Посыпавшаяся штукатурка с нанесённой на неё ставшей серой от времени побелкой, изредка краской, обнажили плесневелый разлагающийся бетон. В гниющих дранках паркета копошились личинки и жуки. С каждым сделанным шагом у меня усиливалось впечатление того, что я оказалась в каком-то мёртвом городе, похожем на Припять.

Всё же дойдя до актового зала, в котором происходило чудовищное действие, я отбросила глупые мысли и сконцентрировалась на главном. Тихонечко подергав облезлую дверь, я убедилась, что она заперта, вернее, скорее всего, просто чем-то подпёрта. Прикинув глазом к дверному замку, я смогла рассмотреть множество интересных деталей.

Мальчик, привязанный к доскам полуразобранной сцены, стоял перед безумным доктором, который, как я и полагала, читал заклинание. Вокруг него, образуя треугольник, стояло всего трое сумасшедших, среди которых я узнала Анастасию, очевидно своим присутствием участвующих в церемонии. На древних скамейках, связанные, в какой-то полудрёме сидело шесть пленных человек, которым предстояло вскоре умереть. Позади их всех на небольшом стульчике лежал первый томик чёрной библиотеки, который уже стал ненужным. На полу под табуреткой виднелось что-то вро-

де пентаграммы, которая загадочными узорами соединялась с другими многочисленными символами, расстелившимися по всему актовому залу. Ритуал явно двигался к финалу.

Но была среди всего этого и хорошая новость. Напротив меня находилась небольшая дверь запасного выхода. Она была слегка приоткрыта, похоже доктор даже не предположил, что через неё может кто-то ворваться. Это был мой шанс использовать против него внезапность на всю катушку.

Завернув за угол, я поняла причину беспечности главврача. Впрочем, заколоченная старыми досками дверь для меня и моего отвратительного друга не была препятствием. Тихо поддев мокрые доски топором, на котором всё ещё пребывала кровь, я без особенных проблем проникла в тыл ничего не подозревающему противнику.

Оказавшись у цели, я очень медленно, боясь, что старые навесы вот-вот скрипнут, начала открывать дверь, одновременно с этим, следя за происходящим и продумывая план действий.

В древнем актовом зале, казалось, всё замело. Доктор размеренно нашёптывал старославянские магические слова. Психи рядом с ним замерли, словно боясь пошевелиться и вызвать гнев ветхозаветных богов. Даже пыль, в большом количестве находящаяся на полу, стенах и в воздухе помещения прекратила своё бесцельное движение и повисла на одном месте.

Достаточно приоткрыв дверь, я снова стянула со своих ле-

дяных ног, захваченные из дома ботинки. У меня была всего одна попытка сделать всё, как надо, в противном случае мальчик, незадачливые родители и, скорее всего я, были бы мертвы.

До томика я доползла на четвереньках, действуя при этом настолько бесшумно, что даже пленники, которые сидели к нему ближе всего, ничего не заподозрили. Впрочем, вполне возможно, доктор их просто накачал транквилизатором. Заткнув чудовищную книгу за пояс, я, потратив массу времени и нервов, добралась до похищенных. В один момент мне показалось, что сектант таки заметил моё присутствие. Когда доктор встал и повернулся ко мне, я с бешено стучащим сердцем, упала в гнилую нишу пола, уткнувшись лицом в копошащихся жуков, потревоженных мной. Один из них весьма целеустремлённо направился к моему уху, намереваясь забраться в тёплые недра моей головы. Мне пришлось стиснуть кулаки и зубы, чтобы продолжать лежать без каких-либо действий. В самый последний момент насекомое повернуло от ушной раковины и поползло по волосам на макушку. Когда я осмелела и всё-таки подняла из грязной ямы свою мордашку, с облегчением убедилась, что доктор продолжил свои молитвы и принялся совершать какие-то манипуляции, сидя ко мне спиной.

Я подползла к крайней женщине и, резко прикрыв ей рот и нос ладошкой, шепнула на ухо:

– Тише, если он нас заметит, нам конец. Я освобожу тебя,

а ты, когда начнётся драка, развяжи остальных. Поняла?

Женщина пару раз моргнула, сглотнула, а потом закивала. Мужчина справа от неё тоже заметил моё присутствие, но, должна отдать ему должное, виду не подал.

Однако, как только я развязала верёвки на руках женщины, та удивила меня. Вопреки моим указаниям, она резко вскочила и, сломя голову, шатаясь словно пьяная, понеслась к выходу, спасая свою жалкую шкуру, едва при этом держась на ногах.

Естественно, этого не мог не заметить доктор. Он сначала недоуменно посмотрел вслед уносящей ноги трусливой особи, а затем перевел взгляд на меня.

Наши взгляды встретились. И из-под чёрного плаща доктора сверкнул пистолет.

Я не успевала ни отпрыгнуть в сторону, ни, тем более, подскочить к нему, чтобы выбить из рук оружие. Мой безумный и сложный план рухнул из-за фактора, которого я даже не принимала в расчёт. Меня воспитывали так, что нужно было помогать другим людям, нуждающимся в этом. И от них неосознанно ждала того же. Когда это добро и альтруизм превратились в недостатки в этом глупом, не раз перевернутом вверх ногами, мире?

Всё это пронеслось у меня в голове, пока тёмное дуло смерти поднималось, метя в центр моих, ставших бесполезными, мыслей. Параллельно этому, в отчаянии, из уже мёртвых рук вылетел тяжёлый колун. Я знала, что с вероятностью

в девяносто девять процентов промахнусь и моё последнее действие не будет иметь никакого смысла.

– Но я хотя бы попытаюсь, – успокоила я себя, когда раздался выстрел...

Девятимиллиметровая пуля зажужжала где-то рядом и в следующий миг впиалась мне в лицо, с силой опрокинув меня на пол. Кончающееся действие мощного анальгетика не справилось с этим, и боль обожгла щеку, проникая в каждую клеточку моего тела. Я закричала. А кровь хлынула из раны, заливая столь тщательно выведенные на полу символы.

Через пару мгновений я всё-таки смогла прийти в себя и, с удивлением, поняла, что не умерла. Пуля прошла по касательной, лишь в некоторой степени задев скуловую кость и вырвав часть ушной раковины. Но я была жива!

Со стонами я поднялась, из-за шока забыв, что передо мной только что стоял вооруженный старик. Впрочем, сейчас он валялся на земле, схватившись за нос, в который, похоже, прилетел мой топор. Хоть и ручкой. Но этого хватило, чтобы на время обездвигить безумного старика и выбить у него из сухих рук оружие.

Когда доктор увидел поднявшуюся меня, он отнял руки от своего расквашенного носа и пополз на четвереньках к валявшемуся в нескольких метрах пистолету. Но я не собиралась давать ему снова завладеть им. Я разбежалась, но из-за резкого приступа сильного головокружения снова опрокинулась на землю.

Старик всё-таки дополз до огнестрельного оружия и вскоре навис надо мной, одной рукой придерживая разбитый нос, из которого текла кровь, заливая грязный пол. Дуло пистолета упёрлось мне в лицо. И на этот раз старик точно не промахнет...

– Это ты её убил? – тихо прошептала я, – Это ты убил мою мать?

– Я бы этого никогда не сделал... Я любил её...

– И всё же она погибла из-за тебя...

Доктор неожиданно расплакался:

– Ты ничего не знаешь!.. – он присел на краешек полуогнившего стула; тот отчаянно заскрипел, – В детстве мы с твоей мамой и отцом твоей подруги Даши, его звали Витей, состояли в секретном ордене дружбы, – старик улыбнулся своим воспоминаниям, обнажив окровавленные зубы и дёсны, – Мы с другом оба были влюблены в твою маму, но сильно удивились, когда она выбрала твоего отца, который даже не был членом общества. Потом мы как-то смирились, выросли, сами женились... Когда Советский Союз развалился, Витя потерял свою работу, мы вместе поддерживали его, как могли, но он отчаянно спивался. Как оказалось потом, это было не только из-за разрухи, вызванной сменой власти и отсутствием любимого дела, которое кормило семью. Всё дело было в этих книжках... Однажды я пришёл к нему с предложением избавиться от них и, наконец, привести свою жизнь в порядок. Ради жены и дочери. Но он не захотел меня даже

слушать. С каждым днём древняя магия книг захватывала его всё больше. В конце концов, он стал ими одержим. Пару раз, когда мы приходили с твоей матерью его проведать, он по пьяни проболтался о чудовищных ритуалах, с помощью которых можно было буквально всё. Описание этих церемоний и хранились в этих книгах. Тогда он сказал, что ни один смертный не должен владеть этими тайными знаниями. Потому что они буквально за секунду могли ввергнуть всё человечество в геенну огненную. Конечно, тогда мы ему не поверили...

Я оглянулась. Мальчик смотрел пустыми глазами куда-то в стену. Пленные немного оживились – действие препарата проходило. Но всё же верёвки на их запястьях были крепки.

– Мир перевернулся для меня, когда мы с женой узнали диагноз дочери. ОМЛ. Я неделю не находил себе места, мучась между женой, которая сходила с ума от горя, и дочкой, которая вот-вот должна была... – по его щеке покатила слеза, – Тогда-то я и вспомнил про книги. Конечно, ритуал, который избавляет от всех проблем был невероятным, но ещё большее негодование вызывало то, что всего пару недель назад у меня была счастливая семья, а потом... В один миг все рухнуло. И я решился. Украл книги у Вити и принялся их расшифровывать.

– Вы учили старославянский? – переспросила я.

– Мы с отцом Даши учили его вместе ещё со школьной парты. Лишь в конце школы я передумал становиться линг-

вистом и поступил в медицинский.

– А комета? – вспомнила я.

– С кометой мне безумно повезло. Она приближается к земле только раз в тринадцать с половиной лет. Но без неё можно и не пытаться провести этот ритуал. В древности верили, что комета и есть божок, изгнанный другими с Земли за чудовищные злодеяния. И с каждым перигелием она несет на планету частичку своего зла. Поэтому в те времена кометы толковали как дурное знамение.

Я вздохнула. Голова раскалывалась. Всё тело гудело, а руку будто засунули в кастрюлю с кипятком. Части меня хотелось умереть уже поскорее.

Старик вздохнул:

– Когда я всё подготовил, и пришло время второго этапа ритуала, то есть жертвоприношения рабов и сестры несчастного мужика, которого я спалил в печи, прибежал протрезвевший Витя, который всё-таки обнаружил пропажу. С пистолетом деда. Угрожая им, он попытался достучаться до моей совести. Для меня не было проблемой с помощью толпы психов, которые меня тогда слушались, остановить его. Но, когда я спускался в подвал, думая о том, что собираюсь сделать, убить семь невиновных людей... Я дрогнул. И, похоже, что книги об этом узнали. Они отлично понимают настрой своих хозяев. Да, ты не ослышалась, книги... они живые. Когда я повернулся, чтобы направиться к выходу, оказаться подальше от всего этого ужаса, оказаться там, где я должен был

быть – у кровати умирающей дочери, я упал. Это было настолько глупо и неестественно, что я до сих пор уверен в том, что это они во всём виноваты, – старик ткнул в книжечку, прячущуюся у него под полой. Когда он, интересно, успел её туда сунуть? – Они поняли, что я не совершу того, что им было нужно и решили обойтись без меня. Когда я потерял сознание, как я узнал позже, психопаты сбросили оковы моего контроля и начали всю ту резню, о которой ты знаешь не понаслышке. Потом же я узнал, что твоя мать зачем-то вернулась после смены в больницу, увидев меня с книгой, обо всём догадалась и спрятала выроненный мной томик, после чего была застрелена в упор. Следов борьбы не нашли, значит, это был тот, кого она знала. Это был Витя. Его тело тоже нашли. Скорее всего, он застрелился сам. После того, что сделал...

Моё тело похолодело. Отец Даши убил мою мать? И всё из-за каких-то книг? А старик продолжил:

– Когда я пришёл в себя, увидел, что наделал. Весь подвал, больница ... вся станица оказалась завалена телами... Я... Я не хотел всего этого... Не хотел...

– Что было потом? – произнесла я.

– Я вернулся домой только вечером следующего дня. И увидел совершенно здоровую дочь. И улыбающуюся довольную жену, которая приготовила ужин, хотя она не стояла у плиты с того момента, как заболела наша малютка. С ними всё было нормально! Я ложился самым счастливым челове-

ком, закинув подальше в сознании всё то, что случилось по моей вине.

А проснулся самым несчастным и весь в крови. Моя дочь... Моя дочь зарезала свою мать во сне... а потом с улыбкой набросилась и на меня. «Не сопротивляйся, папочка, – кричала она, пытаясь достать до моего горла, – Скоро мы все вместе отправимся в путешествие...»

Он провел ладонью по лицу, собираясь с силами.

– Я сказал следователям, что жену тоже убили вырвавшиеся психи. А дочь... Дочь я поселил под свой присмотр в больницу...

Как будто поняв, что речь идёт о нём, из-за цены показалось существо. Голая бледная кожа резко контрастировала с чёрными, как смоль, полосами, почему-то торчащими в разные стороны.

– Инид? – удивилась я.

Доктор ухмыльнулся:

– Так звали её любимого книжного героя. Она часто просила, чтобы и её так звали. Её настоящее имя...

С резким звуком распахнулась парадная дверь актового зала. Из-за неё, наперевес с брошенной мною бензопилой, вышла... Дашка! На неё тут же кинулись трое участвовавших в ритуале психи.

Воспользовавшись заминкой доктора, вызванной столь эффектным появлением помощи, я резко поднялась и накинулась на старика. Но уже через мгновение пистолет был на-

правлен в мою сторону. Я даже не успела испугаться, когда главврач в который раз нажал на курок.

– Щёлк! – оповестил пистолет об отсутствии патронов.

Я схватила колун и начала напирать на доктора, но тот не растерялся. Он схватил тяжёлую скамейку и со всех сил помчался на меня. Это стало для меня полной неожиданностью и опускающемуся с огромной скорости колуну не хватило пары секунд, чтобы превратить его голову в котелок с кашей из мозгов. Топор отлетел в сторону. Я схватила старика за плащ, и мы покатались по полу.

Даша в это время выставила перед собой визжащую совдеповскую бензопилу, преграждая психам путь к себе. Но те не стали особо церемониться с гостьей без приглашения. Анастасия буквально сама прыгнула на направляющую шину, по которой весело бегала цепь. Бензопила с удовольствием принялась отрабатывать своё топливо. И пока она наматывала на себя кишки сорокалетней женщины, остальные, воспользовавшись смятением моей подруги, схватили девушку. Пары сильных ударов её головы об стену хватило, чтобы она отключилась...

Поняв, что Даша проиграла, доктор выхватил у меня из-за пояса книгу и отскочил в сторону. Даже в этот тяжёлый момент он не хотел выполнять грязную работу своими руками. Я встала и схватила ставший уже родным топор. Первому подскочившему психу я в ярости заехала в шею, практически обезглавив мужчину. Фонтанчик крови, который тут

же принялся бить из его полуразделенного тела, за считанные секунды забрызгал меня, стены и пол отвратительной жидкой.

Второму топор врезался в грудь, перемалывая кости и внутренние органы, что вызвало у меня крайне неприятные воспоминания. Которые тут же оборвал тяжёлый брусок, опущенный на мою многострадальную голову...

* * *

Мои разные глаза открылись, снова ввергая моё сознание в этот несовершенный мир. Я почувствовала досаду. Хотелось умереть. И, наконец, воссоединиться со своей семьёй. Всё равно исход был предначертан заранее. Ритуал должен быть завершён.

Все чудовищные события сегодняшней ночи, всё то, через что мне пришлось пройти, не значили ровным счётом ничего. Я сидела привязанная к скамейке, на том месте, где недавно была освобожденная мной трусиха, и меня вот-вот вспорют, принеся в жертву какому-то дурацкому божку, изгнанному с Земли в незапамятные времена. Даша лежала на гнилых досках пола и, похоже, была мертва. Над мальчиком повис спятивший доктор, который готовился устроить кровавую баню.

– Ты всё равно не вылечишь свою дочь, – как-то безразлично сказала я, даже не думая пытаться уговорить доктора. Я просто констатировала то, что должно было случиться че-

рез считанные секунды.

– В прошлый раз я неправильно сформулировал свое желание... Нужно говорить в точности, что тебе нужно. В этот раз я не повторю ошибки. Я всё исправлю. Ради моей жены... Ради моей дочери...

– Я бы позлорадствовала тебе, когда у тебя снова ничего не получится, но это трудно будет сделать с перерезанным горлом, – слегка ухмыльнулась я.

– Мне действительно жаль твою семью. Я не хотел, чтобы всё получилось именно так... Я всего лишь мечтал спасти свою малышку...

Инид стояла в углу, словно нашкодивший ребёнок, и ни на что не реагировала. Она была обнажена, и я почему-то подумала, что, наверное, ей очень холодно. Холодно и одиноко. Человек-призрак среди общества никчёмных суесящихся людишек.

– Я надеюсь, на том свете для тебя подготовили отдельное местечко.

– Мне плевать, – ответил доктор, потупив взгляд, – Уже плевать... Лишь бы спасти дочь.

Он начал, напевая виснувшие в воздухе строки заклинания, заносить тяжёлый нож. Мальчик даже не взглянул на сверкнувшее лезвие, и так понимая, что это конец. Его смерть медленно поднималась всё выше, готовясь нанести роковой удар.

Краем глаза я заметила, как фигура Инид стала рассы-

паться в воздухе, словно пепел на ветру. И уже буквально через миг она оказалась у доктора за спиной. Нож молниеносно переключался в посиневшие от холода пальцы девушки. А затем прошелся по горлу недоумевающего старика.

На подсознательном уровне доктор зажал рукой рану, пролегающую от уха до уха, подарив себе тем самым ещё пару секунд жизни.

– Доченька... – было последнее слово обезумевшего доктора, которое он молвил одними губами, словно узнавшего в двадцатилетней бледной пациентке психиатрии свою девочку. А затем его глаза остекленели, и старик упал ниц.

Застывшее тело Инид снова стало растворяться...

Мне пришлось потратить немало времени, чтобы, кое-как извернувшись, распутать наспех завязанные покойником узлы. Когда я, находясь словно во сне, схватила окровавленный нож и подошла к более или менее очухавшимся пленным, то увидела в их глазах страх. Они отшатнулись от меня, словно я пришла их резать, и мне показалось это забавным. Я бы с радостью поиграла с чувствами и телами этих глупцов, но были дела куда важнее, чем привязанное к скамейке трясущееся от страха мясо. Я просто кинула перед ними нож, мол, спасайтесь, как хотите, и повернулась к мальчику. Пока я его освобождала, паренёк совершенно ни на что не реагировал. Было очевидно, что его психическое здоровье стремительно ухудшилось с момента его похищения из

больницы. Его ждала нескончаемая терапия. Я обняла его и поняла, что едва ли что-то смогу сейчас для него сделать. Только накинула на него своё грязное пальто, чтобы он не простудился, словно это могло избавить его и от всех неприятных мыслей и воспоминаний...

Захватив с пола книжки, я из последних сил опустилась перед лежащей ничком Дашей. Когда я с облегчением нащупала у подруги пульс, она, словно ощутив моё прикосновение, открыла ничего не понимающие глаза.

– Аннушка, ты жива?

– Да... – прошептала я, находясь на грани сознания, – Даша... Эти книги... Их нужно уничтожить...

– Что? – непонимающе переспросила брюнетка, приподнимаясь на локтях.

– ... Нужно уничтожить... – из последних сил повторила я и погрузилась во всеобъемлющую, лишённую боли и страха пропасть мрака...

Эпилог

Не по-зимнему яркое, недавно поднявшееся из-за горизонта солнце стало согревать небольшой сонный городок. Лёгкий тёплый ветерок резвился с вывешенным на балконах и верёвках стираным бельем. Немногочисленные белоснежные облака не торопясь плыли по небосводу. Окончательно растаявшие островки сугробчиков обнажили мокрую землю и зелёно-рыжую траву. В воздухе повис запах весны.

Милая брюнеточка небольшого роста оторвала свой задумчивый взгляд от окна и вздохнула, вспоминая прошлое. К ней подошёл скрюченный старичок с небольшой бородкой и умными глазами, одетый в белоснежный халат.

– Это вы желаете посетить Анну? – задал он вопрос, который был пустой формальностью.

Девушка кивнула.

– Честно сказать, я пару раз видел подобных пациентов, – откровенно заявил доктор, – Она всем сердцем уверена, что от взбесившегося кататоника, который не двигался тринадцать лет, её спасла покойная сестра, спалив его дотла. А главврача вашей больницы убила его выжившая дочь, которая затем растворилась в воздухе, превратившись в пепел. И я уверен, что она может быть опасной, если взять во внимание мой опыт и случившееся. Но, пока не собрался консилиум, на котором я рекомендую отправить её в отделение

для буйных, я не могу запретить вам посетить Анну, но...
Будьте осторожнее.

– Даже в действиях психов присутствует логика, доктор.
Вы это знаете не хуже меня. Она меня не тронет.

Старик лишь покачал головой.

Наконец, дверь одиночной палаты распахнулась перед брюнеткой. Она вздохнула, словно перед тяжёлым экзаменом и вошла во внутрь. На полу комнаты сидела, обняв свои колени, осунувшаяся и прибывающая в не самом лучшем состоянии девушка. На её лице и руке красовались повязки, так как травмы ещё не успели затянуться полностью. Из одного её глаза стекала слезинка, которую хозяйка даже не замечала. Девушка сидела и смотрела в одну точку на стене; изредка её мышцы на шее подёргивались, и голова спазматически поворачивалась влево.

– Аннушка? – позвала брюнетка, подойдя к пациентке поближе. Та заметила подругу далеко не сразу, словно она была лишь одной из многочисленных галлюцинаций её воспалённого сознания.

– Даша? – я слегка повернулась в сторону подруги, – Это правда ты?

– Конечно, я, – с улыбкой ответила брюнеточка.

Я медленно опустила взгляд:

– Кто-то еще выжил? – вопрос был крайне болезненным, но я должна была знать на него ответ.

– Мне очень жаль... Почти все пациенты, кто не нашел

свою смерть в больнице, утонули в реке или вскрыли себе вены, но обнаружили ещё не всех. Майя, Инид и ещё несколько человек пропали без вести. Лишь запертую в карцере Лизу успели довести до больницы. Но она в коме.

– Что... – мой голос дрогнул, – Что с мальчиком?

– Его отвезли в краевую клинику. Он впал в кататонию. Врачи отзываются весьма скептически о его выздоровлении хоть когда-либо.

Я стёрла с глаз слёзы. В глубине души я знала, что этим и кончится. Что бедному пареньку, не успевшему пожить, так и не представится эта возможность. Его судьба оказалась в сотни раз хуже моей... И я ничего не могла сделать...

– Ты уничтожила их? Избавилась от них? – задала я последний и, наверное, самый важный вопрос.

– Да, – ответила Даша с успокаивающим жестом, – Я сожгла их.

Неожиданно на меня словно вылили ушат с ледяной водой. В недоумении я повернула голову к девушке и сказала, чеканя каждое слово:

– Они ведь не горят...

Брюнеточка оказалась в замешательстве. Она лихорадочно искала в голове оправдания.

– И ты хочешь убедить меня в том, что их не стоит опасаться, чтобы...

Я ненадолго задумалась, хотя ужасающая отгадка лежала буквально на поверхности:

– Чтобы воспользоваться ими самой... – эти слова слетели с моих губ, но я ещё не могла поверить в них. Лишь изменившаяся в лице оппонентка подтвердила мою страшную догадку...

– Да! Да, черт побери! Только идиот не воспользуется таким подвернувшимся шансом.

– Шансом убить ни в чем не виновных людей? – я не могла убедить себя в том, что передо мной та самая Даша, с которой я не так давно секретничала на кухне доставшегося по наследству домика...

– Шансом отомстить! – парировала девушка, – Отомстить за всех невинно убитых, за моих родителей, за твоего отца, за твою сестру... Разве ты не хочешь рассчитаться за них?

– Я не хочу этой мести! – выпалила я, – А все остальные, которых ты приплела, сейчас кормят червей. Им не нужно отмщение, им нужен покой.

Девушка неожиданно потупила взгляд и отошла в угол комнаты, скрестив руки на груди:

– Знаешь... Овладение этими книгами было смыслом моей жизни...

– О чём ты говоришь? – удивилась я.

– Когда я рассказывала тебе свою историю, я была не совсем честна. Помнишь, я говорила, что пыталась заглянуть в эти книги, когда мне было лет пятнадцать. Так вот, тогда отец валялся в сарае в стельку пьяный. И недолгого изучения его перевода рукописей мне вполне хватило, чтобы осознать

всю мощь этих томиков. Сначала я, конечно, как и ты полагала, что это полный бред. Убивать невинных людей для эгоистичных целей казалось мне невообразимым. И только побои отца, матери, и каждая опрокинутая ими рюмка, понемногу стали меня переубеждать. Разве это тот мир, в котором мы хотим жить? Разве эти невинные людишки не вставят тебе нож в спину при первом же удобном случае, ты только дай мотив? Разве мы с тобой не заслужили лучшего, чем вкалывать санитаркой, подтирая задницы больным, или сидеть в психушке, выслушивая насмешки молодых врачей и копаясь в своём чудовищном прошлом?

Она ненадолго замолчала, переводя дух, а затем продолжила:

– В ту мрачную ночь я не была в гараже. Я легко ускользнула от страдающей похмельем матери и отправилась следом за отцом. Я просто надеялась стащить книги... Но, когда он зашёл в больницу, его тут же схватили психи, подчинявшиеся проклятому главврачу. Они поссорились, и вскоре доктор удалился в подвал, где его ждали жертвы. Мой отец решил это предотвратить, он выхватил пистолет, но на него тут же накинулись сумасшедшие... В борьбе он застрелил сам себя. Прямо у меня на глазах...

По щекам девушки побежали слёзы. Но она стряхнула их, поправила причёску и, шмыгнув носом, заговорила снова:

– Когда психи убрались, я вся в слезах подползла к покойному отцу. Так бы и осталась там, рыдая и сожалея о потере,

если бы мой взгляд не упал на дымящийся пистолет... Тут я поняла, что могу всё изменить. Нужны были всего лишь чёртовы книги и несколько жалких душ. Я схватила оружие и побежала вслед за доктором. Тогда я не знала, что он направился именно в подвал. И заглянула туда только из-за женского голоса.

Даша собралась с силами, чтобы дорассказать о произошедшем тогда:

– Когда я открыла дверь, ведущую вниз, увидела распластавшегося на земле доктора, который, как я подумала, был мёртв и стоявшую перед ним на коленях... Твою маму.

Внутри меня все похолодело. Моё подсознание начало догадываться, что произошло. Но разум пытался отвергнуть истину.

– Я приказала ей отойти от доктора. И, пошарив в его карманах, нашла-таки один домик. Но мне были нужны оба. Я нацелила на женщину пистолет и попросила отдать книгу. Она сказала, что не понимает, о чём я, но было видно, что она лжёт...

– Ты застрелила её... – произнесла я словно во сне. В своём самом страшном сне под названием жизнь.

Девушка расплакалась:

– Она почти убедила меня, что я совершаю большую ошибку... Но, когда я начала опускать пистолет, дверь в подвал с грохотом отворилась. На нас понеслась парочка обезумевших. Я быстро остановила их несколькими выстрелами,

но, обернувшись к твоей матери, я застыла в ужасе, выронив книгу. От резкого шума я непроизвольно надавила на спусковой крючок, и женщина, ещё минуту стоявшая напротив меня, лежала на полу мертвее мёртвых. Пуля вошла в нижнюю челюсть, раздробив её на две части и застряла где-то в мозге. Я... Я правда не хотела этого делать... Это просто чудовищный несчастный случай...

Моё сознание начало куда-то уплывать. Я совершенно не знала, как реагировать на новость о том, что моя лучшая подруга убила мою мать. Злиться, плакать или... простить? Взявшее руль в свои руки подсознание отстранённо спросило:

– И что же ты собираешься делать?

Даша вытерла слёзы и уже решительным тоном произнесла:

– Я сделаю этот мир лучше. В нём не будет ни краж, ни убийств, ни браконьерства, ни чрезмерного загрязнения экологии, ни недовольства властью, а значит, и войн, в том числе гражданских, никаких развалов государств.

– И как ты это сделаешь? – тихо прошептала я.

– О, я знаю, что ты хочешь сказать: недовольные есть всегда, при любом государственном строе. Будь то монархия, тоталитаризм или демократия. И ты будешь права. Но проблема всех этих организаций в том, что они пытаются угодить людям, сделать ставку на то, чтобы люди были счастливы в их государстве и поддерживали власть. Даже в тотали-

тарном Советском Союзе, который нынче стали так обгаживать в СМИ. Но, спроси ты десять человек, которые жили в те времена, и девять из них ответит, что им жилось не так уж и хреново...

Куда эффективнее во власти делать ставку не на удовлетворенность людей, не на совесть, и даже не на любовь. А на страх. Тоталитарные системы, сделавшие ставку именно на него, часто действуют куда эффективнее... Представь себе такое государство, но с совершенной и справедливой системой наказаний... Разве человек наверняка знающий, что после того, как он украдет буханку хлеба у своего соседа, ему отрубят руку, станет вором? Разве человек, понимающий, что за умышленное убийство, вырежут всю его семью, пойдёт на это? Разве человек, стопроцентно ведающий, что за то, что он изнасиловал девушку, его заставят весь день нырять в чан с дерьмом, а потом четвертуют, рискнул бы? Разве моя мать стала бы столько пить, зная, в каких мучениях закончится её никчемная жизнь?

– Это ведь живые люди... А не скот.

– Правда? По подавляющему большинству их поступков и не скажешь.

– Твой план безумен, – в отчаянии прошептала я, – У тебя ничего не выйдет.

– У тебя? Ты не со мной?

Я подняла на неё свои разные глаза:

– Эти книги нужно уничтожить, – упрямо ответила я.

Девушка покачала головой:

– Твой раздутый альтруизм и желание быть несчастной не позволяют тебе смотреть на вещи рационально. Ты заложница границ, воздвигнутых в твоём сознании пропагандой общества.

– А ты спятила, – осуждающе прошептала я.

Брюнетка вспыхнула:

– В таком случае, очень жаль, что все козыри находятся у меня, – она подошла к двери, – А насчёт «ничего не выйдет», мы ещё посмотрим.

Моя бывшая подруга покинула палату, захлопнув за собой дверь. Я подбежала к ней и принялась долбить по дереву, крича:

– Держите её, держите! Она хочет сделать нас несчастными! Она хочет...

С каждым выкриком я всё больше доказывала санитарам и врачам своё безумное состояние. Осознав это, я в бессилии опустилась на пол камеры, неожиданно вспомнив, чьё лицо я видела в том сне под чёрным капюшоном. По изуродованному лицу из глаз побежали горячие слёзы. А в голове кружились лишь две аксиомы этого мрачного мира, для осознания которых мне пришлось пережить столько ужасных вещей.

Друзья – это враги, которых ты ещё не знаешь.

И...

Всё всегда кончается плохо.